

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск (865)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

CKWW I CYAAPC,

Год основания – 1940

Москва ФГБОУ ВО МГЛУ 2022

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION «MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTIVIK (865) OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY HUMANITIES

CYAAPC, МГЛУ

The year of foundation – 1940

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 10 (865)

Печатается по решению Ученого совета Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор Г. Г. БОНДАРЧУК

доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г П А	(A4EDA)	
Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)	
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)	
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)	
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)	
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)	
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)	
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)	
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)	
Гусейнова И.А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)	
Евтушенко О.В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)	
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)	
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)	
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук	
Зусман В. Г.	(Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН) доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)	
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)	
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)	
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)	
Краева И.А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)	
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)	
Малыгина И.В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)	
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)	
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)	
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)	
Семина И.А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)	
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)	
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)	
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)	
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)	
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)	
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)	
Харитончик З.А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)	
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)	
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)	
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)	
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)	

Issue 10 (865)

Published by the decision of the Academic Council Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief G. G. BONDARCHUK

Doctor of Philology, Professor

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)	
Bondarev A.P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)	
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)	
Vorobiov V.V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)	
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)	
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)	
Golubina K.V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)	
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)	
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)	
Yevtushenko O.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)	
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)	
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)	
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)	
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)	
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)	
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)	
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)	
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)	
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)	
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)	
Osminina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)	
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)	
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)	
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)	
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)	
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)	
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)	
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)	
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)	
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)	
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)	
Khitina M.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)	
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)	
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)	
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)	

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Потенциал русизмов в современной испаноязычной литературе АБКАДЫРОВА И. Р., ШЕВЦОВА М. А	9
Особенности перевода слоганов социальной рекламы в современном веб-пространстве АНИСИМОВ В. Е., КАЛИННИКОВА Е. Д.	. 16
К вопросу о применимости термина «тополект» в отечественной лингвистике ДРЕЙЗИС Ю. А.	. 24
Сопоставление объема значений слова «виртуальный» в русском и китайском языках ДУБИНИНА М. Н.	. 31
Корпусный анализ языковой репрезентации специальной военной операции ВС РФ на Украине в СМИ КНР	41
КАЛИНИН О. И	. 41
Частотность суффиксальных морфем как характеристика китайского новостного военного дискурса КОРШУНОВ Д. С.	. 48
Лингвокультурные особенности военной терминологии (на примере корейского и русского языков) МАВЛЕЕВА Д. В.	
Лексико-статистический анализ освещения специальной военной операции РФ на Украине официальными иранскими СМИ	60
ПОЛИЩУК А. И., КОКЛИКОВ В. О.	. 63
Взаимная обусловленность языка и этнической культуры (на материале китайской и русской лингвосоциокультур) САЛИМОВА М. М.	71
	. / 1
Персидские заимствования в русском языке: фонетический аспект СИЯМИ ЭЙДЛАК X., ЭСТИРИ М.	. 78
Перевод художественного текста с имплицитным содержанием с корейского языка на русский при помощи автоматических переводчиков (на материале романа Пэ Суа «Непостижимая ночь, неразгаданный день»)	
ТОМЧИНА Э. М	84
Проблема перевода реалий общественно-политического дискурса арабского языка ТЮРЕВА Л. С.	90
Проблема перевода корейских эвфемизмов на русский язык	
YVE A M WAPORA F M	98

СОДЕРЖАНИЕ

ШАХАЕВА А. А.	105
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
Развитие арабской прозы в эпоху джахилии (V–VI вв. н. э.) АЛЬБЕКОВ И. М.	112
Антропонимикон исторической новеллы Б. Ринчена «Мужественная Ану» ДАШИБАЛОВА Д. В., ВАСИЛЬЕВА Д. НД.	120
Художественная модель времени и пространства в поэзии Н. Гургубаевой КУЛТАЕВА У.Б.	126
Был ли Лукьян Якубович автором рецензии на «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя? НИКИТИНА Д. М.	133
«Печальный странник в мире людей»: особенности авторского стиля Налань Синдэ в стихотворениях жанра цы ШУКЛИНА А. В., ЧУНЬЦАЙ МЭЙ	141
культурология	
Идеи социального неравенства в творчестве южнокорейского режиссера Пон Чунхо ПОХОЛКОВА Е. А., МОЗОЛЬ Т. С.	147
Эгалитарная культура: осмысление феномена в западной антропологии XX века РАФИЕВ Т. О	154

LINGUISTICS

Potential of Russian Loanwords in the Modern Spanish Language Literature ABKADYROVA I. R., SHEVTSOVA M. A	9
Translation Features of Social Advertising Slogans in the Modern Web Space ANISIMOV V. E., KALINNIKOVA E. D	. 16
On the Applicability of the Term "Topolect" in Russian Linguistics DREYZIS YU. A	. 24
Comparison of Meanings of the Word "Virtual" in Russian and Chinese DUBININA M. N	. 31
Corpus Analysis of the Language Representation of the Russian Special Military Operation in Ukraine in the PRC Mass Media KALININ O. I.	. 41
Frequency of Suffixal Morphemes as a Characteristic of Chinese News Military Discourse KORSHUNOV D. S.	
Linguistic and Cultural Peculiarities of Military Terminology (on the example of the Korean and Russian languages) MAVLEEVA D. V.	. 57
Lexico-statistical Analysis of the Coverage of the Special Military Operation of the Russian Federation in Ukraine by the Official Iranian Media POLISHCHUK A. I., KOKLIKOV V. O.	. 63
The Interaction between Language and Ethnic Culture (based on the Chinese and Russian linguosociocultures) SALIMOVA M. M.	. 71
Persian Borrowings in the Russian Language: Phonetic Aspect SIYAMI EIDLAK KH., ESTIRI MAJID	. 78
Translation of Literary Text With Implicit Content from Korean into Russian Via Automatic Translators (based on the novel by Bae Suah "Untold Night and Day") TOMCHINA E. M.	. 84
The Problem of Translating the Realities of the Socio-political Discourse of the Arabic Language TYUREVA L. S	. 90
Challenge of Translating Korean Euphemisms into Russian CHUB A. I., ZHAROVA E. M.	. 98
Emotive Component in the Semantic Structure of Chinese "Laughing" Verbs	105

CONTENTS

LITERARY STUDIES

The Development of Arabic Prose in the Era of Ignorance (V–VI AD) ALBEKOV I. M.	. 112
Anthroponymycon of B. Rinchen's Historical Short Story "Courageous Anu" DASHIBALOVA D. V., VASILEVA D. ND	. 120
Artistic Model of Time and Space in N. Gurgubaeva's Poetry KULTAEVA U. B.	. 126
Was Lukyan Yakubovich the Author of the Review of "Evenings on a Farm near Dikanka" by N. V. Gogol? NIKITINA D. M.	. 133
"A melancholy Wanderer in the World": Peculiar Features of the Writing Style in Nalan Xingde's Ci-poems SHUKLINA A. V., CHUNCAI MEI	. 141
CULTUROLOGY	
Ideas of Social Inequality in Films Directed by Bong Joon-ho POKHOLKOVA E. A., MOZOL T. S.	. 147
Egalitarian Culture: Comprehension of the Phenomenon in the Western Anthropology of the 20 th century	
RAFIEV T. O.	. 154

Научная статья УДК 811.134.2 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_9

Потенциал русизмов в современной испаноязычной литературе

И. Р. Абкадырова¹, М. А. Шевцова²

1,2Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹irabkadyrova@sfedu.ru

²mashevcova@sfedu.ru

Аннотация. Исследование проводится на материале романов современных испаноязычных авторов. Семан-

тический, коммуникативно-стилевой и когнитивно-прагматический потенциалы русизмов в анализируемых текстах, как правило, реализуются в сопровождающей их экспликации. Когнитивно-прагматический потенциал русизмов также может быть обусловлен их реализацией в составе фразеологических единиц. Введение русскоязычных имен собственных в испаноязычный текст

может не соответствовать нормам русского коммуникативного стиля.

Ключевые слова: русизм, заимствование, испанский язык, семантический потенциал, коммуникативно-стилевой

потенциал, когнитивно-прагматическим потенциал, художественная литература

Для цитирования: Абкадырова И. Р., Шевцова М. А. Потенциал русизмов в современной испаноязычной литера-

туре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные

науки. 2022. Вып. 10 (865). С. 9-15. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10(865)_9

Original article

Potential of Russian Loanwords in the Modern Spanish Language Literature

Irina R. Abkadyrova¹, Maria A. Shevtsova²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov on Don, Russia

¹irabkadyrova@sfedu.ru

²mashevcova@sfedu.ru

Abstract. The article analyses Russian loanwords in the modern Spanish language literature. It results that

Russian loanword possess semantic, communicative-stylistic and cognitive-pragmatic potentials that are contingent on their explication (in most cases). Russian loanwords may also obtain cognitive-pragmatic potential when inserted into phraseological units. The use of Russian proper names may

not necessarily meet the standards of the Russian communicative style.

Keywords: russism, loanword, the Spanish language, semantic potential, communicative-stylistic potential, cog-

nitive-pragmatic potential, literature

For citation: Abkadyrova, I. R., Shevtsova, M. A. (2022) Potential of Russian loanwords in the modern Spanish

language literature. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(865), 9-15.

10.52070/2542-2197_2022_10_865_9

ВВЕДЕНИЕ

Глобализационные процессы, происходящие в современном мире, приводят к тому, что вопросы межкультурной коммуникации и языковых контактов находятся в центре внимания многих исследователей в настоящее время. Так, особое место в лингвистических исследованиях последних десятилетий отводится изучению заимствований. При этом, как отмечается, «заимствование не является механическим включением слова одного языка в другой» [Корнилова, 2010, с. 4]. Выбор заимствования необходимо рассматривать как социально значимое действие, контекстуальное выражение себя и определенной социальной идентичности [Zenner, Rosseel, Caludec, 2019]. Вопрос функционирования заимствований в испанском языке является особенно актуальным в силу того, что именно этот способ лексических инноваций – второй по частотности в данном языке [Salas et al., 2019]. При этом, если специфика проникновения лексем из английского языка в испанский достаточно хорошо изучена, то вопросы реализации русизмов до настоящего времени не нашли столь подробного освещения, что, скорее всего, связано с небольшой частотностью их употребления и малым количеством русизмов, зарегистрированных в Словаре испанской Королевской академии. В то же время именно ограниченный набор русизмов в испанском языке обусловливает их широкие возможности реализации в качестве прагмем и стилистических средств. Кроме того, «различные подходы к национальной языковой политике привели к весьма неоднородным статусным уровням русского языка и его присутствию в языковой среде» [Забродская, Иванова, 2021, с. 829]. Так, он может выступать «родным языком или одним из первых усвоенных языков, одним из родных языков или эритажным языком, языком культурного наследия, лингва франка, языком меньшинства или языком группы меньшинства, языком коммодификации, «языком бывшего оккупанта», иностранным языком, языком как инструментом власти, инструментом мягкой силы, языком (лингвистической, политической, геополитической и пр.) напряженности, языком как форматом для дебатов и т. д. [там же, с. 830].

Цель данного исследования заключается в анализе реализации русизмов в современной испаноязычной художественной литературе. Актуальность настоящего исследования обусловлена развитием языковых контактов, необходимостью изучения реализации заимствований из русского языка в современных условиях, а также меняющейся ролью русского языка в мировом языковом пространстве. В языковом плане проблематика

представляется актуальной в силу возможности реализации русизмов в испанском языке в качестве прагмем и культурем. Кроме того, по мнению ряда ученых, «определение коммуникативно-функционального и структурного статуса иноязычных вкраплений в художественном тексте является одной из актуальных проблем современной лингвистики» [Изюмская, 2011, с. 205].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для исследования послужили романы «Llamadme Alejandra» испанской писательницы М. Л. Эспидо Фрейре (María Laura Espido Freire), «Testigo invisible» чилийской писательницы К. Посадас (Carmen Posadas), «Alejandro Romanov» аргентинской писательницы С. Мигенс (Silvia Miguens), которые повествуют о событиях в России и судьбе представителей императорской семьи Романовых. Рассмотрение реализации русизмов проводится при помощи метода компонентного анализа, контекстуального анализа и метода когнитивно-прагматического анализа.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ научной литературы по вопросам исследования русизмов в романо-германских языках и анализ практического материала показали, что их реализация обладает следующими особенностями:

- 1. В процессе проникновения в другие языковые системы русизмы, как и другие заимствования, могут менять свое значение. «Большинство лингвистов сходятся во мнении, что семантика заимствованного слова изменяется в языке-реципиенте в основном по четырем направлениям: сужение значения слова, расширение значения слова, изменение / перенос / сдвиг значения слова, также может наблюдаться отсутствие каких-либо семантических изменений при заимствовании» [Трифонова, 2017, с. 167]. При этом за рядом русизмов закрепились значения с негативными коннотациями.
- 2. Русизмы могут функционировать в одном языке в нескольких вариантах транслитерации. В испанском языке в нескольких вариантах реализуется лексема "тройка": troika, troika. При этом встречаются и изменения формы в стилистических целях [Дебренн, 2021].
- 3. Неоднократное использование русизма в речи носителей различных национальных

вариантов испанского языка необязательно приводит к его включению в словари. Например, «русскоязычные лексемы "da" и "nyet" употребляются в американских газетах на протяжение ряда лет и понятны многим американцам, однако не включены в словари английского языка» [Benson, 1962, с. 46]. В ряде словарей испанского языка (RAE, словарь Multitran.ru) данные лексемы также не зарегистрированы. «В электронных СМИ встречаются примеры даже атрибутивного употребления лексемы "nyet"» [там же]. Самым ранним и распространенным из словосочетаний такого типа является «nyet man» в отношении А.А. Громыко.

- 3. При вводе русизмов в художественный текст писатели, как правило, сопровождают их разными типами экспликации.
- 4. Ксенонимы-русизмы, содержащие оценочный компонент, могут непосредственно участвовать в формировании образа России в определенном коммуникативном пространстве [Филатова, 2015].

РЕАЛИЗАЦИИ РУСИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Согласно результатам проведенного анализа, выделяются три типа потенциала реализации русизмов: 1. семантический; 2. коммуникативно-стилевой; 3. когнитивно-прагматический. Рассмотрим каждый тип подробнее:

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУСИЗМОВ.

В проанализированном фактологическом материале зафиксированы случаи изменения семантики русизма (например, лексема *ucase* реализуется в значении «обязательство») по сравнению с его концептуальным содержанием в русском языке. Семантический потенциал малоизвестных в испаноязычном пространстве русизмов связан с их экспликациями: в большинстве случаев авторские экспликации русизмов присутствуют при их первом употреблении в тексте, задавая их семантическое и коннотативное значения:

...observé que en la cabeza llevaba una **shapka** o gorro de zorro rojo (*C. Posadas. Testigo invisible*). – «...я заметил, что на голове у него была **шапка**, т. е. рыжая лисья шапка»¹.

Русизм **shapka** не зарегистрирован в Словаре испанской Королевской академии. Для пояснения его значения писательница предлагает испаноязычное словосочетание **gorro de zorro rojo** (рыжая лисья шапка). Примечательно, что в романе «Testigo invisible» данная лексем употребляется 13 раз. Экспликация значения встречается при первом употреблении. Далее по тексту романа лексема реализуется без экспликаций, но, как правило, с определением, указывающим на цвет и материал головного убора (в большинстве случаев – **rojo**). При этом, описывая беспорядок на улице Петербурга, автор отмечает:

Banderas rojas, guadañas, rastrillos que algunos parroquianos llevaban al hombro y todo un enjambre de *gorros y shapkas* se interponía entre él y nosotros (*C. Posadas. Testigo invisible*). – «Красные знамена, косы, грабли, которые некоторые прихожане несли на плечах, и целое полчище шапок и *шапок* отделяли его от нас».

Поскольку в данном случае лексемы *gorros* и *shapkas* являются однородными членами предложения, представляется возможным предположить, что в данном случае автор дифференцирует их значения. Соответственно, атомизация (закрепление границ значения) семантического значения лексемы *shapka* в испанском языке еще не произошла.

Значительно реже встречаются случаи комментирования при повторном употреблении русизмов, а также повторные комментарии. Так, лексема *staretz* в романе С. Мигенс «Alejandro Romanov» получает экспликацию значения, ближе к концу повествования:

Especialmente desde el momento en que puesto a vivir en aquel lugar al servicio de quien quisiera escuchar su palabra de *hombre sabio o staretz*, recibía como ofrenda dulces, pasteles o cualquier otro comestible (*S. Miguens, Alejandro Romanov*). – «И с тех пор, как он поселился в этом месте на пользу любому, кто захочет услышать его слово мудрого человека, т. е. старца, он принимал подношения в виде сладостей, пирогов или других яств».

Отметим, что в приведенном фрагменте экспликация не содержит указание на возраст, а подчеркивает умение человека применять свои знания и навыки, что соответствует не столько внутренней форме русскоязычной лексемы, сколько ее значению.

Наряду с прямыми экспликациями может иметь место сюжетное «обыгрывание» культурологических

¹ Зд. и далее перевод наш. – *И. А., М. Ш.*

комментариев. Так, например, в романе «Testigo invisible» автор объясняет испаноязычному читателю значение слова panikhida в форме комментария, который пожилая Нина Петровна дает своему маленькому племяннику. Широкий спектр техник, ориентированный на передачу семантического значения, также позволяет сформировать у читателя иноязычного текста культурологические знания и сократить комплекс дополнительных интерпретативных усилий.

КОММУНИКАТИВНО-СТИЛЕВОЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕАЛИЗАЦИИ РУСИЗМОВ

Анализ языкового материала показал, что в испаноязычных художественных текстах отмечается нетрадиционная для русского коммуникативного стиля реализация имен собственных. Данная особенность обусловлена тем, что «антропонимическая система каждого языка отличается своеобразием функционирования этих единиц» [Назирова, 2014, с. 10]. В частности, встречаются сочетания краткого варианта имени с отчеством (например, *Grisha Ivanovich*) или полное исключение имени перед отчеством, что нехарактерно для выражения уважения или почтения в русском коммуникативном стиле, например:

Acabada la función, Constantino, *la emperatriz Fiódorovna y Alejandro* ... se acercaron para agradecer al *zar Pablo* la velada... (*S. Miguens. Alejandro Romanov*). – «Когда завершилось представление, Константин, *императрица Федоровна и Александр* ... подошли, чтобы поблагодарить *царя Павла* за прием...»

Disculpe la irreverencia, *maestro Kuzmich*, pero tal vez haya sido aquel viaje a Tierra Santa el que le permite ver las cosas generosa y políticamente hablando (*S. Miguens. Alejandro Romanov*). – «Извините за непочтительность, *учитель Кузьмич*, но, возможно, именно эта поездка в Святую Землю позволила Вам увидеть истинную суть вещей».

Вероятно отсутствие традиции употреблений отчеств в испанском коммуникативном стиле приводит к их нестандартной реализации в романах, в частности:

- 1. титул + отчество: *la emperatriz Fiódorovna императрица Федоровна*;
- 2. уважительное обращение + отчество *maestro Kuzmich учитель Кузьмич*.

Что касается формы, то большинство широко известных русизмов-имен собственных в романах полностью адаптированы (Constantino, Pedro el

Grande, Alejandro), при этом зафиксированы случаи передачи прозвища русизмом:

Ese día fatal se acuñó un nombre para el joven monarca que no ha dejado de perseguirlo desde entonces: **Okrovavleni Nikolai, Nicolás el Sangriento**, así lo llaman todos (*M. L. Espido Freire. Llamadme Alejandra*). – «Этот роковой день дал прозвище молодому монарху, которое с тех пор не покидало его: **Okrovavleni Nikolai, Кровавый Николай, так его звали**».

Представляется возможным говорить и о форенизации. Так, в текстах встречается титул **Señor** в отношении представителей русского дворянства (в том числе императора). Наименование титула может сопровождаться как именем, так и фамилией, например: el jacobino **Señor** Alejandro (якобинец **Сеньор** Александр), la **señora** Narýshkina (сеньора Нарышкина).

Отдельно следует отметить обращениях к главе государства (царь, император), поскольку они отличаются от принятых в русском коммуникативном стиле. В анализируемых текстах присутствуют zar Pablo (царь Павел), Alejandro (Александр).

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУСИЗМОВ

Имена собственные-русизмы могут обладать определенным когнитивно-прагматическим потенциалом. Так, описывая комичную картину того, как маленький Леонид чуть не упал, автор упоминает имя В. Ф. Нижинского, русского танцовщика и балетмейстера:

Por fortuna, gracias a una contorsión que sin duda habría aplaudido el propio **Nijinski**, logré recuperar el equilibrio y el único percance fue que, de una patada, mandé el bastón de Mr. C danzando arabescos debajo del sillón de orejas (C. Posadas. Testigo invisible).

К счастью, благодаря своеобразной пластике, которой, без сомнения, аплодировал бы сам **Нижинский**, я смог восстановить равновесие, и единственной оплошностью был тот факт, что я столкнул ногой трость М-ра С, при этом арабески затанцевали под вольтеровским креслом.

Когнитивно-прагматический потенциал имени русского хореографа начала XX века В. Ф. Нижинского обусловлен его ролью в развитии балетной хореографии. Для интерпретации русизма и понимания того, как мальчику удалось устоять, читателю необходим запас определенных знаний пресуппозиции (В. Ф. Нижинский построил хореографию на

профильных позах, заимствованных из древнегреческой вазописи), поскольку писательница не сопровождает данный антропоним комментарием.

В испаноязычном тексте русизмы могут обладать определенным когнитивно-прагматическом потенциалом и в тех случаях, когда они выступают субститутом компонента фразеологической единицы, устоявшейся метафоры или сравнения. При этом происходит трансформация фразеологической единицы, т. е. ее «семантические и структурно-семантические преобразования, которые связаны с индивидуально-авторским замыслом» [Ермакова, Божко, Прокопова, 2014, с. 216]. Так, описывая поведение вольно ведущего себя в девичьей части царских покоев Г. Распутина, автор отмечает, что Rasputín entra como Piotr por su casa... (букв. прем. 'Распутин ходит по дому как *Piotr*...'). Потенциал фразеологической единицы entra como Pedro por su casa (перевод: «без разрешения, без почтения, самовольно») вследствие русификации входящего в ее состав имени собственного Pedro - Piotr претерпевает изменения за счет привнесения в него национального русского колорита. Примечательно, что в русском языке не зафиксировано фразеологической единицы с идентичной структурой. Русификации подвергаются не только фразеологические единицы, имеющие в компонентном состава имена собственные:

Y Alejandro, testarudo como un *cosaco*, no dejaba de sostener que de todos modos a él no le interesaba gobernar (*S. Miguens. Alejandro Romanov*). – «А Александр, упрямый, как *казак*, продолжал твердить, что не имеет абсолютно никакого интереса к правлению».

В данном случае последний компонент фразеологизма testarudo como un asno (оригинальный фразеологизм testarudo como un asno / una mula - «упрямый как осел /мул») заменен русизмом *un cosaco* (казак). Согласно пометке Словаря испанской Королевской академии, лексема *соѕасо* попала в испанский язык из киргизского и обозначает жителя одного из южных регионов России или русского солдата легкой кавалерии¹. Можно предположить, что когнитивную основу для такой замены дал образ, который сложился у представителей испанской лингвокультуры под влиянием переводов русскоязычной литературы (в переводе на испанский язык произведения Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» персонажа романа называют un cosaco testarudo (упрямый казак); в поэме «Canto del cosaco» испанского поэта-романтика Хосе

де Эспронседы казаки изображены свободными и непокорными) и той роли, которую казаки сыграли в Первой мировой войне. Однако можно говорить и об обратном переносе: вследствие того, что структура фразеологической единицы и ее наполнение легко узнаваемы испаноязычными читателями, они окажут влияние на семантическое значение русизма, закрепляя за ним дополнительные негативные коннотации (созасо = упрямый).

Отметим, что несмотря на то, что в словаре не закреплены негативные коннотации лексемы созасо, они проявляются в испанской фразеологической картине мира. В частности, в испанском языке употребляются фразеологизмы разговорного стиля beber como un cosaco в значении пить большое количество алкоголя и mentir como cosacos в значении много врать. Подобная негативная коннотация значения лексемы проявляется и в тексте романа, когда автор сравнивает несоблюдающих законы солдат с cosacos desbocados (ненасытными казаками):

Sus soldados se ven cansados y disconformes, sin entender bien por qué están combatiendo, se comportan formalmente en las ciudades, pero en las pequeñas poblaciones van como *cosacos* desbocados agrediendo a todo el que se les cruzara (*S. Miguens. Alejandro Romanov*). – «Его солдаты выглядят уставшими и недовольными, не понимающими, ради чего они сражаются, в городах они соблюдают приличия, но в маленьких селениях они ведут себя как *неудержимые казаки*, сжигая все на своем пути».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует отметить, что теоретические основы реализации русизмов в испанском языке исследованы довольно фрагментарно. Несмотря на небольшой интерес со стороны ученых, в современной испаноязычной художественной литературе употребляются как русизмы, зарегистрированные в испанских толковых словарях, так и единицы из русского языка, не нашедшие в них отражения. При этом в художественном тексте русизмы способны реализовывать три вида потенсемантический, коммуникативно-стилевой и когнитивно-прагматический. Именно их относительно ограниченная распространенность и непрозрачность внутренней формы (в отличие от англицизмов) позволяет использовать экспликации для того, чтобы задавать данным единицам семантическое и (или) коннотативное значение, а также связать их с определенными ассоциациями и аллюзиями. Семантические границы незарегистрированных в словарях русизмов могут быть

¹ URL: https://dle.rae.es/cosaco?m=form

незамкнутыми, а реализация русскоязычных имен собственных – не соответствовать нормам русского коммуникативного стиля. Наряду с экспликациями

когнитивно-прагматический потенциал русизмов может быть обусловлен их реализацией в составе трансформированных фразеологических единиц.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Корнилова Л. Е. Восточноазиатские ксенонимы в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010
- 2. Zenner E., Rosseel L., Caludec A. S. The social meaning potential of loanwords: Empirical explorations of lexical borrowing as expression of (social) identity // Ampersand. 2019. Vol. 6. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2215039019300608?via%3Dihub
- 3. Salas C. G. [et al.] Los periodistas y su responsabilidad en la incorporación de préstamos en español // C. G. Salas, P. Cañete-González's, C. Adam, O. E. Blanco Correa. Boletín de Filología. 2019. Vol.54, № 1. P. 231–254. URL: https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85083106821&doi=10.4067%2fs0718-9303201900010 0231&partnerID=40&md5=3ecf1b8db5eaa719a61dcd650b72ae13
- 4. Забродская А., Иванова О. Сохранение русского языка и языковые контакты // Russian Journal of Linguistics. 2021. Том 25, № 4. С. 828–854.
- 5. Изюмская С. С. Иноязычные вкрапления в современном художественном тексте (на материале произведений Б. Акунина и В. Пелевина) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, кн. 6. С. 204–211.
- 6. Трифонова Н. С. Модификация значений при заимствовании экономической лексики из английского языка в русский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11–3 (77). С. 166–169.
- 7. Дебренн М. Образ России во франкоязычных комиксах: к постановке проблемы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 19(4). С. 167–180.
- 8. Benson M. Russianisms in the American Press // American Speech. 1962. Vol. 37, № 1. P. 41 47.
- 9. Филатова А. А. Когнитивно-прагматические функции ксенонимов-русизмов в немецкоязычных текстах СМИ (на материале лексико-семантического поля «Русские народные промыслы») // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 3. С. 88–98.
- 10. Назирова А. М. Личные имена на стыке языков и культур: на примере аварских и азербайджанских имен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2014.
- 11. Ермакова Е. Н., Божко Н. А., Прокопова М. В. Замена компонента фразеологизма в художественном тексте как прием трансформации: прагматический аспект // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 9 (2). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zamena-komponenta-frazeologizma-v-hudozhestvennom-tekste-kak-priem-transformatsii-pragmaticheskiy-aspekt

REFERENCES

- 1. Kornilova, L. E. (2010). Vostochnoasiatskiye xenonimy v nemetskom yazyke = East Asian xenonyms in German: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
- 2. Zenner, E., Rosseel, L., Caludec, A. S. (2019). The social meaning potential of loanwords: Empirical explorations of lexical borrowing as expression of (social) identity. Ampersand, 6. https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2215039019300608?via%3Dihub
- 3. Salas, C. G. et al. (2019) Journalists and their responsibility to incorporate loanwords into Spanish. C. G. Salas, P. Cañete-González's, C. Adam, O. E. Blanco Correa. Boletin de Filologia, 54(1), 231-254. URL: https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85083106821&doi=10.4067%2fs0718-93032019000100231&partnerID=40&md5=3ecf1b8db5eaa719a61dcd650b72ae13
- 4. Zabrodskaja, A., Ivanova, O. (2021). The Russian language maintenance and language contacts. Russian Journal of Linguistics, 25(4), 828–854.
- 5. Izyumskaya, S. S. (2011). Foreign Inclusions in a Modern Literary Text (based on the works of B. Akunin and V. Pelevin). Proceedings of the Kazan State University. Humanities Series, 153(6), 204–211. (In Russ.)
- 6. Trifonova, N. S. (2017). Modificatsiya znacheniy pri zaimstvovanii economicheskoy leksiki iz angliyskogo yazyka v russkiy = Modification of meanings when borrowing economic vocabulary from English into Russian. Philology. Theory & Practice, 11(77), 166–169. (In Russ.)

- 7. Debrenne, M. (2021). Image of Russia in French-Language Comics. NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 19(4), 167–180.
- 8. Benson, M. (1962). Russianisms in the American Press. American Speech, 37(1), 41–47. (In Russ.)
- 9. Filatova, A. A. (2015). Cognitive and pragmatic functions of xenonymic russisms in german mass media texts (a case study of the lexical-semantic field «Russian Folk Crafts»). NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 13(3), 88–98. (In Russ.)
- 10. Nazirova, A. M. (2014). Lichnyie imena na styke yazykov i kultur: na primere avarskih i azerbaijanskih im'ion = Personal names at the junction of languages and cultures: on the example of Avar and Azerbaijani names: abstract of PhD in Philology. Makhachkala. (In Russ.)
- 11. Ermakova, E. N., Bozhko, H. A., Prokopova, M. B. (2014). Replacement of a phraseological component in a literary text as a method of transformation: the pragmatic aspect. Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University, 9(2). https://cyberleninka.ru/article/n/zamena-komponenta-frazeologizma-v-hudozhestvennom-tekste-kak-priem-transformatsii-pragmaticheskiy-aspekt (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абкадырова Ирина Рустэмовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иберо-американских исследований в области языка, перевода и межкультурной коммуникации Южного федерального университета

Шевцова Мария Александровна

старший преподаватель кафедры иберо-американских исследований в области языка, перевода и межкультурной коммуникации Южного федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abkadyrova Irina Rustemovna

PhD (Philology), Associate Professor, the Department of Ibero-American Studies in Languages, Translation and Intercultural Communication, Southern Federal University

Shevtsova Maria Alexandrovna

Senior Lecturer, the Department of Ibero-American Studies in Languages, Translation and Intercultural Communication, Southern Federal University

Статья поступила в редакцию 30.05.2022 одобрена после рецензирования 01.07.2022 принята к публикации 22.07.2022

The article was submitted 30.05.2022 approved after reviewing 01.07.2022 accepted for publication 22.07.2022

Научная статья УДК 81'272 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_16

Особенности перевода слоганов социальной рекламы в современном веб-пространстве

В. Е. Анисимов¹, Е. Д. Калинникова²

1,2 Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. Объектом данного исследования являются особенности перевода слоганов социальной рекламы

в системе русского, английского и французского языков. Целью исследования является определение специфических особенностей в переводе иноязычных слоганов социальной рекламы. В результате проведенного исследования было выявлено, что слоганы социальной рекламы переводятся с помощью трансформации не только текстовой, но и визуальной составляющей,

а также средствами вольного перевода для передачи социально значимых смыслов.

Ключевые слова: социальная реклама, перевод, этноспецифичность, локализация, французский язык, европейс-

кие языки

Для цитирования: Анисимов В. Е., Калинникова Е. Д. Особенности перевода слоганов социальной рекламы в совре-

менном веб-пространстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 10 (865). С. 16–23. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_16

Original article

Translation Features of Social Advertising Slogans in the Modern Web Space

Vladislav E. Anisimov¹, Ekatherina D. Kalinnikova²

^{1,2}RUDN University, Moscow, Russia

¹anisimov.vladislav.95@mail.ru

²kate.dk01@gmail.com

Abstract. The object of this study is the peculiarities of the translation of social advertising slogans in the

system of Russian, English and French languages. The purpose of the study is to identify specific features in the translation of foreign-language slogans of social advertising. As a result of the conducted research, it was revealed that the slogans of social advertising are translated by means of transformation not only of the text, but also of the visual component, as well as by means of free

translation to convey socially significant meanings.

Keywords: social advertising, translation, ethnospecificity, localization, French, European languages

For citation: Anisimov, V. E., Kalinnikova, E. D. (2022). Translation features of social advertising slogans in the

modern web space. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(865), 16–23.

10.52070/2542-2197_2022_10_865_16

¹anisimov.vladislav.95@mail.ru,

²kate.dk01@gmail.com

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития общества характеризуется высоким уровнем вовлеченности коммуникативных технологий в жизнь человека. Ведущая роль среди средств массовой информации в последние годы принадлежит Интернету, потеснившему позиции телевидения, печатных СМИ и радиовещания.

Социальная реклама представляет собой вид некоммерческой рекламы, основная задача которой - привлечение внимание общества к наиболее острым социальным проблемам. Социальная реклама может существовать в форме креолизованного текста с основной функцией суггестивного воздействия. социальная реклама представляет собой форму некоммерческой рекламы, основная цель которой - привлечение внимания потенциальных реципиентов к проблемам социального характера. Специфика социальной рекламы заключается в том, что в каждой лингвокультуре она приобретает собственные формы выражения в зависимости от актуальных запросов социума или форм их реализации в конкретном обществе. В данном исследовании под социальной рекламой, вслед за М.А. Васильевой, мы понимаем рекламные объекты, основной целью которых является привлечение внимания широкой общественности к различным социальным проблемам и вопросам, существующим в современном обществе [Васильева, 2009].

В настоящее время одной из площадок для распространения социальной рекламы становится веб-пространство Интернета, что связано, в первую очередь, с возрастающей популярностью данного вида коммуникации и максимальной открытостью ряда интернет-площадок. Помимо этого, сеть Интернет в своем современном виде делает возможным распространение рекламных сообщений среди широкого круга потенциальных реципиентов. Интернету подвластно преодоление ряда физических границ в коммуникации, таких как время, пространство, физические границы государств, а также иногда и языкового барьера. В связи с этим для мультикультурного сообщества современных Интернет-сетей становится актуальным запрос на перевод объектов социальной рекламы и их транспозицию в формате коммуникативного сообщения. Однако социальная реклама, в отличие от коммерческой, обладает рядом характеристик, которые значительно затрудняют процесс перевода. Среди таких особенностей можно отметить этноспецифичность транслируемых ценностей и контекстов их репрезентации, апелляции к национально-прецедентным феноменам, а также использование

особых средств художественной выразительности: иронии с национально-специфической окраской, языковой игры, сложных метафорических образов и т. д. [Kalinnikova, Anisimov, 2020].

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН

Социальная реклама определяется как информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства¹. В качестве ключевой задачи социальной рекламы исследователями указывается информирование населения об актуальных проблемах общественной жизни [Земцовская, 2021], формирование общественного мнения и укрепление институтов гражданского общества [Николайшвили, 2008], выработке гармоничного общественного пространства [Ковалёва, 2012] и даже внесение правок в поведение людей и выстраивание необходимой государству социальной политики [Агрба, 2018]. Основными темами, которые затрагивают авторы социальной рекламы по всему миру, являются пропаганда здорового образа жизни, семейных ценностей, государственного порядка, призыв к милосердию и благотворительности, что отражает ряд универсальных ценностей общества [Земцовская, 2021]. В разных социокультурных общностях и государствах данные темы могут значительно отличаться как по составу, так и по контексту их репрезентации. К примеру, основными темами для социальной рекламы во Франции становятся проблемы безработицы (chômage), гендерного равенства (parité hommes-femmes), миграции (migration), насилия – психологического, физического и сексуального (violence psychologique, physique et sexuelle), проблемы женщин и детей (les problèmes des femmes et des enfants).

Современный объект социальной рекламы, размещенной в сети Интернет, обладает собственными композиционными характеристиками, которые определяют его внутреннюю организацию. Так, выделают следующие части современной социальной интернет-рекламы: слоган, основной текст и референс, а также визуальный элемент репрезентации (графическое изображение) [Александрова, Борисова, Калинникова, 2021].

Слоган является важнейшим элементом статичного рекламного сообщения, определяющим всю

 $^{^1}$ Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О рекламе».

тональность рекламного плаката. Именно под слоган подстраивается общий тон самого рекламного плаката и его иконическая составляющая. На наш взгляд, данное отличие слогана рекламного сообщения социальной рекламы является ключевым в его сравнении, например, с кинослоганом, который выступает в качестве дополнительного элемента в рекламной кампании кинофильма [Анисимов, 2021]. Также стоит отметить, что именно слоган объекта социальной рекламы несёт основную смысловую нагрузку, выполняя при этом аттрактивную и прагматическую функции.

Основной текст представляет собой малоформатный (до 400 знаков) текстовый объект, содержащий расширенную смысловую трактовку слогана, пояснения или иную информацию. Визуально основной текст может быть реализован более мелким шрифтом и доступен при подробном изучении реципиентом рекламного объекта, т. к. основную рекламную функцию выполняет непосредственно слоган.

Референс представляет собой текст, содержащий информацию о спонсорах данного объекта социальной рекламы, общественной организации, ссылку на веб-страницу, а также иную контактную информацию.

Визуальный объект может быть как фоном для текстового элемента, так и вступать с ним во взаимодействие. Для социальной рекламы, размещённой в Интернете, графический объект наравне со слоганом выполняет функцию основного смыслового и аттрактивного элемента.

Стоит отметить, что объекты социальной рекламы могут состоять как из всех вышеперечисленных элементов, так и жертвовать ими в пользу большей выразительности. Так, существуют объекты социальной рекламы, состоящие только из визуальной составляющей или представленные только слоганом.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕКСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Социальная реклама часто обладает определенной этноспецифической направленностью, свойственной проблемам конкретного государства. В связи с этим в переводе и локализации социальной рекламы в другой стране и / или регионе не всегда есть необходимость в силу различия контекста социальных проблем. Так, довольно большая часть социальной рекламы в Европе и США направлена на трансляцию в обществе проблем сексуальных меньшинств, что абсолютно

несвойственно российской социальной рекламе. Соответственно, при запуске подобной социальной рекламы в России от западных организаций ее ждет неминуемый провал, ожидаемый отклик от общества будет гораздо меньшим, чем в странах Европы и США, что повлечет за собой отказ от подобного типа социальной рекламы. Примером различий контекста социальных проблем в странах может служить особенность социальной рекламы, направленной на борьбу с алкоголем, во Франции и России. Французская реклама в данном контексте в основном ориентирована на безопасность дорожного движения и недопущение управления автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, тогда как российская связана с предотвращением смертей и травматизма водителя и иных участников дорожного движения вследствие управления автомобилем в нетрезвом виде.

Рис. 1. Французская социальная реклама против нетрезвого вождения.

Текст: Celui qui conduit, c'est celui qui ne boit pas. *Перевод*: Кто ведёт – тот не пьёт¹.

Рис. 2. Российская социальная реклама, направленная на предотвращение ДТП

Таким образом, можно наблюдать как различия в темах социальной рекламы (рис. 1–2), так

¹ Зд. и далее перевод наш – *В.А., Е.К.*

и в контексте, на который направлены ее основные постулаты. Данные социокультурные различие демонстрируют неоправданность перевода ряда объектов социальной рекламы в иных социокультурных реалиях.

В связи с этим наиболее частотной языковой парой для европейской социальной рекламы является сочетание национального (государственного) языка с английским языком. Подобная тенденция обусловлена возможностью трансляции проблем, поднимаемых социальной рекламой, за пределы отдельной страны, на общемировой уровень, и позволяет существенно расширить целевую аудиторию рекламного сообщения. Отметим, что использование двух языков в одном рекламном сообщении преимущественно наблюдается при трансляции в них универсальных ценностей, таких как семейные ценности, пропаганда здорового образа жизни, любовь к себе, психическое и физическое здоровье, проблемы насилия, проблемы женщин и детей.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

В данной статье в качестве примеров социальной рекламы нами будут рассмотрены объекты французской социальной рекламы, размещенные в Интернете и локализованные средствами иных европейских языков (английский, испанский, немецкий, итальянский). Отметим, что представленные рекламные плакаты социальной направленности преимущественно создаются во Франции на французском языке, но с ориентацией на европейское и мировое сообщество.

Рассмотрим один из актуальных объектов французской социальной рекламы, опубликованной в сети Интернет в 2019 году.

Рис. 3. Французская социальная интернет-реклама, посвященная проблеме безработицы

В данном типе рекламного сообщения (рис. 3), посвященного проблеме безработицы,

используется прием парономазии – подбора созвучных выражений в контексте:

Yves Saint Laurent – Yves Saint logement [iv $s\tilde{\epsilon}$ lor $\tilde{\alpha}$] – [iv $s\tilde{\epsilon}$ log $m\alpha$]

Christian Dior – Christian dehors [kristjɑ̃ djɔr] – [kristjɑ̃ dəɔːʀ]

Jean-Paul Gaultier – Jean Paul Galère [ʒɑ̃ pol gotje] – [ʒɑ̃ pol galɛːʀ]

Использование данного приема выразительности позволяет выполнить сразу две функции: противопоставления — за счет использования названий «дорогих» брендов и лексем, номинирующих крайнюю степень бедности, и сопоставления — когда данные лексемы включены по созвучию в состав имен собственных. Подобная текстово-речевая конструкция является непереводимой в прямом эквиваленте на иные языки, так как использует созвучие собственных языковых единиц с определенными именами собственными.

Отметим, что значительные сложности при переводе социальной рекламы также создают апелляции к национально-прецедентным феноменам или к этноспецифическим контекстам.

В связи с этим при переводе социальной рекламы часто применяется прием локализации. Под локализацией мы понимаем адаптацию изначальной семантической составляющей сообщения под конкретные социокультурные реалии. Так, примерами локализации могут стать примеры авторского перевода, а также частичной или полной замены как текстового, так и визуального компонента в рекламных сообщениях с сохранением изначальной семантической составляющей.

Рассмотрим примеры социальной рекламы, посвященной насилию над женщинами, созданной во Франции в 2021 году и локализованной на английский и испанский язык в рамках единой программы поддержки женщин, попавших в трудное жизненное положение (Alliance Internationale des Femmes, AIF).

Английский: She reported him

But nobody believed her – But she was left alone
But she was not protected – But he was not stopped
But she was killed anyway

Violence against women is a violation of human rights that remains largely unpunished. Only a few perpetrators of violence face a trial and even fewer are convicted.

Рис. 4. Социальная реклама против насилия над женщинами на английском, итальянском и французском языках

Итальянский: Lo aveva denunciato

Ma mon è stata creduta – ma e stata lasciata sola Ma non è stata propetta – ma lui non e stato fermato Ma è stata uccisa lo stesso

La violenza contro le donne e una violazione dei diritti umani che in larga misura impunita. Sono pochi gli autori di violenza processati e anora meno quelli condannati.

Французский: Elle a porté plainte

Mais personne ne l'a crue – Mais elle est restée seule Mais elle n'a pas été protegée – Mais il n'a pas été arrêté Mais elle a été tuée malgré tout

La violence a l'égard des femmes est une violation des droits humains qui reste largement impunie. Les auteurs des violences sont rerement jugés et très rarement condamnés.

Перевод: Она пожаловалась

Но ей никто не поверил – Но она осталась одна Но ее не защитили – Но его никто не арестовал Но ее все равно убили

Насилие в отношении женщин является нарушением прав человека, в основном остающееся безнаказанным. Виновных в насилии редко судят и очень редко осуждают.

В данном случае (см. рис. 4) локализованные объекты социальной рекламы содержат переведенный текст, практически полностью совпадающий на трех языках (французский, английский, итальянский), и различный визуальный компонент. Графический образ в данном случае апеллирует к образу известной женщины-политика (француженки – Марин ле Пен, испанки – Летисии Ортис, королевы Испании, британки – Кейт Миддлтон, принцессы Уэльской и т. д.), идентификация которого по принципу схожести возможна за счет использования портретной съемки в

одном стиле и акцента на побоях. Все текстовые элементы одного языка полностью замещены средствами языка перевода без искажения смысла. В данном случае реклама изначально была создана в формате локализации, что обусловливает синтаксические особенности текста: слоган, основной текст, описывающий последовательность действий простыми неосложненными предложениями, и референс, представленный расширенным пояснением обращения к проблеме насилия над женщинами с использованием осложненных предложений. Отметим, что в рекламных сообщениях использованы абсолютно идентичные грамматические конструкции трех языков, такие как пассивный залог.

Основная тема французской социальной рекламы против насилия представлена борьбой против домашнего насилия. Исследователи утверждают, что, ввиду специфики французского общества, не принято подвергать огласке происходящее в стенах дома, в связи с чем довольно часто трудно или просто невозможно выявление жертв домашнего насилия и осуществление правосудия над виновными (там же). Более того, «проблема может усугубляться и тем, что друзья, знакомые, родственники и даже родители жертвы, зная о факте насилия, не хотят обнародовать или выставлять данный факт напоказ, не считают нужным или бояться вмешаться в ситуацию» [Борискина, Храмцова, Рольгайзер, 2017, С. 3]. Ответом на подобную острую проблему французского общества стало создание многочисленных социальных рекламных роликов и плакатов на заданную тематику. Позднее французская социальная реклама взяла курс на борьбу с домашним насилием не только внутри страны, в связи с чем появилась другая серия рекламных плакатов, переведенных на основные

Рис. 5. Социальная реклама на испанском, немецком, английском языках

международные языки. В качестве примера нами предлагается рассмотреть социальную рекламу, запущенную Министерством здравоохранения Франции (Ministère des Solidarités et de la Santé) в 2020 году в рамках инициативы ЕС по защите прав женщин. Подчеркнем, что серия данных рекламных плакатов не ограничивается рассматриваемым нами количеством языков.

Образцы социальной рекламы на рисунке 5 представляют собой полноценный перевод с французского языка на другой европейский язык (испанский, немецкий и английский соответственно). Исходной фразой, подвергнутой переводу, является «Я тебя люблю» на всех представленных языках. При этом наблюдаются различные варианты перевода и локализации указанной фразы на конкретные языки. Так, первый плакат, ориентированный на граждан, говорящих на испанском языке, представляет собой одновременное использование французского и испанского языка – Tue amo – является частичной анаграммой от испанского *Те* ато (Я тебя люблю), где первое слово заменено на французский глагол tuer в 1-м лице единственного числа. Таким образом, прием кодового переключения, использованный при локализации данного рекламного сообщения для испаноговорящей аудитории, позволяет сохранить специфику и прагматическую направленность исходного сообщения. Отметим, что вышеозначенный прием позволяет перевести указанную фразу как Люблю и убиваю. Локализация исходного рекламного сообщения для немецкой и английской аудитории произведена при помощи иного приема - ономатопеи (звукоподражания). Подвергнутые процессам перевода и локализации фразы на немецком (Ouch liebe dich) и английском (Aïe love you) языках по своей структуре являются идентичными: начальный элемент предложения, представленный

личным местоимением (ich и / соответственно), заменен на соответствующий звукоподражательный элемент, легко вычленяемый и понятный как носителям языка, так и человеку, владеющему данным иностранным языком на уровне, необходимом для жизни в стране. В то же время, звукоподражательный элемент несет в себе основную прагматическую нагрузку слогана, олицетворяя крики женщин, столкнувшихся с домашним насилием. Завершая процесс анализа локализации данных рекламных плакатов в иноязычных культурах, считаем необходимым отметить сохранение единой иконической составляющей изображения: на плакатах представлены женщины приблизительно одного возраста с травмами на лице, что позволяет подчеркнуть проблему домашнего насилия при помощи визуальных средств и дополнить слоган-фразу рекламного плаката.

Рассмотрим еще один пример социальной (некоммерческой) рекламы, созданной в рамках кампании бренда Yves Saint Laurent против насилия в отношениях. Данная реклама, в отличие от предыдущих примеров, не затрагивает вопросы гендера, а рассматривает партнёрские отношения между людьми любого пола.

Рис. 6. Социальная реклама Yves Saint Laurent

В данном случае (см. рис. 6) имеет место локализация рекламного сообщения при помощи средств перевода, так как текстовая составляющая подвергается полной трансформации. Во французской версии рекламы текст выглядит следующим образом: Aimer sans abuser. В данном случае главные члены предложения представлены глаголами в форме инфинитива, что подчеркивает деятельностную составляющую сообщения. В английской версии слоган рекламного объекта имеет иную структуру: Abuse is not love. Основа предложения представлена классической парой существительное (Abuse) + глагол (Is not), к которой присоединяется дополнение (Love). При этом грамматический строй обоих языков позволяет оперировать идентичными конструкциями, но вследствие локализации они были подвергнуты трансформации для лучшей передачи прагматической составляющей сообщения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках данного исследования мы рассмотрели варианты перевода французской социальной рекламы на другие европейские языки (английский, испанский, немецкий). Перевод социальной рекламы представляет собой вариант перевода-локализации, что подразумевает полное или частичное изменение текстового материала для сохранения семантической составляющей. Это связано с лингвистическими особенностями текстов социальной рекламы, которые часто содержат средства художественной выразительности, и не могут быть переведены средствами другого языка (омофония, игра слов, этноспецифическая метафора или ирония и т. д.). Актуальные примеры перевода социальной рекламы, рассмотренные нами в контексте данной статьи, также содержат элементы локализации текстового или визуального компонентов. Чаще всего варианты локализации кампаний социальной рекламы представляют собой специальный текст, составленный таким образом, чтобы быть реализованным средствами нескольких языков.

Наиболее частотными для перевода являются связки европейских языков (языков центральной Европы), а также их парных сочетаний с английским языком как языком международного общения. Такая тенденция связана с рядом факторов: близостью социального менталитета

жителей стран центральной Европы вследствие социально-экономических факторов и соответственная близость проблемного фонда данных стран (безработица, проблемы миграции, насилие над женщинами, домашнее насилие и т. д.); сосуществованием группы данных языков в общем социокультурном пространстве и их близостью вследствие взаимопроникновения (наличие множества заимствований, а также принадлежность к одной группе языков, имеются в виду романские или германские языки). Соблюдение данных условий позволяет общественным и государственным организациям-создателям социальной рекламы производить перевод объектов социальной рекламы для расширения аудитории потенциальных реципиентов, а также в рамках поддержания курса «единой Европы». При этом стоит отметить, что переводу подвергается незначительная часть объектов социальной рекламы, не смотря на наличие социального запроса на ее локализацию в рамках различных лингвокультур и мультикультурного сообщества в Интернете. Из-за отсутствия коммерческой составляющей социальная реклама реже, чем коммерческая, подвергается локализации, так как ее распространение и расширение аудитории зрителей не приводит к увеличению прибыли и не несет иных материальных выгод. Перевод объектов социальной рекламы может привести к потере ее прагматического и семантического содержания, что делает его неоправданным в ряде случаев. Данная тенденция связана в первую очередь с невозможностью перевода множества объектов социальной рекламы вследствие их лингвистических и социокультурных характеристик. При необходимости создания аналогичного рекламного объекта в рамках иной социокультурной среды используется прием локализации исходного объекта с частичной или полной заменой как текстовой, так и визуальной составляющей.

Изучение особенностей перевода текстов современной социальной рекламы, размещаемой в сети Интернет, позволяет исследователям изучить особенности как современного дискурса социальной рекламы, так и лингвистических приемов, используемых в процессе локализации данного вида текстов.

список источников

- 1. Васильева М. А. Несколько слов о французской рекламе // Искусство рекламы. 2009. № 2. С. 34–38.
- 2. Kalinnikova E. D., Anisimov V. E. Ethnocultural features of the French advertising discourse (based on French social advertising) // Abstracts&Proceedings of ADVED 2020: 6th International Conference on Advances in Education, 5–6 October 2020. 269–273. DOI: https://doi.org/10.47696/adved.2020106
- 3. Земцовская, А. Д., Стоянов А. С. Эффективность социальной рекламы в Интернете // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2021. № 2 (36). С. 306–311.
- 4. Николайшвили Г. Социальная реклама. М.: Аспект Пресс, 2008.

- 5. Ковалёва А. В. Социальная реклама как объект социологического анализа // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2012. № 4. С. 96–100.
- 6. Агрба А. А. Социальная реклама как современный культурный феномен // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8. № 1A. C. 18 25.
- 7. Александрова, О. И., Борисова А. С., Калинникова Е. Д. Феномен прецедентности во французской социальной рекламе и ее коммуникативно-прагматический потенциал // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 1. С. 127–135. DOI 10.30853/phil201003
- 8. Анисимов В. Е. Интертекстуальные параметры малоформатных текстов французского кинодискурса: дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.
- 9. Борискина А. Н., Храмцова А. Д., Рольгайзер А. А. Особенности французской социальной рекламы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № 1. URL: http://e-kon-cept. ru/2017/170016.html

REFERENCES

- 1. Vasilyeva M. A. (2009). A few words about French advertising. Art of advertising, 2, 34-38. (In Russ.)
- 2. Kalinnikova, E. D., Anisimov, V. E. (2020). Ethnocultural features of the French advertising discourse (based on French social advertising). Abstracts & Proceedings of ADVED 2020-6th International Conference on Advances in Education (pp. 269–273). 5–6 October 2020. https://doi.org/10.47696/adved.2020106
- 3. Zemtsovskaya, A. D., Stoyanov, A. S. (2021). The effectiveness of social advertising on the Internet. State Reg: state regulation of public relations, 2(36), 306–311. (In Russ.)
- 4. Nikolayshvili, G. (2008). Social advertising. Moscow: Aspekt Press.
- 5. Kovaleva, A. V. (2012). Social advertising as an object of sociological analysis. Scientific notes of ZabGU. Series: Philosophy, sociology, cultural studies, social work, 4, 96–100. (In Russ.)
- 6. Agrba, A. A. (2018). Social advertising as a modern cultural phenomenon. Culture and civilization, 8(1A), 18-25.
- 7. Alexandrova, O. I., Borisova, A. S., Kalinnikova, E. D. (2021). The phenomenon of precedence in French social advertising and its communicative and pragmatic potential. Philological Sciences. Questions of theory and practice, 14(1), 127–135. 10.30853/phil201003
- 8. Anisimov, V. E. (2021). Intertextual parameters of small-format texts in French film discourse: PhD Thesis research.
- Boriskina, A. N., Khramtsova, A. D., Rolgaiser, A. A. (2017). Features of French social advertising. Scientific and methodological electronic journal "Concept", 1(January). http://e-kon-cept. en/2017/170016.html

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимов Владислав Евгеньевич

кандидат филологических наук ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов

Калинникова Екатерина Дмитриевна

аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anisimov Vladislav Evgenievich

PhD (Philology), Assistant of the Department of Foreign Languages, Philological Faculty, RUDN University

Kalinnikova Ekatherina Dmitrievna

PhD student, Department of Foreign Languages, Philological Faculty, RUDN University

Статья поступила в редакцию 30.05.2022 одобрена после рецензирования 01.07.2022 принята к публикации 22.07.2022

The article was submitted 30.05.2022 approved after reviewing 01.07.2022 accepted for publication 22.07.2022

Научная статья УДК 811.581, 81'44 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_24

К вопросу о применимости термина «тополект» в отечественной лингвистике

Ю. А. Дрейзис

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия xiaoyouliya@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья рассматривает проблему описания статуса идиомов, находящихся в «средней

зоне» между языком и диалектом, таких как, например, региональные разновидности китайского (юэ, минь, хакка и пр.). Для описания этих единиц предлагается введение термина «тополект», который способен охватывать широкий диапазон идиомов, отношение к которым характеризуется у говорящих неоднозначностью, и обосновывается его применимость к другим языковым

ситуациям, кроме собственно китайской.

Ключевые слова: проблема язык, диалект, синитические языки, статус идиома, стандарт, типология

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429)

в Институте языкознания РАН.

Для цитирования: Дрейзис Ю.А.К вопросу о применимости термина «тополект» в отечественной лингвистике // Вест-

ник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022.

Вып. 10 (865). С. 24-30. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_24

Original article

On the Applicability of the Term "Topolect" in Russian Linguistics

Yulia A. Dreyzis

Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia xiaoyouliya@amail.com

Abstract. The paper examines the problem of describing the status of lects located in the middle zone

between language and dialect, such as regional varieties of Chinese (Yue, Min, Hakka, etc.). It suggests consistent use of the term *topolect*, which is able to cover a wide range of lects, the attitude towards which is characterized by ambiguity among speakers, and describes its applicability to other

linguistic situations besides the situation in Greater China per se.

Keywords: language, dialect problem, Sinitic languages, lect status, standard, typology

Acknowledgments: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19-18-00429)

at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Dreyzis, Yu. A. (2022). On the applicability of the term "topolect" in Russian linguistics. Vestnik of Moscow

State Linguistic University. Humanities, 10(865), 24–30. 10.52070/2542-2197_2022_10_865_24

ВВЕДЕНИЕ

Особенности той или иной культурной среды оказывают влияние на восприятие языка и, как следствие, на классификацию в этой среде различных видов идиомов¹. Как указывают И. Калмер и Ф. Кулмас, современное социолингвистическое знание укоренено, прежде всего, в западной традиции [Kalmer, Zhong, Hong, 1987; Coulmas, 2005]. Кулмас пишет: «Такие термины, как язык, диалект, идиом, для работающих определений требуют, среди прочего, взгляда на язык как на социальный факт. Модели стандарта-с-диалектами, известные из некоторых западных речевых сообществ, не могут считаться адекватными для других языковых пространств» [Coulmas, 2005, c. 24]. Он отмечает, что даже в западной традиции существуют значимые различия между терминами, которые привычным образом служат для передачи идеи «диалекта». Кулмас объясняет это так: «Очевидная необходимость использования эмических терминов показывает, что отношения между литературным языком и диалектами могут принимать различные формы, которые не поддаются универсальному определению, потому что здесь задействованы как лингвистические, так и экстралингвистические факторы» [там же].

Даже не принимая крайнюю позицию, сложно отрицать, что понятия языка и диалекта трудно определить и четко разграничить; критерии их различения не всегда последовательно применяются во всех языковых системах. Стоит учесть, что когда рассуждают, например, о поэзии на арабских и итальянских «диалектах», то в этих случаях «под диалектом, очевидно, понимается форма коммуникации иного типа, чем та, которая обозначается как территориальный диалект» [Бабенко, Карпов, 2008, с. 12–13]. Фактически тут под диалект подводится «любой тип региональных языковых форм, независимо от сферы их употребления и наличия или отсутствия функционально-стилистической дифференциации» [там же].

Термины же, сформированные вне пределов западной традиции описания языка или имеющие отношение преимущественно к описанию неевропейского материала, зачастую не используются в области общего языкознания. Но «современные направления в лингвистике характеризуются отходом от бинарных оппозиций в сторону построения более сложных моделей» [Полян, 2016, с. 26] – чему способствует в том числе обращение к новому эмпирическому материалу.

Регион Большого Китая² дает уникальный материал для пересмотра бинарной оппозиции язык / диалект. Подавляющее большинство населения этого региона говорит на китайском языке. По данным справочника «Ethnologue» (2020), общее число носителей китайского в мире пересекло рубеж в 1120 млн Но что именно имеется в виду под термином «китайский»? Является ли «китайский» настолько уникальным, что не может быть вписан в стандартную языковую систематику, но требует отдельной системы классификации? Этот вопрос напрямую связан с толкованием статуса близко родственных, невзаимопонятных идиомов синитической подсемьи, сосуществующих на территории Большого Китая, которые (за исключением стандарта путунхуа 普通话) обычно называют «диалектами» (фаньянь 方言).

ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИОННОГО ТЕРМИНА ФАНЪЯНЬ

В отличие от таких терминов, как юйси 语系 «семья языков», юйцзу 语族 «группа языков» и юйчжи 语支 «языковая ветвь / подгруппа» – неологизмов, созданных на основании соответствующих терминов в европейских языках, термин фанъянь (букв. «речи разных пределов [мира]»), которым оперирует китайская лингвистика, восходит, по крайней мере, к известной работе Ян Сюна 杨雄 (53 г. до н. э. – XVIII в. н. э.) с одноименным названием, которую обычно называют первым словарем китайских «диалектов» [Norman, 1988, с. 185]. Однако китайский термин не обозначает того, что конвенционально подразумевается под «диалектом» (одна из взаимно понятных разновидностей некоторого языка, показывающая достаточно высокий уровень структурной близости с ним, с высоким процентом совпадений базовой лексики [Коряков, Майсак, 2001]). Семантический диапазон терминов «фанъянь» и «диалект» заметно отличается.

¹ Мы понимаем *идиом* как функциональный термин для обозначения различных языковых образований (языка, диалекта, говора и т. п.) в случае, когда точное определение лингвистического статуса единицы затруднено.

 $^{^2 \}Pi$ ри анализе ситуации китайского многоязычия имеет смысл оперировать термином «Большой Китай» (Да Чжунхуа 大中华), пришедшим из экономики, - это определение покрывает все территории, которыми управляет КНР (континентальный Китай, включая Гонконг и Макао), и территории, которые контролируются Китайской Республикой (Тайвань и некоторые соседние острова). Сюда также включается Сингапур из-за его значительного китайского сообщества: 74,3 % населения Сингапура - этнические китайцы (данные на 2017. URL: https://web.archive.org/web/20171107010632/http:// www.singstat.gov.sg/docs/default-source/default-document-library/ publications/publications_and_papers/population_and_population_ structure/population2017.pdf). Приблизительно 6,69 млн китайцев проживают в Малайзии (2018), также иногда включающейся в этот термин (URL: https://www.dosm.gov.my/v1/index.php?r=column/pdf Prev&id=c1pqTnFjb29HSnNYNUpiTmNWZHArdz09 (дата обращения: 10.09.2019).

В период Цин (1644–1911) термин «фанъянь» использовался китайскими чиновниками и учеными, которые составляли двуязычные словари для таких явно не синитических языков, как корейский, монгольский, маньчжурский, вьетнамский и др. Для них термин описывал, в том числе, неродственные китайским идиомам единицы [Ramsey, 1987]. Существуют даже позднецинские тексты, где западные языки называются разновидностями фанъянь [Mair, 1991].

Современные китайские определения фанъянь в большинстве своем соотнесены с понятием «диалекта», но полностью не эквивалентны ему. Приведем в качестве примера концепцию лингвиста Син Гунваня 邢公畹. Син формулирует три критерия для отнесения некого идиома к категории фанъянь (относительно другого, более крупного, идиома): два идиома имеют общий для них стандарт; для них применяется одна и та же система письма; и, наконец, носители двух идиомов «могут общаться напрямую или могут общаться с небольшим усилием» [邢公畹, 1982, с. 4].

Третий пункт данного списка – это стандартный тест на взаимопонятность идиомов (между двумя языками взаимопонятность «сильна затруднена, и нормальное общение невозможно без специального обучения»; внутри языка «между двумя наречиями существует взаимопонятность, но не полная, коммуникация возможна, но могут возникнуть недопонимания или ошибки»; между диалектами внутри наречия «существует практически полная взаимопонятность, хотя носители отмечают особенности каждого диалекта, обычно в произношении (акцент) и употреблении некоторых слов» [Коряков, Майсак, 2001]). Однако Син Гунвань быстро отходит от третьего критерия и далее в работе пишет, что «мы не можем просто принять способность вести разговор (谈话 таньхуа) как стандарт для различия между фаньянь и языком» [邢公畹, 1982, с. 4].

Это означает, что Син в большей степени опирается на первые два условия в качестве критерия для определения того, что является или не является фаньянь, но эти два условия далеко не однозначны. Наличие престижного наддиалектного идиома, воспринимаемого носителями рассматриваемых идиомов как «свой», – достаточно проблемный критерий. Общая письменная традиция «часто объединяет довольно далеко разошедшиеся или даже слабо родственные идиомы, причем у разных частей одного идиома могут оказаться разные «крыши»» (ср. нижнесаксонские диалекты на северо-востоке Нидерландов и на севере Германии) [Коряков, Майсак, 2001]. К тому же этот принцип «заведомо не может быть применим

к языкам, не обслуживаемым никакой письменной традицией» 1 [там же]. Второе условие Син Гунваня еще менее жизнеспособно в качестве меры для определения того, следует ли считать данный идиом диалектом или языком.

Син добавляет, что фаньянь могут также рассматриваться как потомки (хоудайюй 后代语) одного языка-предка. Так, косвенным образом, он устанавливает четвертое условие для определения фаньянь. «Если идиомы двух разных областей являются потомками одного относительно примитивного языка, то разница между ними – это разница между фаньянь» [邢公畹, 1982, с. 4]. Безусловно, генетическая классификация языков (ГКЯ) служит основой языковой систематики, причем она стабильнее ареальной принадлежности, но при разграничении языка и диалекта логично опираться на структурные данные, дабы избежать происходящего здесь перепрыгивания с одного уровня систематики на другой.

Отличия между основными китайскими фанъянь в фонологии, лексике и грамматике настолько велики, что носители разных фаньянь не способны понять смысл текста, записанного на другом (особенно, если запись сделана не на основе китайской системы письма) [Mair, 1991; Norman, 1988]. Это иной тип соотношения между единицами, чем в случае престижных, не ограниченных определенным регионом идиомов, тексты на которых при этом могут быть прочитаны в соответствии с местной нормой – таких, как вэньянь 文言 (классический китайский, «высокий» язык традиции), сменяющий его байхуа 白话 (письменная норма на базе северокитайского вернакуляра) и смешанный идиом (байхуа с вкраплениями вэньяня, бань вэнь бань бай 半文半白). На протяжении многих столетий китайской истории письменный язык, за очень редким исключением, всегда существовал или в форме *вэ*ньяня, или на базе одного или нескольких северокитайских диалектов, так как для других идиомов не разрабатывались нормы письма, которые признавались бы значительной частью их носителей. Китайские лингвисты обычно говорят о «восьми основных диалектных областях» (ба да фаньянь цюй 八大方言区) [Mair, 1991, с. 15]. Первая научная классификация китайских «диалектов» была предложена Ли Фангуем 李方桂 в 1937 году. В первоначальной классификации Ли Фангуя

¹ Отметим, вслед за Ю. Б. Коряковым и Т. А. Майсаком, что вообще функциональная полноценность идиома тоже не всегда может служить надежным критерием систематики. Следуя критерию функциональной полноценности, мы оказываемся вынуждены присвоить некоторому числу функционально полноценных идиомов статус «языка», остальные же (например, используемые лишь в ситуации бытового общения) оставить в ранге «диалектов».

было девять групп, но три из них очевидным образом представляли собой подгруппы северокитайского *гуаньхуа* 官话 (различаемые только по ареалам), а последняя формировалась по остаточному принципу и вмещала всё то, что невозможно было вписать в другие группы. Схема Ли была широко принята и стала одной из основ, на которых базировались китайские диалектологические исследования; по сути, это та же классификация, которая используется в классическом справочнике Юань Цзяхуа 1961 года «Общие сведения о китайских диалектах» (*Ханьюй фаньянь гайяо* 汉语方言概要) [袁家骅, 1989]. В книге выделяется семь групп:

- 1. северокитайский (бэйфанхуа 北方话);
- 2. y 吴;
- 3. сян 湘;
- 4. гань 赣;
- 5. xaĸĸa 客家;
- 6. юэ 粤:
- 7. *минь* 闽¹.

Там же приводится следующее рассуждение: «Фанъянь - это преемники (цзичэн) или же отпрыски (чжиси 支裔) общего языка (гунтуньюй 共同语). Фаньянь обладают определенными языковыми особенностями, которые отличаются от особенностей иных фаньянь, с которыми они связаны. В исторический период они неизменно подчинены единому стандарту нации (миньцзу дэ туньи бяочжунь 民族的统一标准)» [袁家骅, 1989, с. 6-7]. Это определение невозможно приспособить для выяснения статуса того или иного идиома на универсальном уровне, за пределами китайского случая, и оно не вписывается в общую стратегию систематики; к китайскому случаю оно также применимо лишь с оговорками. Языковой стандарт в Китае сегодня – это *путунхуа* (Modem Standard Mandarin), но исторически неверно утверждать, что современные фанъянь происходят от него или являются потомками исторического стандарта. Сами авторы этого проблемного определения выражают неудовлетворенность его способностью разрешать неоднозначность в реальных языковых ситуациях (т. е. это только гипотетическая конструкция).

Синолог В. Мэр отмечает, что существует множество современных определений термина фаньянь, но ни одно из них не является точным эквивалентом «диалекта», а некоторые приобретают благодаря корреляции с «диалектом» размытое значение [Mair, 1991]. Мэр подчеркивает, что это ключевой термин, который имеет самое прямое отношение к типологии синитических языков и отметим – к языковой типологии как таковой.

Ситуация усугубляется тем фактом, что на самом деле в китайском языке понятие «диалект» соотносится с двумя разными терминами [DeFrancis, 1986]:

дицюй фанъянь 地区方言 (букв. '(региональные) фанъянь') – для невзаимопонятных, более крупных групп идиомов, таких как северокитайский, юэ и т. п.;

дифанхуа 地方话 (букв. 'местная речь') или дидянь фаньянь 地点方言 («местные фаньянь») – для более мелких разновидностей, характеризующихся взаимопонятностью в рамках группы, например, разновидностей юэ.

Это различие теряется при простом переводе двух разных наименований термином «диалект». Очевидно, что фанъянь – более размытый термин, чем «диалект»; акцент в понятии фанъянь помещается главным образом на том, что он охватывает региональные разновидности.

ПОНЯТИЕ ТОПОЛЕКТА

В литературе на европейских языках предлагаются разные эквиваленты термина фаньянь, описывающего локальные идиомы, которые не были бы привязаны к понятию «диалект». Дж. ДеФрэнсис в своей книге «Китайский язык: Факты и фантазии» конструирует термин регионалект [DeFrancis, 1986]. Более удачным выглядит термин В. Мэра тополект (от др.-греч. τ о́ τ 0 τ 0 «место» и τ 6 τ 0 «говорю» – китайское слово фаньянь выстроено по схожей модели: τ 0 τ 1 «сторона» и τ 1 τ 2. [Маіг, 1991]

Использование такого термина, как «тополект», позволяет избежать любых пейоративных коннотаций, подразумевающих, что некий идиом играет социально низкую роль и не является полностью автономным. Более того, он соответствует лингвистическим данным, но не противоречит политическим соображениям. Другими возможными преимуществами использования термина «тополект» служат отсутствие привязки к стандарту или к размеру сообщества говорящих на том или ином идиоме, а также связи с письменной формой.

Мы предлагаем использовать термин «тополект» для обозначения репрезентативного идиома

 $^{^1}$ Восемь групп формируются за счет разбиения *минь* на северный и южный подвиды.

 $^{^2}$ Изначально идея Мэра заключалась в том, чтобы полностью отделить ϕ анъянь от «диалекта» и таким образом обойти проблему язык / диалект, придумав слово, означающее идиом конкретного места (местности), вне зависимости от его размера. Мэр утверждает, что принятие новой терминологии было бы гораздо лучшим решением, чем любые попытки вновь посмотреть на китайскую ситуацию через призму соотношения язык / диалект.

³ URL: https://www.yumpu.com/en/document/view/22204330/working-with-dialect-translations-philip-burton-higher-education-

для каждого пучка близких диалектов, составляющих более крупные региональные разновидности языка. С. Е. Яхонтов называет их «группами диалектов», «носители которых не понимают друг друга» [Яхонтов, 1980, с. 148].

За пределами описания собственно китайской языковой ситуации этот термин также демонстрирует возможности выстраивания более рационального подхода к классификации идиомов, в частности, он оказывается полезен для шотландского языка (англо-шотландского, скотс, Scots) [Burton, 2007] или для современного арабского, где «тополект» дает удобную форму для обозначения тех языковых разновидностей, которые занимают средний уровень в трехчастной системе классификации – с региональными идиомами на уровень выше и отдельными диалектами на уровень ниже. Обычно говорят о множественных «диалектах» разговорного арабского языка (Colloquial Arabic), хотя такой подход к описанию языковой ситуации в арабоязычном мире подразумевает большую степень близости разговорных форм, чем сегодня. Использование термина «диалект» для обозначения определенного локального идиома (например, египетского) затрудняет разговор о различных диалектах (например, каирском или диалектах Северной Дельты).

Что касается шотландского языка, то он также попадает в «серую зону» между языком и диалектом. С 1990-х гг. шотландский-скотс активно используется в СМИ¹. Кроме того, он обладает продолжительной историей, «которая фиксируется в различных письменных источниках, отражающих особенности его статуса и функционирования, поэтому корпус текстов на шотландском языке как художественного, так и делового содержания используется как одно из доказательств его независимого статуса» [Калгина, 2018, с. 35]. При этом шотландский демонстрирует тенденцию к «внутреннему дроблению на локальные диалекты, которые имеют подвижную границу с английскими диалектами» [там же]. Вопрос о статусе шотландских диалектов и шотландской литературной нормы «не может быть адекватно решен с интралингвистических позиций без учета социолингвистических установок самих носителей этих языковых разновидностей» [Денисова, 2008, с. 36].

Исследование Дж. Гровс, представляющее собой попытку описать отношение к статусу тополекта на примере отношения к юэ в Гонконге,

выявило, что основной отличительной чертой «диалекта» (англоговорящие респонденты при заполнении анкет имели дело именно с английским словом dialect) вне зависимости от родного синитического идиома опрошенных служил относительный географический размер зоны распространения [Groves, 2010]. Хотя привычный термин «диалект» также описывает региональную или социальную разновидностью языка, критерий взаимопонятности играет определяющую роль для его определения. Дополнительными критериями выделения тополекта выступали различия в произношении единиц одной и той же языковой системы, а также отсутствие системы письма. Таким образом, понимание «диалекта» у респондентов больше соответствовало буквальному значению слова фаньянь с упором на региональную норму. Гровс отмечает, что респондентам было трудно однозначно классифицировать юэ как язык или диалект - он попадал в некую промежуточную область, соответствующую тополекту. Понятие «тополект» как нельзя лучше соотносится с представлениями респондентов о том, каким образом социолингвистические критерии (например, система Р. Белла [Bell, 1976]) могут быть применены к юэ.

Представление о тополекте не подразумевает официальной стандартизации или конкретной связи с письменной формой (это обеспечивает большее разнообразие степеней редукции и автономности). Использование термина «тополект» позволяет говорить о статусе идиома, занимающего промежуточное положение и не имеющего престижа полностью признанного языка. Еще одним преимуществом является то, что использование термина «тополект» позволяет избежать необходимости количественной оценки различий для определения статуса той или иной единицы, которая в случае тополектов часто представляется проблематичной. Таким образом, термин «тополект» способен покрывать широкое поле различных идиомов, отношение к которым характеризуется у говорящих неоднозначностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя термин «тополект» был придуман специально для описания ситуации в Большом Китае, нет причин, по которым он не может применяться и в других языковых ситуациях – если существует такая необходимость и соблюдаются определенные критерии. Он призван упростить терминологическое описание появления или существования идиомов «средней зоны», существующих в условиях

¹Отметим, что стремительное развитие Интернета привело к расширению сферы использования шотландского: Википедия, сайты, форумы и блоги активно публикуют контент на шотландском. Схожие процессы характеризуют существование китайских тополектов.

проблемного статуса (язык / диалект). Выделение тополектов как идиомов «средней зоны» имеет значение как для языкового планирования, особенно в системе образования, так и для поддержания долгосрочной автономии официально не стандартизированных идиомов проблемного статуса¹.

Большинство идиомов с проблемным статусом языка / диалекта (таких, как юэ) обладает, по крайней мере, четырьмя из семи атрибутов по Р. Беллу (витальность, историчность, нормированность, смешанный характер). Хотя в этот список входит только три из пяти положительных маркеров, требуемых в этой системе для стандартного языка, это больше, чем два маркера, достаточных, чтобы классифицировать такой идиом как диалект (витальность и нормированность). Таким образом, социолингвистический статус этих разновидностей, не вписывающихся точно ни в одну из категорий, остается проблемным; требуется обращение к более гибкой классификационной схеме, которая могла бы описать положение языковых систем, «зависающих» в пространстве между языком и диалектом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Kalmer I., Zhong Y., Hong X. Language Attitudes in Guangzhou, China // Language in Society. 1987. Vol. 16, № 4. P. 499–508.
- 2. Coulmas F. Sociolinguistics: The study of speakers' choices. Cambridge: CUP, 2005.
- 3. Бабенко Н. С., Карпов В. И. Диалект в системе форм существования языка (к истории вопроса) // Актуальные проблемы немецкой островной диалектологии (памяти Г. Г. Едига): материалы всероссийского научно-практического семинара (г. Красноярск, 2–4 июня 2008 г.). Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2008. С. 10–27.
- 4. Полян А. Л. Поэтический текст на «спящем» языке в условиях многоязычия (на материале поэзии на иврите III–XIX вв. н.э.): дис. ... канд. наук. М., 2016.
- 5. Norman J. Chinese (Cambridge Language Surveys). Cambridge: CUP, 1988.
- 6. Коряков Ю. Б., Майсак Т. А. Систематика языков мира и базы данных в Интернете. Труды Международного семинара «Диалог 2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2001. URL: http://lingvarium.org/sys.shtml.
- 7. Ramsey S. R. The Languages of China. Princeton: Princeton University Press, 1987.
- 8. Mair V. H. What Is a Chinese 'Dialect / Topolect'? Reflections on Some Key Sino-English Linguistic terms // Sino-Platonic Papers. 1991. Vol. 29. P. 1–31.
- 9. 邢公畹. 汉语方言调查基础知识. 武昌: 华中工学院出版社, 1982. Син Гунвань. Основы китайской диалектологии. Учан: Изд-во Политехнического института Центрального Китая, 1982.
- 10. 袁家骅. 汉语方言概要. 北京: 文字改革出版社, 1989. Юань Цзяхуа. Общие сведения о китайских тополектах. Пекин: Изд-во Вэньцзы гайгэ, 1989.
- 11. DeFrancis J. The Chinese Language: Fact and Fantasy. Honolulu: University of Hawaii Press, 1986.
- 12. Яхонтов С. Е. Оценка степени близости родственных языков // Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1980. С. 148–157.
- 13. Калгина Е. А. Проблемы соотношения «язык» / «диалект» на примере шотландского в современной Великобритании // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. С. 34–36.
- 14. Денисова Е. А. «Шотландский язык» и «шотландский диалект»: проблемы терминологии // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2008. № 2 (10). С. 33–45.
- 15. Groves J. M. Language or dialect, topolect or regiolect? A comparative study of language attitudes towards the status of Cantonese in Hong Kong // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2010. № 31(6), C. 531–551.
- 16. Bell R. T. Sociolinguistics: Goals, Approaches and Problems. London: B. T. Batsford, 1976.
- 17. Blum S. D. Good to Hear: Using the Trope of Standard to Find One's Way in a Sea of Linguistic Diversity // Language Policy in the People's Republic of China. Dordrecht: Springer, 2004. P. 123–141.

REFERENCES

- 1. Kalmer, I., Zhong, Y., Hong, X. (1987). Language Attitudes in Guangzhou, China. Language in Society, 16(4), 499 508.
- 2. Coulmas, F. (2005). Sociolinguistics: The Study of Speakers' Choices. Cambridge: CUP.
- 3. Babenko, N. S., Karpov, V. I. (2008). Dialekt v sisteme form sushchestvovaniya yazyka (k istorii voprosa) = Dialect in the system of language existence forms (to the history of the issue). In Aktual'nye problemy nemetskoi ostrovnoi

¹ С. Блум показывает, что в КНР, по мнению многих, слово «стандарт» применимо только к путунхуа [Blum, 2004]; любая другая, достаточно крупная по числу носителей разновидность, может быть названа дяньсин 典型 («образцовой», «показательной»), но никак не стандартной.

Linguistics

- dialektologii (pamyati G. G. Ediga) (pp. 10–27): materials of the all-Russian scientific and practical seminar (Krasnoyarsk, 2–4 June, 2008). Krasnoyarsk: KGPU im. V. P. Astafeva. (In Russ.)
- 4. Polyan, A. L. (2016). Poeticheskii tekst na «spyashchem» yazyke v usloviyakh mnogoyazychiya (na materiale poezii na ivrite III–XIX vv. n. e.) = Poetic text in a "sleeping" language in a multilingual environment (on the material of Hebrew poetry of the 3rd –19th centuries AD): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
- 5. Norman, J. (1988). Chinese (Cambridge Language Surveys). Cambridge: CUP.
- 6. Koryakov, Yu. B., Maisak, T. A. (2001). Sistematika yazykov mira i bazy dannykh v internete = Systematics of languages of the world and databases on the Internet. Proceedings of the International Seminar "Dialogue 2001" on Computational Linguistics and its Applications (pp. 215–229). http://lingvarium.org/sys.shtml (In Russ.).
- 7. Ramsey, S. R. (1987). The Languages of China. Princeton: Princeton University Press.
- 8. Mair, V. H. (1991). What Is a Chinese 'dialect / topolect'? Reflections on some key Sino-English linguistic terms. Sino-Platonic Papers, 29, 1–31.
- 9. 邢公畹. (1982). 汉语方言调查基础知识. 武昌: 华中工学院出版社 = Xing Gongwan. (1982). Fundamentals of Chinese dialectology. Wuchang: Central China Polytechnic Institute Press. (In Chinese)
- 10. 袁家骅. (1989). 汉语方言概要. 北京: 文字改革出版社 = Yuan Jiahua. (1989). General information about Chinese topolects. Beijing: Language Reform Publishing House.
- 11. DeFrancis, J. (1986). The Chinese language: Fact and fantasy. Honolulu: University of Hawaii Press.
- 12. Yakhontov, S. E. (1980). Otsenka stepeni blizosti rodstvennykh yazykov = Assessment of the degree of closeness of related languages. In Teoreticheskie osnovy klassifikatsii yazykov mira (pp. 148–157). Moscow: Nauka. (In Russ.)
- 13. Kalgina, E. A. (2018). Problemy sootnosheniya «yazyk» / «dialekt» na primere shotlandskogo v sovremennoy Velikobritanii = Problems of "language" / "dialect" relation on the example of Scots in modern Great Britain. Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication (pp. 34–36). (In Russ.)
- 14. Denisova, E. A. (2008). «Shotlandskiy yazyk» i «Shotlandskiy dialekt»: problemy terminologii = "Scottish language" and "Scottish dialect": problems of terminology. Bulletin of the Leningrad Pushkin State University, 2(10), 33–45. (In Russ.)
- 15. Groves, J. M. (2010). Language or dialect, topolect or regiolect? A comparative study of language attitudes towards the status of Cantonese in Hong Kong. Journal of Multilingual and Multicultural Development, 31(6), 531–551.
- 16. Bell, R. T. (1976). Sociolinquistics: Goals, approaches and problems. London: B. T. Batsford.
- 17. Blum, S. D. (2004). Good to hear: Using the trope of standard to find one's way in a sea of linguistic diversity. In Language Policy in the People's Republic of China (pp. 123–141). Dordrecht: Springer.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дрейзис Юлия Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры китайской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dreyzis Yulia Alexandrovna

PhD (Philology), Assistant Professor at the Chinese Philology Department, Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию 19.04.2022 одобрена после рецензирования 30.05.2022 принята к публикации 22.07.2022

The article was submitted 19.04.2022 approved after reviewing 30.05.2022 accepted for publication 22.07.2022

Научная статья УДК 811.581 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_31

Сопоставление объема значений слова «виртуальный» в русском и китайском языках

М. Н. Дубинина

Государственный социально-гуманитарный университет, Московская область, Россия maria_solomatina@mail.ru

Аннотация. Целью данной статьи является анализ и сопоставление понятия «виртуальный» в русском

и китайском языках. Проведенный анализ показал, что трактовка понятия «виртуальный» в обеих культурах широка и предполагает ряд сходств и различий, в частности: виртуальный как вызывающий недоверие в сфере политики и экономики в русском языке и способствующий формированию отрицательного отношения к политической или экономической ситуации; виртуальный как особенность хореографии, особая техника символизма и условностей в исполнительном

искусстве оперы; виртуальный как вид некровных отношений.

Ключевые слова: Китай, виртуальный, информационное общество, китайский язык, русский язык

Для цитирования: Дубинина М. Н. Сопоставление объема значений слова «виртуальный» в русском и китайском

языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные

науки. 2022. Вып. 10 (865). С. 31–40. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_31

Original article

Comparison of Meanings of the Word "Virtual" in Russian and Chinese

Maria N. Dubinina

State University of Humanities and Social Studies, Moscow Region, Russia maria_solomatina@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to analyze and compare the concepts of "virtual" in the Russian and

Chinese languages. The analysis showed that the interpretation of the concept of "virtual" in both cultures is wide, and suggests a number of similarities and differences, in particular: virtual as causing mistrust in the sphere of politics and economics in the Russian language and contributing to the formation of a negative attitude towards the political or economic situation; virtual as a feature of choreography, a special technique of symbolism and conventions in the performing arts of opera;

virtual as a kind of non-blood relationship.

Keywords: China, virtual, information society, Chinese, Russian

For citation: Dubinina, M. N. (2022). Comparison of Meanings of the Word "Virtual" in Russian and Chi-

nese. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(865), 31-40.

10.52070/2542-2197_2022_10_865_31

ВВЕДЕНИЕ

Виртуальность прочно вошла в современный мир, или современный мир безвозвратно погружен в виртуальность. Мы окружены виртуальной средой, живем в виртуальных мирах, боремся с кибер-шаманами, пользуемся виртуальными библиотеками, объединяемся в виртуальные нации. Речь идет уже не о компьютеризации или информатизации общества, а речь идет о стирании грани между реальностями, о создании подобия общества или «киберпротезировании» общества. Как отмечает Д. В. Иванов, приоритетом стало развитие симуляционных технологий - технологий виртуальной реальности [Иванов, 2002]. Логика построения статьи предполагает уточнение базовых понятий «виртуальность» и «виртуализация». Необходимо понимать, что виртуализация порождена прежде всего потребностями самого социума. Согласно Академическому толковому словарю русского языка, виртуальность в общем смысле понимается как возможность существования (виртуальные миры, виртуальные частицы, виртуальные перемещения бесконечно малые перемещения частиц без нарушения связей в системе) [Академический толковый ... 2016]. Большой толковый словарь русского языка определяет виртуальную реальность с точки зрения

философии как то, что возможно когда-то было или будет реальностью; с точки зрения медицины как то, что кажется реальностью, похоже на реальность; с точки зрения информатизации как то, что подменяет, заменяет собой реальность [Большой толковый ... 2014]. М. М. Кузнецов в работе «Виртуальная реальность – техногенный артефакт или сетевой феномен?» называет виртуальную реальность «аудиовизуально-тактильной пародией на реально существующий мир» [Кузнецов, 2004, с. 62]. Автор отмечает интенсивное явление тривиализации слова «виртуальный» и безразборное использование его в различных дискурсах.

В рамках данного исследования автор ставит цель рассмотреть понятие «виртуальный» в русском языке и 虚拟 (виртуальный) в китайском языке. Для этого был проведен этимологический анализ слов, обзор толковых, этимологических, ассоциативных словарей и словарей иностранных терминов (см. табл. 1 и 3), рассмотрены синонимы и антонимы данных слов, а также проанализированы примеры из национальных корпусов языков, русскоязычных и китаязычных поисковых систем (см. табл. 2 и 4). Анализ частотности употребления слова «виртуальный» в русском языке и 虚拟 в китайском языке предоставил следующие данные в национальных корпусах и поисковых системах.

Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru.	Корпус китайского языка 现代汉语语料库 http://corpus. zhonghuayuwen.org/	Корпус китайского языка http://bcc.blcu.edu. cn/	Google.com	Yandex.ru	Baidu.com
321 783 495	63	14125	19 900 000	17 000 000	2 200 000

«ВИРТУАЛЬНЫЙ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Этимологически<u>й анализ слова «виртуальный» указывает на его происхождение от латинского слова virtualis – возможный; virtus – сила, стойкость.</u>

Деривационные возможности слова проявляются в образовании существительных (виртуалистика, виртуализация), наречий (-лен, -льна, -льно).

Далее обратимся к словарным дефинициям и анализу словарных статей.

Таблица 1

ДАННЫЕ СЛОВАРЕЙ

Источник	Содержание	
Коммуникология: Энциклопедический словарь-справочник ¹	Не существующий в реальности, но способный к действиям сам по себе; возможный, но не существующий непосредственно, но способный возникнуть при наличии известных условий; имитация не существующих в реальности процессов и явлений с помощью компьютеров	
Словарь русских прилагательных, распределенных по тематическим группам ²	 Такой, который может появиться при определенных условиях; возможный. инф. Не имеющий физического воплощения или отличающийся от реального, существующего. Осуществляемый с помощью компьютерных программ, интернет-технологий. 	

 $^{^1}$ Шарков Ф. И. Коммуникология: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Дашков и K, 2013. URL: http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785394021695.html (дата обращения: 27.01.2020).

 $^{^2}$ Бабенко Л. Г. Словарь русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: Проспект, 2015. URL: http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785392167357.html (дата обращения: 27.01.2020).

Источник	Содержание	
Толковый словарь современного русского языка ¹	 Пребывающий в скрытом состоянии и могущий появиться, случиться; возможный. Виртуальная температура. Не имеющий физического воплощения или отличающийся от реального существующего (<i>инфор</i>.) Виртуальные игры. 	
Толковый словарь русского языка для школьников ²	 Вероятный, возможный; нечто, что может, или должно произойти, появиться при наличии определенных условий; Тот, который не имеет физического воплощения либо сильно отличается от реальных объектов; Компьютерный, относящийся к Интернету, происходящий и существующий в нем. 	
Краткий энциклопедический словарь по информационной безопасности ³	 Процесс, моделируемый при помощи специальных средств на реальном оборудовании и представленный в распоряжении (пользователя); Определение, характеризующее процесс или устройство в системе обработки информации кажущихся реально существующими, поскольку все их функции реализуются какими-либо другими средствами. 	
Большой толковый словарь русского языка	 филос. Такой, который может или должен проявиться при определенных условиях; возможный. Виртуальные перемещения, изменения. инф. Условный, кажущийся; не существующий в действительности, не имеющий физического воплощения. Виртуальная память. 	
Большой толковый словарь правильной русской речи ⁴	 спец. Возможный; такой, который может или должен появиться при определенных условиях. Например, виртуальные изменения; виртуальные частицы (в физике); виртуальная температура (в метеорологии). книжн. Условный, кажущийся, выдуманный. Например: виртуальная действительность; виртуальная реальность; виртуальная память (реализованная в компьютере). 	
Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) ⁵	 Возможный; такой, который может или должен появиться при определенных условиях. Условный, кажущийся. Термин широко используется в современной науке в связи с использованием дистанционного обучения и средств телекоммуникаций, с помощью которых создается виртуальная образовательная среда. Погружение обучающегося в такую среду рассматривается как эффективное средство обучения, в том числе иностранному языку. 	

Проанализировав словарные статьи, можно выявить, что слово виртуальный используется в нескольких значениях, употребляемых как в повседневном общении, так и в профессиональной среде, специалистами разных профессий. Можно выделить следующие основные значения слова виртуальный:

- 1) возможный, потенциальный;
- 2) не существующий непосредственно в реальности;
- имитирующий существующие в реальности процессы и явления;
- 4) компьютерный.

Рассматривая синонимы слова виртуальный по частотности их употребления, можно построить следующий синонимический ряд: возможный, условный, несуществующий, предполагаемый, кажущийся, воображаемый, вымышленный, ненастоящий, фантомный, живущий в воображении [Словарь синонимов ... URL]. Среди антонимов к слову «виртуальный» можно выделить слова: живой, реальный, невозможный, действительный [там же].

Более того, корпусные данные и анализ употребления слова *виртуальный* в поисковых системах и интернет-ресурсах дал следующие результаты.

¹ Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка: словари. М.: Аделант, 2014. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=241944 (дата обращения: 16.01.2020).

² Петрова О. А. Толковый словарь русского языка для школьников: 25 000 слов. М.: Аделант, 2013. URL: http://biblioclub.ru/index. php?page=book&id=241942 (дата обращения: 16.01.2020).

 $^{^3}$ Краткий энциклопедический словарь по информационной безопасности: словарь / сост. В. Г. Дождиков, М.И. Салтан. М.: Энергия,

^{2010.} URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=58393 (дата обращения: 16.01.2020)

⁴Скворцов Л. И. Большой толковый словарь правильной русской речи. Более 8000 слов и выражений: словари. Москва: Мир и образование, 2011. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=98413 (дата обращения: 16.01.2020).

 $^{^5}$ Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009 URL: http://gramota.ru/slovari/info/az/ (дата обращения 16.01.2020).

Linguistics

Таблица 2.

УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВА ВИРТУАЛЬНЫЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Употребление	Примеры употребления		
Используется для естественно-научной характеристики явления или объекта	виртуальная частица, виртуальный процесс		
	Досуг	виртуальная публика, виртуально тусоваться, виртуальные домашние животные, виртуальный друг, вести виртуальный дневник, виртуальные прогулки, виртуальный футбол, виртуальный ночной клуб, виртуальная студия, виртуальный «продмаг», виртуальная реклама, виртуальный вернисаж, виртуальный театр, виртуальные витрины. Ничего, сейчас и в меня виртуальные помидоры полетят:)) виртуальные девайсы для героев Интернет-игры, виртуальное отечество, виртуальный персонаж, виртуальные города, виртуальный бой	
	Образование	виртуальная школа, виртуальные занятия, виртуальная лаборатория ОБЖ: виртуальное спасение, виртуальная аудитория, виртуальный учебник, Интернет-проект «Виртуальный День Карьеры», виртуальный народный университет, виртуальный лабораторный практикум	
Используется для характеристики симуялий отражающих	Религия	виртуальное поклонение святыням (кто не имеет возможности посетить монастырь, могут заказать требы о здравии и о упокоении, пожертвовать почтой или через приложения), виртуальная могила, виртуальное кладбище Пожертвование можно отправить почтовым или банковским переводом), положим на его могилу живой или виртуальный цветок.	
симуляций, отражающих перенос или аналоги реальных повседневных событий и предметов в сеть Интернет. Эти виртуальные явления являются своеобразным зеркалом или оцифровкой повседневной реальности.	Экономика	виртуальный покупатель, виртуальные деньги, виртуальный кошелек, виртуальные карты виртуальный счет, виртуальный аукцион, информационно-консультационная система «виртуальная таможня», виртуальные торги, виртуальные предприятия, виртуальное представительство компании, виртуальная документация, виртуальное преступление	
	Работа	виртуальный психолог занимается виртуальным консультированием, виртуальный коллектив, виртуальный тимбилдинг, виртуальный список, виртуальная аптека, виртуальная автомастерская, виртуальный рынок виртуальный магазин, виртуальный имидж МВД. Виртуальный врач будет выписывать виртуальному пациенту виртуальные препараты, а что будет в итоге? Правильно, самые что ни на есть реальные похороны (пациента).	
	Семья и отношения	виртуальный роман, виртуальный друг, виртуальный интим, виртуальные поцелуи, виртуальные подарки, «виртуальная сексуальная одержимость», двое виртуально зачинали ребенка, выбрать виртуальный возраст вашей суженой	
	Политика	виртуальная нация, виртуальный бунт, виртуальная разведка, виртуальный шпионаж, виртуальная экспансия, виртуальная фирма, виртуальный предприниматель, виртуальные продажи, проводить виртуальную кампанию, виртуальный референдум, виртуальное голосование	
	Здравоохранение	виртуальная аддикция, виртуальное насилие, виртуальные паразиты	
Используется для характеристики идеализированных версий	виртуальный мегаполис, виртуальные люди, виртуальное тело-люкс		

Употребление	Примеры употребления
Используется для характеристики явлений компьютерной и IT сферы, не имеющих физического воплощения	виртуальный интерфейс, виртуальный сервер, виртуальная память компьютера, виртуальный значок, виртуальное хранилище информации, виртуальная частная сеть, виртуальный компьютер, виртуальные аккаунты виртуального помощника, виртуальных почтовых ящиков, виртуальной памяти компьютера, единое виртуальное информационное пространство, виртуальная сим-карта, виртуальный оператор (мобильной связи), виртуальный страж настройки безопасности Security Settimgs
Используется для характеристики компьютеризированных и высокотехнологичных явлений, не имеющих физического воплощения	виртуальная электростанция
Используется для характеристики моделирующих / имитационных созданных технологий и явлений (объекты, созданные для обучения и имитации / моделирования естественных процессов, для изучения или моделирования какихлибо процессов)	виртуальный вертолет, виртуальный реактивный двигатель, виртуальный пассажирский лайнер, виртуальное испытание, изображение виртуального иллюминатора, виртуальный тренажер международной космической станции, виртуальный глобус GoogleEarth, виртуальная земля, виртуальный прототип, виртуальную печень, виртуальный шлем, виртуальная комната, виртуальное погружение на дно Байкала, осуществить «виртуальный» синтез материала с заданными свойствами, виртуальная волна
Используется для характеристики ненастоящих, бутафорных, подставных явлений	Березовский хотел иметь дело с виртуальной партией, которая бы много говорила, но ничего не делала. Когда вы читаете такие сводки, надо знать, что значительная часть этих сведений является ложной. Многие милицейские подразделения в погоне за «показателями» в служебной деятельности находят виртуальные схроны оружия или сами прячут его и тут же «находят». Экономика Пыльнёва имела так называемый виртуальный характер, то есть темпы роста ВНП не гарантировались ничем. Наши чиновники от образования очень умело создают вокруг себя автономный виртуальный мир: конструктивный, прихотливо нормативный, с легким налётом мифологичности, в котором так интересно жить и работать А потом так широко закрытыми (ой! простите, открытыми) глазами глядят на «этих странных педагогов» и приговаривают: «да ну!» Если зарплата «теневая», то и пенсия — виртуальная. Виртуальные льготы. Нефтедоллары создают ощущение виртуального благополучия. Сейчас получилось так, что ни одно предложение по льготам не привязано ни к одному проекту. То есть своего рода «виртуальные льготы» к «виртуальным проектам». Считаю, что такой подход неправильный, для Арктики нужен иной подход. Нам нужно всем вместе, и обязательно с компаниями, понять, какая помощь от государства действительно нужна. Виртуальные политики. Что Прохоров, что Навальный Их никто до выборов и не допустит, а прорвутся «голосов не наберут»
Используется для характеристики выдуманных явлений	Областное же партийное руководство, как и российское, предпочло конкретным насущным задачам виртуальные проблемы «мирового масштаба», попутно интригуя в сферах власти.
Используется для характеристики имитирующих явлений	«Виртуальные колготки». Это подтягивающий крем-гель с эффектом загара, который выполняет сразу несколько функций: подтягивает кожу, делает ее упругой и визуально стройнит ноги, придавая им легкий оттенок загара. Уже после первого применения Leg Perfector обеспечивает коже ног эффект лифтинга, выравнивая и укрепляя ее
Используется для характеристики потенциальных явлений	Квартиры, в которую инвестировал деньги клиент, еще нет, она виртуальна. Страховая компания защищает только вложенные в покупку деньги

Linguistics

Приведенные выше примеры позволяют выделить концептуальные признаки слова «виртуальный» в языковом сознании носителей русского языка: использование слова «виртуальный» для наименования явлений, не имеющих физического воплощения и являющимися симулякрами, потенциальными событиями, имитациями или идеализированными версиями, или для естественно-научных характеристик объектов. Наиболее частотным является употребление слова «виртуальный» в значении спроецированных или оцифрованных социальных явлений, перенесенных в Интернет реалий.

«ВИРТУАЛЬНЫЙ» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Для обозначения виртуального в китайском языке используется слово 虚拟. Данное слово встречается в романе «Сон в красном тереме». Согласно словарю языка романа «Сон в красном тереме» / 红楼梦语言词典 издательства 商务印书馆 (1995)

под словом 虚拟 понимают 凭印象或想像拟定 / На основании впечатлений или воображения. Сегодня часто слово 虚拟 связано с явлениями виртуализации общества. Например, сериал «Грезы» (англ. Reverie) канала NBC про симулятор виртуальной реальности был переведен как 虚拟幻梦 «Виртуальная фантазия / мечта».

Согласно 汉语大辞典¹, слово 虚拟 имеет следующие значения: 1) ненастоящий, несоответствующий или не обязательно соответствующий действительности; 2) вымышленный, воображаемый. Антонимом является слово 真实²; синонимами – 编造³, 臆造⁴, 虚构⁵, 杜撰⁶ [词林在线词典, URL].

Рассмотрим дефиниции слова 虚拟 в словарях.

Таблица 3

ДАННЫЕ КИТАЙСКИХ СЛОВАРЕЙ

Источник	Содержание
美学百科全书. 社会科学文献出版社. 1990	戏曲的艺术表现方法,也被看作戏曲的艺术表现特征。戏曲的虚拟有三个层次: 手段的虚拟, 手法的虚拟, 方法的虚拟。 / Метод художественного выражения в опере, также рассматривается как характерная особенность художественного выражения в опере. В опере есть три уровня виртуальности: виртуальные средства, виртуальная техника, виртуальный метод
汉语倒排词典. 黑龙江人民出版社. 1987	不符合或不一定符合事实的; 假设的 / Несоответствующие или не обязательно соответствующие фактам; гипотетические
在线汉语字典〈?〉	设想; 虚构 / Представляемый, воображаемый
百度百科《〉	操作系统中所谓的"虚拟",是指通过某种技术把一个物理实体变为若干逻辑上的对应物 / Так называемый «виртуальный» в операционной системе относится к преобразованию физического объекта в ряд логических аналогов с помощью определенной технологии

Интересным является использование слова «виртуальный» для обозначения техники

исполнения и постановки в китайской опере. Технику виртуального исполнения представляется возможным противопоставить «имитации»: путем преувеличения, деформации, украшения и других методов создается, например, образ езды на лошади или катания на лодке.

¹汉语大辞典. URL: [http://www.hydcd.com/zidian/hz/16862.htm] (дата обращения: 27.01.2020).

² Истинный действительный, реальный

³ Создавать, выдумывать, фабриковать, подделывать

⁴ Надуманный, основанный на догадках

 $^{^{5}}$ Фальшивый, сфабрикованный, фиктивный

⁶ Вымышленный

⁷ 在线汉语字典. URL: http://xh.5156edu.com/html5/67201.html (дата обращения: 27.01.2020).

⁸ 虚拟.百度百科 URL: https://baike.baidu.com/item/%E8%99%9A%E6%8 B%9F/10866735?fr=aladdin (дата обращения: 31.07.2021).

УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВА 虚拟 В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Употребление	Примеры использования
Используется для характеристики явлений компьютерной и IT сферы, не имеющих физического воплощения	虚拟服务器 (виртуальный сервер), 计算机虚拟终端 (виртуальный терминал), 虚拟磁盘 (виртуальный диск), 虚拟文件 (виртуальный файл), 虚拟存储器 (виртуальная память), 虚拟机 (виртуальная машина), 虚拟私有云 (виртуальное частное облако), 虚拟键盘 (виртуальная клавиатура), 虚拟鼠标 (виртуальная мышь), 虚拟桌面 (виртуальный рабочий стол)
Используется для характеристики компьютеризированных, цифровых и высокотехнологичных явлений, не имеющих физического воплощения	5G虚拟校园网 (виртуальная сеть кампуса), 首条超级虚拟轨道交通线 (первая скоростная виртуальная линия железнодорожного транспорта), 虚拟电厂 (виртуальная электростанция)
Используется для характеристики моделирующих / имитационных, созданных технологий и явлений (объекты созданные для обучения и имитации / моделирования естественных процессов, для изучения или моделирования каких-либо процессов)	飞行模拟器虚拟驾驶 (виртуальный симулятор полета)
Используется для характеристики симуляций, отражающих перенос или аналоги реальных повседневных событий и предметов в Интернет. Эти виртуальные явления являются своеобразным зеркалом или оцифровкой повседневной реальности.	虚拟养老院 (виртуальный дом престарелых), 虚拟女友 (виртуальн), 虚拟货币 (виртуальная валюта), 虚拟旅游 (виртуальное путешествие), 虚拟试妆 (виртуальный макияж), 虚拟展览 (виртуальная выставка), 虚拟银行 (виртуальный банк), 虚拟商店 (виртуальный магазин), 虚拟资本 (виртуальный капитал), 虚拟地图 (виртуальная карта), 虚拟信用卡 (виртуальная банковская карта), 虚拟主角 (виртуальный актер), 虚拟音乐厅 (виртуальный концертный зал), 虚拟休闲 (виртуальный отдых), 虚拟城市虚拟市场 (виртуальный рынок), 虚拟景区 (виртуальная достопримечательность), 虚拟实验室 (виртуальная лаборатория), 虚拟主持人 (виртуальный ведущий), 虚拟恋爱 (виртуально любить), 虚拟物流 (виртуальная логистика), 虚拟世界 (виртуальный мир), 虚拟空间 (виртуальное пространство)
Используется для характеристики объектов, осуществляющих часть функций посредством Интернета	虚拟厨房 (виртуальная кухня – работает на вынос)
Используется для характеристики техники исполнения в опере	由于舞蹈主要在于表情,所以它的动作虚拟性很强,摹仿性很弱。/ Так как в танце важна экспрессия, то виртуальность движений должна быть сильной, подражательность – слабой.
Используется для характеристики воображаемых явлений	凤和麒麟都是虚拟的动物,谁都没有见… / Феникс и единорог – «виртуальные» животные, их никто никогда не видел…
Используется для характеристики выдуманных, сфабрикованных явлений	选真要求既然事实对于新闻如此重要,所以新闻报道必须按照选真要求,注意三个区别:有别于荒诞虚拟,有别于文学"合成",有别于道听途说;去伪存真,如实地反映事物的本来面目。/ Поскольку факты так важны для новостей, новостные сообщения должны соответствовать требованиям отбора истин, обращая внимание на три отличия: отличное от абсурдного и вымышленного, отличное от литературного «синтеза» и отличное от слухов; отбросить фальшивое и сохранить подлинное, отражать все правдиво, как есть.
Используется для характеристики некровных отношений	家政人员的工作性质与内容使得他们是作为"虚拟家人"角色进入雇主家庭的,他们为家庭中的婴幼儿、老人、病人等提供劳动。/ По характеру и содержанию работы домашних работников они входят в семью работодателя в качестве «виртуальных членов семьи». Они помогают и заботятся о младенцах, детях, пожилых людях и пациентах. "拜干亲"是一种较为普遍的文化现象,它是非亲缘关系的亲缘化,是建立虚拟亲属关系的一种方式。/ Почитание названного родственника – относительно распространенное культурное явление, это родство без родства и способ установить виртуальное родство.
Используется для характеристики ненастоящих, не имеющих последствий явлений	恶意编造传播网络谣言,对现实生活造成的冲击真实可感,一点也不虚拟。/ Злонамеренно сфабрикованные и распространяющиеся интернет-слухи влияют на реальную жизнь реально, а вовсе не виртуально.
Используется для естественно- научной характеристики явления или объекта	虚拟粒子 (виртуальная частица)

Анализ использования примеров корпусных данных и поисковых систем демонстрирует наиболее частотное использование для обозначения явлений и фактов, являющихся симуляциями общественных отношений в сети. Также большое количество данных связано со сферой экономики (虚拟资本, 虚拟存贷). Китай ведет целенаправленную политику по интеграции цифровых технологий и экономики – речь идет, в частности, о политике по развитию электронной коммерции или намерение отказаться в ближайшем будущем от бумажных денег в пользу цифрового юаня (数字人民币).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведя сравнительный анализ значений слова «виртуальный» в русском и китайском языках, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, понятие «виртуальный» находит свои особенности интерпретации в различных сферах деятельности человека: медицина, философия, экономика, политика, естественные науки, технология, искусство. Во-вторых, анализ примеров корпусов языков выявил совпадающие значения, что свидетельствует о сформированности схожих представлений у носителей русского и китайского языков: имитирующий возможности социализации в сети, проектируемый, моделирующий, технологичный, компьютерный. Большую популярность в разных областях приобретают явления виртуальных электростанций, виртуальной кухни (особенно в условиях пандемии); набирают обороты сервисы виртуального макияжа, проектирования виртуального интерьера комнаты. В русском и в китайском языках значение виртуального входит за рамки понимания этого слова как тесно связанное с компьютеризацией общества. Так, слова «виртуальный» и «虚拟» используются для естественно-научной характеристики явления или объекта: 虚拟粒子 виртуальная частица, для характеристики явлений компьютерной и ІТ-сферы, не имеющих физического воплощения: 虚拟服务器, виртуальный сервер, 计算机虚拟终端, виртуальный терминал, 虚 拟磁盘, виртуальный диск, 虚拟存储器, виртуальная память, для характеристики объектов созданных для обучения и имитации / моделирования каких-либо процессов:飞行模拟器虚拟驾驶, виртуальный симулятор полета, виртуальный тренажер международной космической станции, для обозначения явлений и фактов, являющихся симуляциями общественных отношений в Сети. В обоих языках наблюдаются замещения реальных вещей и поступков образами - симуляцими: пользователи заводят виртуальных друзей, осуществляют

виртуальные путешествия, расплачиваются виртуальными картами.

В-третьих, сосуществование слов, появившихся с развитием информационно-коммуникационных технологий, приводит к пополнению синонимичных рядов. Например, в русской и китайской культуре придавалось большое значение традициям и обрядам сватовства. В информационную эпоху новейшие цифровые технологии дают старым традициям «новую жизнь». Так, в русском языке в употребление вошли слова «виртуальная сваха», «электронная сваха», «киберсваха», «интернет сваха»; в китайском языке – 虚拟红娘, 电子红娘, 网 络红娘, 电脑红娘. В большинстве случаев данные словосочетания относятся не к людям, работающим в виртуальном пространстве и перенесшим свой род занятий из реального мира в виртуальный, а к искусственному интеллекту сайтов знакомств, платформ и приложений. Пополнение данного синонимического ряда может быть обусловлено отражением в языке потребности человека исследовать и познавать во всех его проявлениях новое, виртуальное, искусственное, информационнокоммуникативное пространство.

В-четвертых, слова «виртуальный» и 虚拟 не являются полными эквивалентами. Например, 虚拟 используется для характеристики техники исполнения в опере:

中国的传统戏曲是通过虚拟的动作来显示时间和地点的变换,如前面提到的《十八相送》,演员不过是在台上绕了几圈,通过唱词和虚拟的动作,就意味着地点、场景的变换. - «Традиционная китайская опера использует виртуальные действия, чтобы показать изменение времени и места. Например, в вышеупомянутой «Проводы в 18 ли» актеры обходят сцену всего несколько раз. С помощью пения и виртуальных действий это означает изменение местоположения, смену сцены».

Виртуальная техника и виртуальная постановка относятся к области исполнительного искусства китайской оперы. Юйюй Цзя пишет, что «виртуальность Пекинской оперы обусловлена виртуальными движениями и виртуальной постановкой» [Юйюй Цзя, 2018, с. 148]. Китайская опера обладает традиционной спецификой, а ее компоненты, в частности движения и жесты, обстановка на сцене богаты символами и условностями, позволяющими домыслить смену времен года, перемещение героев в пространстве, езду на лошади, передать настроение героев и т. д. Интерес представляет значение 虚拟 для характеристики некровных отношений между людьми. Например, помощник по дому, няня, сиделка – каждый из

них – может сблизиться с членами семьи и получить статус 虚拟家人 – виртуального члена семьи. Возможность установления таких связей вовсе не является новомодным явлением, а находит корни в китайской традиции – 干亲交往, 拜干亲 (названное родство). Взяв в качестве примера деревню Сицунь, Шан Хуэйпэн полагает, что в деревенском обществе существует три типа межличностных отношений, а именно родство, отсутствие родства и «виртуальное родство» [尚会鵬, 1997]. Так, к виртуальному родству могут относиться такие явления, как признание и почитание названных родственников. В разных провинциях и у разных народностей

КНР этот социальный феномен приобретает свои особенности [拜干亲, URL]. Например, в Чжэнчжоу, провинция Хэнань, отец ребенка выходил на улицу и кланялся первому встречному, обращаясь с просьбой дать имя ребенку. Иногда незнакомцы дарили подарки ребенку и признавались назваными родственниками [拜干亲, URL].

Таким образом, использование слов «виртуальный» и 虚拟 находит свое применение в естественных и точных науках, характеризует перенос в Интернет реалий повседневных отношений, демонстрирует систему ценностных представлений носителей русского и китайского языков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002.
- 2. Грунченко О. М., Крысин Л. П. Академический толковый словарь русского языка. Т. 2: ВИНА ГЯУР. М.: ЯСК, 2016. URL: http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785990911406.html
- 3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года. URL: http://gramota.ru/slovari/info/bts/
- 4. Кузнецов М. М. Виртуальная реальность техногенный артефакт или сетевой феномен? // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты / отв. ред. И. А. Акчурин. М.: Прогресс-Традиция, 2004. C. 62–90. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=444274 (дата обращения: 27.01.2020).
- 5. Словарь синонимов русского языка. URL: https://sinonim.org/s/%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9#f]
- 6. 词林在线词典. URL: https://www.cilin.org/jyc/ (дата обращения: 27.01.2020).
- 7. Юйюй Цзя. Особенности музыкального искусства в традиционной культуре Китая // Культура, философия, политика в социальном опыте XX–XXI столетия: материалы VI Международного Симпозиума молодых ученых, Белгород, 13 апреля 2018 года / Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород: ООО «Эпицентр», 2018. С. 144–148.
- 8. 尚会鹏. 中原地区的干亲关系研究 以西村为例 // 维普期刊专业版. 1997. DOI: CNKI: SUN: SHXJ.0.1997-06-011 URL: https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=a21bbc6d51405db00b55fefbb11737ea (дата обращения: 31.07.2021).
- 9. 拜干亲. URL: https://baike.baidu.com/item/%E6%8B%9C%E5%B9%B2%E4%BA%B2/1834066?fr=aladdin (дата обращения: 31.07.2021).

REFERENCES

- 1. Ivanov, D. V. (2002). Virtualizatsiya obshchestva. Versiya 2.0. = Virtualization of Society. Version 2.0. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. (In Russ).
- 2. Grunchenko, O. M., Krysin, L. P. (2016). Akademicheskiy tolkovyy slovar' russkogo yazyka = Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow: IRC-press. http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785990911406. html (date of access: 16.01.2020). (In Russ.)
- 3. Kuznetsov, S. A. (ed.). (2014). Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka = Comprehensive explanatory dictionary of the Russian language. URL: http://gramota.ru/slovari/info/bts/ (date of access: 16.01.2020). (In Russ.)
- 4. Kuznetsov, M. M. (2004). Virtual'naya real'nost' tekhnogennyy artefakt ili setevoy fenomen? = Virtual reality is a technogenic artifact or network phenomenon). Moscow: Progress-Tradition. http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=444274 (date of access: 27.01.2020). (In Russ.)
- 5. Slovar' sinonimov russkogo yazyka = Dictionary of synonyms of the Russian language. https://sinonim.org/s/% D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9#f] (date of access: 16.01.2020). (In Russ.)
- 6. 词林在线词典. https://www.cilin.org/jyc/ (date of access: 27.01.2020).

Linguistics

- 7. Jia Yuyu. (2018). Osobennosti muzykal'nogo iskusstva v traditsionnoy kul'ture Kitaya = Features music in traditional culture of China. Culture, philosophy, politics in social experience 20th–21st centuries (pp. 144–148). Belgorod. (In Russ.)
- 8. 尚会鹏. (1997). 中原地区的干亲关系研究 以西村为例 // 维普期刊专业版.. NKI: SUN: SHXJ.0.1997-06-011. https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=a21bbc6d51405db00b55fefbb11737ea (date of access: 31.07.2021).
- 9. 拜干亲. https://baike.baidu.com/item/%E6%8B%9C%E5%B9%B2%E4%BA%B2/1834066?fr=aladdin (date of access: 31.07.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубинина Мария Николаевна

кандидат педагогических наук, младший научный сотрудник доцент кафедры германо-романских языков и методики их преподавания Государственного социально-гуманитарного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dubinina Maria Nikolaevna

PhD, Junior Researcher,

Associate Professor at the Department of Romance-Germanic Languages and Language Teaching Methodology, State University of Humanities and Social Studies

Статья поступила в редакцию 19.04.2022 одобрена после рецензирования 30.05.2022 принята к публикации 22.07.2022

The article was submitted 19.04.2022 approved after reviewing 30.05.2022 accepted for publication 22.07.2022

Научная статья УДК 81-139 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_41

Корпусный анализ языковой репрезентации специальной военной операции ВС РФ на Украине в СМИ КНР

О. И. Калинин^{1,2}

¹Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия ²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия okalinin.linqua@gmail.com

Аннотация. В статье проанализированы средства репрезентации специальной военной операции ВС РФ

на Украине в китайских СМИ. С позиций когнитивного подхода с использованием методов качественно-количественного контент-анализа корпуса текстов автор рассматривает оценочный и содержательный компоненты событий на Украине. Анализ показал, что военная операция рассматривается с содержательной стороны, с детальным описанием экономического, политического и исторического контекста, а оценочность при этом позитивно-нейтральная.

Ключевые слова: медиадискурс, китайские СМИ, оценочность, общественно-политический концепт, корпусный

анализ

Для цитирования: Калинин О.И.Корпусный анализ языковой репрезентации специальной военной операции ВС РФ

на Украине в СМИ КНР // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 10 (865). С. 41–47. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_41

Original article

Corpus Analysis of the Language Representation of the Russian Special Military Operation in Ukraine in the PRC Mass Media

Oleg I. Kalinin^{1,2}

¹Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia ²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia okalinin.lingua@gmail.com

Abstract. The article analyzes the means of representing the special military operation of the Russian Armed

Forces in Ukraine in the Chinese media. From the standpoint of a cognitive approach using the methods of qualitative and quantitative content analysis of the media corpus, the author examines the evaluative and content components of the representing events in Ukraine. The analysis showes that the military operation is viewed from the content side, with a detailed description of the

economic, political and historical context, while the evaluation is positively neutral.

Keywords: media discourse, Chinese media, appraisal, socio-political concept, corpus analysis

For citation: Kalinin, O. I. (2022). Corpus Analysis of the Language Representation of the Russian Special

Military Operation in Ukraine in the PRC Mass Media. Vestnik of Moscow State Linquistic University.

Humanities, 10(865), 41-47. 10.52070/2542-2197 2022 10 865 41

ВВЕДЕНИЕ

Политическая коммуникация на современном этапе носит массовый и перманентный характер за счет ее фактически полного слияния с медиадискурсом. Информация, появляясь в СМИ, мгновенно доносится до адресата речевого сообщения. Информационные потоки во многом похожи на цунами, где каждый человек, по сути, постоянно находится в «прибрежной зоне», и скрыться от воздействия или последствий информационной волны нет никакой возможности. В этой связи мы полагаем, что исследование репрезентации тех или иных значимых социально-политических событий в средствах массовой информации является важным и актуальным с точки зрения сразу нескольких аспектов:

- 1. с теоретической точки зрения позволяет выявить механизмы формирования общественного мнения;
- 2. с практической точки зрения демонстрируют hic et nunc состояние общественного мнения относительно того или иного события.

Кроме того, подобные исследования имеют важное прогностическое значение, так как позволяют на основании имеющегося понимания механизмов формирования общественного мнения и его состояния в настоящий момент делать прогнозы относительно развития политической ситуации.

Так, одним из значимых событий мирового масштаба, которое по оценкам многих экспертов во многом будет определять архитектуру будущего мироустройства, явилась специальная военная операция ВС России на Украине (далее СВО). Сразу после начала боевых действий не менее «ожесточенное сражение» развернулось среди лидеров мнений мировой общественности, и информационная война вышла за пределы своего уже привычного формата, СМИ превратились из «средств артиллерийской поддержки» в «оружие массового поражения». В условиях мирового политического и экономического кризиса, невозможности решения возникающих проблем посредством международных организаций на первый план вышли двусторонние отношения между государствами, а СВО стала своего рода лакмусовой бумажкой для определения отношений между странами и формирования образа России и ее будущего среди народов других стран.

На фоне фактически безоговорочной массовой критики действий России в западных СМИ существуют и альтернативные мнения – в других частях мира. Одна из наиболее значимых – оценка СВО со стороны КНР, страны, представляющей

одну из крупнейших экономик мира, принимающей все более активное участие в решении глобальных проблем, постоянного члена Совета безопасности ООН.

Исходя из актуальности изучения проблемы медиарепрезентации общественно-политических событий в целом и важности описания СВО в СМИ КНР, в частности, мы ставим целью данного исследования рассмотреть средства языковой репрезентации специальной военной операции ВС РФ на Украине в СМИ КНР.

Для этого в качестве теоретической основы мы будем использовать когнитивный подход, в рамках которого общественно-политическое событие в СМИ рассматривается как результат концептуализации в сознании массового адресата медиадискурса, а в качестве методической основы будет использоваться корпусный контент-анализ.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СМИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

На современном этапе развития отечественной лингвистики вопросы информационно-психологического воздействия в СМИ рассматриваются в свете междисциплинарного направления «лингвистика информационно-психологической войны» [Колмогорова, Калинин, Талдыкина, 2016; Копнина, 2018; Кушнерук, Чудинов, 2019; Сковородников, Копнина, 2016].

Это направление исследований последовательно рассматривает разные методологические основания политического информационного противоборства в его языковом выражении, представляя собой совокупность подходов и методов исследования разных проявлений информационного воздействия.

Многие исследователи указывают, что основой информационно-психологического противоборства является воздействие на когнитивном уровне. Так, С. Л. Кушнерук указывает, что «коммуникативные приемы идеологического воздействия на психику целевой аудитории детерминируются макроструктурой дискурсивного мира информационно-психологической войны, который формируется из тематических макрофреймов и относящихся к ним когнитивных структур (фреймов и субфреймов), объединенных наличием общего семантического ядра» [Кушнерук, 2020, с. 14].

Медиадискурс сейчас также активно изучается как инструмент непосредственной реализации коммуникативных стратегий и тактик, связанных с информационно-психологическим

противоборством, реализуемым на когнитивном уровне. Как мы указывали ранее, «любое общественно-политическое событие посредством освещения в СМИ поступает к массовому адресату в виде языковой репрезентации нового концепта или изменения содержания имеющегося концепта, который, соединяясь с ментальными установками каждого отдельного адресата, то есть его базовыми знаниями и набором персонального опыта, концептуализируется, категоризируется и интерпретируется» [Калинин, 2020, с.94].

Исследование А.А. Хабарова показало значимую роль СМИ в формировании антикитайских настроений в США. Автор полагает, что манипулятивные стратегии являются типологическими характеристиками западного медиадискурса, отмечая нацеленность новостных сообщений на изменение «прагматического восприятия вербальных форм репрезентации ядерных концептов лингвокультуры государства-жертвы, формирующих у целевой аудитории требуемую актору эмоциональную и прагматическую оценки под влиянием предзаданных идеологических установок» [Хабаров, 2022, с. 86].

Кроме того, медиадискурс также часто рассматривается как важный инструмент формирования или изменения образа государства или его институтов, что также является одной из форм реализации внутренней и внешней политики. Так, Сунь Минцин рассмотрел основные этапы формирования образа России в Китае посредством анализа газетных заголовков [Сунь, 2018]. В нашем прошлом исследовании мы также уже рассматривали новостные медиа как определяющий инструмент в процессе создания образа одной страны в сознании народа другой страны, изучив, в частности, репрезентацию событий на Украине в свете изменения образа России в Китае [Калинин, 2015].

Таким образом, мы полагаем, что медиапространство – это важнейший канал формирования общественного мнения о любой институциональной или событийной реалии, что осуществляется языковыми средствами на когнитивном уровне. В этой связи анализ языковой репрезентации события или института представляется нам простым и действенным методом срезового анализа общественного мнения и прогнозирования внутри- и внешнеполитической ситуации.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом данного исследования стали 90 новостных сообщений ведущих информационных агентств КНР (Синьхуа, China.com, Женьминь

Жибао, Феникс и др.), опубликованные в период с 24 февраля по 24 мая 2022 года общим объемом 195 084 иероглифических знаков.

Мы отобрали равнозначно по 30 статей за каждый месяц проведения СВО для того, чтобы получить равномерное распределение публикаций в темпоральном аспекте, что обеспечивает большую валидность исследования.

Методический инструментарий анализа репрезентации СВО представлен корпусным контентанализом, который технически состоит из двух этапов:

- количественный анализ использование программы-конкордансера для составления списка наиболее частотных лексем и списка коллокаций по ключевым словам;
- 2. качественный анализ группировка частотных лексем по тематическим блокам, выявление смысловых закономерностей в употреблении ключевых слов и коллокаций.

Контент-анализ проводился при помощи программы построения конкорданса и анализа текста AntConc (Build 3.5.8) [Anthony, 2013]. Эта программа имеет ряд возможностей для детального анализа большого объема текстовой информации и выявления наиболее характерных для заданной выборки лексических элементов и их сочетаний. В этой связи мы воспользовались несколькими функциями программы для более полного и результативного определения семантического поля репрезентации СВО:

- Функция «Word List», подсчитывает все слова в корпусе и создает их упорядоченный список. С помощью этого инструмента можно быстро определить частоту появления слова в корпусе.
- Функция «Clusters/N-Grams» отображает кластеры на основе поисковых условий, то есть позволяет количественно подсчитать наиболее частотные словосочетания (подсчитываются лексические единицы, стоящие рядом справа и слева).
- Функция «Collocates» позволяет проанализировать частотность тех или иных коллокаций в определенном диапазоне (подсчитываются лексические единицы, стоящие в определенном диапазоне от искомого слова).

При количественном подсчете наиболее употребительной лексики в собранных нами корпусах мы, руководствуясь большим объемом корпуса, принимали во внимание только те лексические единицы, которые употреблялись более 30 раз.

РЕЗУЛЬТАТЫ И АНАЛИЗ

В результате количественного анализа новостных текстов, связанных с описанием СВО ВС РФ на Украине, мы выделили тематически значимые лексемы, исключив из анализа общеупотребительную и служебную лексику. Полученные лексемы мы разделили на четыре тематических группы: стороны

конфликта (наименования стран, международных организаций, имена политиков); военная сфера (наименования населенных пунктов на территории Украины, военная лексика, отражающая непосредственно боевые действия); политика и экономика (лексемы, характеризующие политико-экономический аспект проведения СВО); история (лексемы, описывающие исторический контекст).

Таблица 1 РЕЗУЛЬТАТЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА КИТАЙСКОГО МЕДИАДИСКУРСА

Стороны конфликта		Военная сфера	a	Политика и экономи	ка	История	
乌克兰– Украина	1632	战争 – война	206	经济 – экономика	81	苏联 – CCCP	158
俄罗斯 – Россия	1015	俄军 – BC PΦ	143	天然气 – газ	79	哥萨克 – казаки	72
北约 – Нато	202	冲突 – конфликт	133	工业 – промышленность	42	历史 – история	85
美国 – США	182	军队 – войска	116	制裁 – санкции	34	克里米亚 – Крым	60
波兰 – Польша	177	乌军 – BCY	113	能源 – энергетика	32	独立 – независимость	66
基辅 – Киев	174	军事 – военный	87	问题 – проблема	113	帝国 – Империя	47
西方 – Запад	161	马里乌波尔 – Мариуполь	70	发展 – развитие	88	沙皇 – царь	32
欧洲 – Европа	119	顿巴斯 – Донбасс	68	统治 – господство	61	赫鲁晓夫 – Хрущев	31
德国 – Германия	83	东部 – восток	66	控制 – контролировать	60	东扩 – расширение на восток	31
莫斯科 – Москва	81	武器 – вооружение	49	谈判 – переговоры	51	苏俄 – советская Россия	42
俄乌 – российско- украинский	80	战斗 – бой	48	重要 – важный	50		
白俄罗斯 – Белоруссия	48	顿涅茨克 – Донецк	50	安全 – безопасность	49		
俄国 – Россия	80	部队 – части	44	建立 – создать	48		
欧盟 – EC	55	战略 – стратегия	51	结束 – завершить	47		
普京 – Путин	50	作战 – вести бой	40	世界 – мир	46		
日本 – Япония	45	打击 – удар	38	提供 – предоставить	46		
立陶宛 – Литва	37	士兵 – солдат	37	援助 - помощь	45		
		领土 – территория	38	威胁 – угроза	43		
		进攻 – атака	37	局势 – тенденция	41		
		爆发 – вспыхнуть	38	形成 – сформирвоать	41		
		导弹 – ракета	32	政治 – политика	41		
		入侵 – вторжение	35	支持 – поддержка	40		
		占领 – захват	39				
		哈尔科夫 - Харьков	39				
		第聂伯河Днепр	42				
		军事行动 – боевые действия	49				
ВСЕГО	4221 (1574)		1708		1266		624

На наш взгляд, даже подобный довольно поверхностный анализ дает достаточно информации о том, какова содержательная сторона описания СВО на Украине в текстах китайских новостных сообщений. Если не принимать во внимание наиболее частотные лексемы «Россия» и

«Украина», так как очевидно, что они упоминались в каждой новости многократно, то в процентном соотношении наиболее значительной стали тематические блоки «Военная сфера» (33,3%) и «Стороны конфликта» (30,4%), что не является странным, так как очевидно новость сообщает новую

информацию, а новостные сообщения о боевых действиях не могут не содержать информации о военной стороне конфликта сторон. Более интересным является значительный пласт лексики политико-экономического характера (24,4%), что свидетельствует о достаточно большом внимании к экономическому и политическому контексту происходящих событий в китайских СМИ. Кроме того, большой разброс упоминаемых сторон конфликта (ЕС, США, Польша, Литва) также демонстрирует, что в китайских новостях значительное внимание уделяется большому количеству сторон, которые оказались вовлечены в события, связанные с военной операцией. Наиболее интересным и неожиданным результатом данного этапа анализа является большой удельный вес лексем, которые мы соотнесли с тематической группой «История» (12,06%). Это явно подчеркивает внимание к историческому контексту происходящих событий, попытку не только описать, но и объяснить происходящее.

Далее мы немного детальнее рассмотрим отдельные лексемы, постараемся выявить их роль в формировании той или иной оценки СВО среди китайской аудитории. Для этого последовательно рассмотрим каждую из выделенных тематических групп.

Тематическая группа стороны конфликта прежде всего обращает внимание большим разнообразием стран и регионов: Литва, Польша, Германия, ЕС, Европа, США, Япония. Все эти страны и регионы упоминались более 30 раз, а упоминание НАТО составило 282 раза. Эти статистические данные прежде всего свидетельствуют о том, что в медиадискурсе КНР СВО рассматривается в широком внешнеполитическом контексте, где западные страны и военно-политические организации считаются активно вовлеченными в конфликт.

Детальный анализ семантики лексем тематической группы «Военная сфера» позволяет понять формируемое в Китае отношение непосредственно к военной операции, к ее методам и применяемым средствам. Прежде всего стоит отметить, что мы не выявили среди значимых лексемы, которые так или иначе связаны с пострадавшими или жертвами боевых действий. Например, лексема 牺牲 (пострадавший, жертва) встретилась 4 раза, 杀死 (убивать) – 3 раза, 平民 (мирный житель) – 7 раз, даже широко тиражируемый в западных СМИ топоним 布恰 (Буча), где произошли невыясненные события, в результате которых погибло определенное количестве мирных жителей, упоминается только 5 раз. Это говорит о том, что китайские СМИ очень малое внимание уделяют «темной» стороне конфликта, то есть жертвам, пострадавшим; в них не тиражируются неподтвержденные обвинения

в военных преступлениях, не описывается жесто-кость ни одной из сторон. Если взглянуть на самые частотные лексемы в этом тематическом блоке, то мы увидим, что это наиболее характерные для военного дела слова: воинская часть, атака, удар, оружие, солдат, вести бой и проч. Отдельно стоит упомянуть, что наряду с термином 战争 (война), для происходящих событий также используется более нейтральное 冲突 (конфликт), и в целом концепт ВОЙНА в китайской лингвокультуре не идентичен русскому [Kalinin, Mavleev, 2019], война в сознании носителей китайской ментальности соотносится с противостоянием, соперничеством, а не с жестокостью и смертью.

Рассмотрим далее тематическую группу «Экономика и политика», где мы видим довольно широкий с содержательной точки зрения разброс лексем. В целом все они отражают сложившуюся вокруг России политико-экономическую ситуацию: санкции, газ, энергетика, промышленность, и взаимодействие стран с Украиной: помощь, поддержка и т. д.

Тематические блок «История» свидетельствует о том, что китайские медиа стремятся дать очень глубокий исторический обзор взаимоотношениям между двумя странами: казаки, царь, СССР, расширение на восток (НАТО), все эти лексемы относятся к разным периодам истории, и их высокая частотность показывает, что в китайских СМИ СВО рассматривается как следствие исторических противоречий, а также результат внешнеполитических причин.

Далее в рамках анализа коллокаций проведем краткий анализ лексики, которая связана с наиболее характерными обозначениями СВО в китайских СМИ, а именно 战争 (война) и 冲突 (конфликт). Функция Collocates в программе AntConc позволяет выявить наиболее частотные лексемы, которые стоят справа и слева от искомой на определенном расстоянии. Анализ коллокаций с лексемой 战争 не демонстрирует каких-либо лексем, репрезентирующих негативное или, напротив, позитивное отношение. Это все слова, которые частотно сочетаются с 战争 – 开始 (начать), 结束 (закончить), 进 行 (вести), 持续 (длиться). Единственной лексемой, контекст которой может быть связан с определенной оценочностью – это 罪行 (преступление), всего 7 словооупотреблений.

Рассмотрим некоторые примеры употребления этих лексем в более широком контексте:

ВВС 5月18日报道称,迄今为止,乌克兰已经确定了俄罗斯可能犯下的10000多起"战争罪行"— «По сообщению ВВС от 18 мая до настоящего момента Украина уже подтвердила возможные 10000 случаев военных преступлений России».

В этом предложении понятие «военное преступление» соотносится с действиями России, однако со ссылкой на другой источник информации (ВВС) и в «потенциально возможном» контексте.

卫报乌克兰已将为俄罗斯军队犯下的"暴行"作为伸张正义的优先事项。即使在布满地雷的地区,乌克兰检察官也在冒着生命危险收集战争罪行的证据 – «По сообщению Гардиан, Украина сделала своим приоритетом поиск справедливости в вопросе совершенных российской армии «зверств», и несмотря на заминированность района Бучи, следователи, рискуя жизнью, ищут доказательства военных преступлений».

В этом предложении опять мы встречаем отсылку на сторонний источник с Запада (*Guardian*), кроме того лексема с негативной коннотацией 暴行 (*зверства*) взята с кавычки.

Анализ коллокаций с лексемой 冲突 (конфликт) не выявил значимых оценочных сочетаний. Стоит выделить только наличие в поле сочетаемости таких единиц, как 因为 (так как), 结果 (результат), 来龙去脉 (причинно-следственные связи), что свидетельствует о нарративе, связанном с поиском причин и последствий конфликта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенный нами качественно-количественный контент-анализ средств лексической репрезентации СВО, проводимой ВС РФ на Украине, показывает, что в медиадискурсе КНР скорее отсутствует стремление сформировать оценочный компонент концептуального знания о ситуации на Украине. При этом мы видим, что имеется потенциал для расширения содержательного компонента концепта СВО, так как значительное внимание уделяется историческому контексту взаимоотношений России и Украины и внешнему социально-экономическому фону. Все это дает нам основания полагать, что репрезентация СВО на Украине в китайских медиа носит позитивнонейтральный характер, в Китае создается образ внешнего далекого конфликта, который имеет глубокие исторические корни, весьма серьезные экономико-политические последствия, но в целом Китая не касается, поэтому КНР не стремится выбрать какую-либо из сторон конфликта, постулируя данный факт как через свою дипломатию, так и через СМИ посредством соответствующей репрезентации происходящих событий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Колмогорова А. В., Калинин А. А., Талдыкина Ю. А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. Т. 4 (58). С. 194–199.
- 2. Копнина Г.А. «Лингвистика информационно-психологической войны» в Сибирском федеральном университете: презентация научного проекта // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этносов: сборник трудов Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2018. С. 338–348.
- 3. Кушнерук С. Л., Чудинов А. П. Развитие лингвистики информационно-психологической войны: методологическая неоднородность и первые результаты // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. Т. 4. № 1. С. 105–118.
- 4. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. Т. 1 (55). С. 42–50.
- 5. Кушнерук С. Л. Дискурсивный мир информационно-психологической войны: репрезентационная структура по данным корпуса // Политическая лингвистика. 2020. Т. 5 (83). С. 12–21.
- 6. Калинин О. И. Сравнительная характеристика языковой репрезентации концепта ТОРГОВАЯ ВОЙНА в СМИ КНР и США // Филология: научные исследования. 2020. Т. 11. С. 93–107.
- 7. Хабаров А. А. Демонизация Китая в зарубежных массмедиа: дискурсивные средства уничтожения мишеней информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2022. Т. 1 (91). С. 78–89.
- 8. Сунь М. Имидж России в современном китайском медиадискурсе и его языковая репрезентация (на основе заголовков «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» за 2000-2017 гг.) // Социология. 2018. Т. 4. С. 155–166.
- 9. Калинин О. И. Политический имидж России в СМИ КНР: к вопросу о тональности текста в связи с событиями на Украине // Политическая лингвистика. 2015. Т. 1 (51). С. 98–103.
- 10. Anthony L.A critical look at software tools in corpus linguistics // Linguistic Research, 2013. T. 30 (2). C. 141–161.
- 11. Kalinin O., Mavleev R. The "War" Concept in Russian and Chinese Socio-Cultural Environment // Dictum Factum: от исследований к стратегическим решениям: Сборник научных трудов по материалам Всероссийской междисциплинарной конференции молодых ученых. Севастополь, 2019. С. 80–92.

REFERENCES

- 1. Kolmogorova, A. V., Kalinin, A. A., Taldykina, Yu. A. (2016). Language markers of manipulation in polarized political discourse: Parametrization experience. Political Linguistics, 4(58), 194–199. (In Russ.)
- 2. Kopnina, G. A. (2018). "Linguistics of information-psychological warfare" at the Siberian Federal University: presentation of a scientific project. In Information war as a struggle of geopolitical opponents, civilizations and various ethnic groups (pp. 338–348): a collection of proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Novosibirsk.
- 3. Kushneruk, S. L., Chudinov, A. P. (2019). Development of Linguistics of Information-Psychological Warfare: Methodological Heterogeneity and First Results. Ecology of Language and Communicative Practice, 4(1), 105–118.
- 4. Skovorodnikov, A. P., Kopnina, G. A. (2016). Linguistics of information-psychological warfare: to the justification and definition of the concept. Political Linguistics, 1(55), 42–50.
- 5. Kushneruk, S. L. (2020). The discursive world of information-psychological warfare: Representational Structure based on corpus data. Political Linguistics, 5(83), 12–21.
- 6. Kalinin, O. I. (2020). Comparative characteristics of the language representation of the concept TRADE WAR in the media of China and the USA. Philology: scientific research, 11, 93–107.
- 7. Khabarov, A. A. (2022). Demonization of China in foreign mass media: Discursive means of destroying the targets of the information-psychological war. Political Linguistics, 1(91), 78–89.
- 8. Sun, M. (2018). The image of Russia in modern Chinese media discourse and its linguistic representation (based on the headings "People's Daily" and "Guangming Daily" for 2000–2017). Sociology, 4, 155–166.
- 9. Kalinin, O. I. (2015). The political image of Russia in the PRC media: on the question of the tone of the text in connection with the events in Ukraine. Political Linguistics, 1(51), 98–103.
- 10. Anthony, L. (2013). A critical look at software tools in corpus linguistics. Linguistic Research, 30(2), 141–161.
- 11. Kalinin, O., Mavleev, R. (2019). The "War" concept in Russian and Chinese socio-cultural environment. In Dictum Factum: from research to strategic decisions (pp. 80–92): collection of scientific papers based on the materials of the All-Russian Interdisciplinary Conference of Young Scientists. Sevastopol.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калинин Олег Игоревич

кандидат филологических наук

доцент кафедры китайского языка, Московского государственного лингвистического университета докторант кафедры (дальневосточных языков) Военного университета МО РФ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kalinin Oleg Igorevich

Candidate of Philology,

Associate Professor of the Chinese Language Department, Moscow State Linguistic University, PostDoc, Far Eastern Languages Department, Military University of the Ministry of Defense

Статья поступила в редакцию 01.03.2021 одобрена после рецензирования 01.04.2021 принята к публикации 15.04.2021

The article was submitted 01.03.2021 approved after reviewing 01.04.2021 accepted for publication 15.04.2021

Научная статья УДК 81.32+811.581.11+81'1 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_48

Частотность суффиксальных морфем как характеристика китайского новостного военного дискурса

Д. С. Коршунов

Военный университет радиоэлектроники, Череповец, Россия dmitry-korshunov@yandex.ru

Аннотация. Новостной дискурс, которому свойственно регулярное употребление новой лексики, может быть

охарактеризован через описание присущих ему словообразовательных морфем. На материале новостных сообщений китайских СМИ по военной тематике методами корпусной лингвистики оценена частота 80 суффиксов и полусуффиксов китайского языка, описаны 10 наиболее частотных и 10 наименее частотных из них. Основные значения рассмотренных суффиксальных

морфем составляют содержательную характеристику изучаемого дискурса.

Ключевые слова: китайский язык, аффиксация, суффиксы и полусуффиксы, частота, регулярность, новостной воен-

ный дискурс

Для цитиирования: Коршунов Д. С. Частотность суффиксальных морфем как характеристика китайского новостного

военного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 10 (865). С. 48–56. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_48

Original article

Frequency of Suffixal Morphemes as a Characteristic of Chinese News Military Discourse

Dmitry S. Korshunov

Military University of Radio Electronics, Cherepovets, Russia dmitry-korshunov@yandex.ru

Abstract. The news discourse with inherently regular use of new words can be characterized through the

description of its typical derivational morphemes. Using corpus linguistic methods frequency of 80 Chinese suffixes and quasi-suffixes are estimated on the material of military-related news reports of the Chinese media, 10 of the most frequent and 10 of the least frequent of the morphemes are described. The main meanings of the considered suffixal morphemes constitute a meaningful char-

acteristic of the discourse in study.

Keywords: the Chinese language, affixation, suffixes and quasi-suffixes, frequency, regularity, news military

discourse

For citation: Korshunov, D. S. (2022). Frequency of suffixal morphemes as a characteristic of Chinese news

military discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(865), 48-56.

10.52070/2542-2197_2022_10_865_48

ВВЕДЕНИЕ

Новостной дискурс в силу своей специфики является одним из наиболее динамичных, постоянно пополняющихся новыми лексическими единицами. Если это иноязычный дискурс, выступающий объектом научного или профессионального интереса, возникает необходимость понимания и описания реализуемых в нем словообразовательных возможностей языка. Применительно к китайскому языку вопросы словообразования рассматривались и изучались в трудах В. М. Солнцева, В. И. Горелова, И. Д. Кленина, В. Ф. Щичко, А. Л. Семенас, А. А. Хаматовой, Люй Шусяна, Жэнь Сюэляна, Инь Хайляна и др.

Основным словообразования способом в китайском языке является словосложение [Кленин, Щичко, 2013]. Оно активно исследуется, в том числе методами корпусной лингвистики [Arcodia, Basciano, 2018; Shen, Baayen, 2021]. Второе место по продуктивности после словосложения занимает аффиксальное словообразование [Хаматова, 2003]. При этом всеми исследователями отмечается, что в китайском языке широко представлено явление, промежуточное по отношению к словосложению и аффиксации. Морфемы, участвующие в этом промежуточном способе словообразования, часто называют «полуаффиксами» или «аффиксоидами» (в отечественном китаеведении принят вариант «полуаффикс»). Общепризнанных аффиксов в китайском языке гораздо меньше, чем полуаффиксов [Кленин, Щичко, 2013], при этом в большинстве случаев аффиксы и полуаффиксы трудно различить, и ряд исследователей считают, что для китайского языка такое разграничение нерелевантно [Bareato, Basciano, 2020]. В прикладных исследованиях их удобнее объединить в единую категорию, которую в настоящей работе мы будем называть аффиксальными (суффиксальными) морфемами.

Аффиксальные морфемы широко представлены в бытовой и профессиональной лексике, активно участвуют в образовании новых слов, чем привлекают внимание современных исследователей. Некоторые из них рассматривают только несколько конкретных суффиксов [Nishimoto, 2003; Bareato, Basciano, 2020] или какую-либо категорию суффиксов [王春娇, 盛玉麒 / Ван Чуньцзяо, Шэн Юйци, 2019; Хашимова, 2020], работы других посвящены более общим вопросам словообразования и аффиксации [沈光浩 / Шэнь Гуанхао, 2011; Arcodia, Basciano, 2018]. Однако описания совокупности аффиксальных морфем какого-либо конкретного профессионального или иного дискурса в литературе не обнаруживается. Вместе с тем подобная информация, характеризующая этот

дискурс, содержащая в том числе количественные параметры, сведения о частотности, была бы востребована в дидактических и лексикографических целях, а также в средствах автоматизации обработки текстов на естественном языке.

Поскольку «число суффиксов и полусуффиксов в китайском языке значительно больше числа префиксов и полупрефиксов, и оно постоянно увеличивается» [Хаматова, 2003, с. 186], в настоящей работе мы ограничимся изучением только суффиксальных морфем как основной составляющей аффиксального словообразования в китайском языке.

Цель настоящей работы – дать характеристику, одну из многих возможных, китайского новостного военного дискурса через описание характерных для него суффиксальных морфем (полусуффиксов и суффиксов). Объектом исследования являются лексические единицы китайского языка, образованные с помощью суффиксальных морфем и представленные в текстах сообщений китайских СМИ по военной тематике, предметом – их содержательные и частотные характеристики в рассматриваемом дискурсе.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Языковым материалом исследования послужили текстовые сообщения военного раздела сайта китайской государственной службы новостей «Чжунсинь» (中国新闻网)¹, взятые методом сплошной выборки из доступного онлайн-архива новостей за весь 2019 год. В общей сложности в коллекцию текстов вошло 2066 текстовых сообщений (2.852.262 знаков). Далее коллекция текстов была загружена в корпусный менеджер Sketch Engine² и обработана как пользовательский корпус, в том числе выполнена автоматическая сегментация на слова. По данным онлайн-ресурса, объем корпуса составил 1.756.275 токенов, 1.423.561 слово.

Полученный в результате частотный список слов обрабатывался затем средствами MS Excel. В частности, подсчитывалось количество слов, оканчивающихся на конкретные суффиксальные морфемы.

Перечень суффиксальных морфем составлялся также по методу сплошной выборки. И. Д. Кленин и В. Ф. Щичко в своей работе рассматривали шесть суффиксов и десять полусуффиксов [Кленин, Щичко, 2013], А. Л. Семенас – семь суффиксов и десять полусуффиксов [Семенас, 2005]. А. А. Хаматова приводила список из 64 словообразовательных морфем, не разделяя их на суффиксы или полусуффиксы

¹URL: https://www.chinanews.com.cn/mil/news

² URL: https://www.sketchengine.eu/

[Хаматова, 2003]. Инь Хайлян выделял 34 полусуффикса [尹海良 / Инь Хайлян, 2011]. Мы, вслед за А. А. Хаматовой и рядом других авторов, не стали разделять участвующие в словообразовании морфемы и рассмотрели все суффиксы и полусуффиксы, приведенные в указанных работах. В общей сложности получилось 80 суффиксальных морфем.

Поскольку не во всех случаях постпозиция морфемы соответствует ее суффиксальному значению, полученные с помощью MS Excel списки слов, оканчивающихся на ту или иную морфему, оценивались на предмет содержательного соответствия аффиксальному словообразованию. Например, в языковом материале встретилось 82 слова, оканчивающихся на морфему 家 цзя. Среди них были такие лексические единицы, как 国家 гоцзя «государство [и царствующий дом]» и 皇家 хуанцзя «императорский дом», где 家 *цзя* имеет лексическое значение «двор, династия, царствующий дом» (все значения приведены по БКРС¹), 老家 лаоцзя «родной дом», 小家 *сяоцзя* «бедная семья», где 家 *цзя* имеет лексическое значение «дом; семья», а также глагольно-объектные сочетания 回家 хуэйцзя «вернуться домой» и 离家 *лицзя* «покинуть дом». В этих лексических единицах морфема 家 цзя не имеет отношения к суффиксальному способу словообразования. Все обнаруженные такие случаи исключены из рассмотрения, в учете частоты суффикса 家 изя оставлены 73 слова: 专家 чжуаньцзя «специалист», 科学家 *кэсюэцзя* «ученый» и т.п.

Понятие частоты употребления в корпусных исследованиях применительно к словообразованию включает в себя несколько аспектов. Во-первых, это частота употребления словоформ с определенным аффиксом (token frequency); во-вторых, это количество употреблений того или иного словообразовательного типа, т. е. лексем с определенным аффиксом (type count); в-третьих, это количество hapax legomena – слов с единственным употреблением в корпусе, в данном случае также с определенным аффиксом. Предполагается, что последнее понятие отражает долю неологизмов

¹БКРС – Большой китайско-русский словарь: в 4 т. / гл. ред. И. М. Ошанин. М.: Наука, 1983.

в корпусе и способно служить индикатором продуктивности. В настоящей работе мы не будем рассматривать вопросы продуктивности аффиксов, этому предполагается посвятить отдельное исследование. Кроме того, hapax legomena не всегда являются лексическими единицами – помимо неологизмов, в эту категорию попадают различные окказионализмы и опечатки. Мы не будем их учитывать в настоящей работе.

Количество употреблений того или иного словообразовательного типа в корпусе (type count), которое Х. Баайен называл «реализованной продуктивностью» (realized productivity), отражающей «достижения прошлого» [Baayen, 2009, с. 901], фактически является измеряемым параметром для принятого в отечественном языкознании понятия «регулярности» аффикса, понимаемой как «закономерная повторяемость, воспроизводимость аффикса в составе ряда слов однородной структуры»². На практике это означает, что в подсчет идут слова с тем или иным аффиксом, имеющие не менее двух употреблений в корпусе.

Таким образом, в настоящей работе оцениваются два параметра: частота (token frequency) и регулярность (type count) для 80 суффиксальных морфем.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Частота употребления словоформ с каждым суффиксом (полусуффиксом), на наш взгляд, является очень важным параметром. Он фактически поглощает параметр регулярности и характеризует значимость морфемы для изучаемого дискурса. Рейтинг частоты суффиксальных морфем в китайском новостном военном дискурсе представлен в таблице 1. Для каждой морфемы указана частота в пересчете на миллион употреблений (*instances per million, ipm*). Регулярность суффиксальных морфем представлена количеством лексических единиц (ЛЕ) с их участием.

Таблица 1

ЧАСТОТА И РЕГУЛЯРНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ СУФФИКСАЛЬНЫХ МОРФЕМ В ТЕКСТАХ КИТАЙСКИХ СМИ ПО ВОЕННОЙ ТЕМАТИКЕ ЗА 2019 ГОД

Nº п/п	Морфема	Частота, ірт	Регулярность, ЛЕ	№ п/п	Морфема	Частота, ірт	Регулярность, ЛЕ
1.	员	5063	121	41.	族	469	20
2.	人	4617	197	42.	处	442	69

 $^{^2}$ Словарь лингвистических терминов / Жеребило Т. В. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010.

Nº π/π	Морфема	Частота, ірт	Регулярность, ЛЕ	№ п/п	Морфема	Частота, ірт	Регулярность, ЛЕ
3.	力	3639	149	43.	亲	420	10
4.	长	2708	152	44.	星	409	37
5.	者	2506	143	45.	种	409	18
6.	区	2435	149	46.	儿	401	61
7.	子	2293	199	47.	师	356	46
8.	化	2258	155	48.	观	347	27
9.	民	2229	31	49.	图	329	45
10.	度	2219	74	50.	形	327	30
11.	式	2126	91	51.	率	324	57
12.	面	2095	98	52.	说	317	27
13.	生	2085	101	53.	夫	291	41
14.	心	2085	118	54.	类	287	18
15.	体	1876	65	55.	律	275	11
16.	量	1830	74	56.	带	272	39
17.	界	1668	30	57.	属	267	22
18.	士	1550	30	58.	素	250	9
19.	性	1462	249	59.	群	241	32
20.	型	1428	98	60.	坛	200	3
21.	学	1337	60	61.	具	141	22
22.	法	1303	65	62.	分子	127	12
23.	手	1284	119	63.	差	98	16
24.	家	1183	73	64.	热	89	20
25.	头	913	125	65.	鬼	72	3
26.	期	809	58	66.	汉	42	12
27.	件	778	28	67.	派	40	13
28.	门	727	46	68.	迷	34	6
29.	别	695	31	69.	徒	33	5
30.	气	655	82	70.	犯	32	6
31.	表	650	26	71.	剂	31	8
32.	众	634	9	72.	炎	28	9
33.	质	627	31	73.	虫	16	5
34.	论	614	19	74.	霸	12	2
35.	象	579	15	75.	郎	11	4
36.	品	564	45	76.	蛋	10	3
37.	意	546	58	77.	匠	10	1
38.	物	530	49	78.	丁	8	5
39.	主义	522	24	79.	盲	8	3
40.	数	497	43	80.	棍	6	3

Рассмотрим чуть подробнее десять первых по частоте суффиксальных морфем. Восемь из них входят и в первую десятку по регулярности, что говорит об определенной корреляции этих параметров (ранговая корреляция между ними по данным MS Excel действительно высокая: 0,87).

1. 员 юань «член [организации]»

Участвует в словообразовании как родовая морфема с указанием на названия участников организаций и комитетов, представителей профессии, членов общества, сотрудников. Первая по частоте

- 7420 употреблений (5063 ірт), десятая по регулярности – использована в 121 лексической единице. Из подсчета были исключены слова 动员 дун'юань «мобилизовывать» и 全员 цюаньюань «все [члены организации]». Наиболее частотными лексическими единицами с этой суффиксальной морфемой стали: 人员жэньюань «личный состав» (844 ірт), 队员 дуйюань «боец отряда» (511 ірт), 飞行员 фэйсин'юань «летчик» (367 ірт), 运动员 юньдун'юань «спортсмен» (316 ірт), 学员 сюэюань «курсант» (235 ірт), 指挥员 чжихуэйюань «командир» (233 ірт), 党员 дан'юань «член партии» (178 ірт), 指导员 чжидаоюань «инструктор; политрук» (160 ірт), 成员 чэн'юань «участник [организации]» (98 ірт), 驾驶员 цзяшиюань «водитель» (91 ірт).

2. 人 жэнь «человек»

Участвует в словообразовании как родовая морфема с указанием на лицо определенной национальности или профессии. Вторая по частоте - 6766 употреблений (4617 ірт), третья по регулярности - использована в 197 лексических единицах. Из подсчета исключены слова 无人 *ужэнь* «беспилотный» и 载人 *цзайжэнь* «пилотируемый», 个人 *гэжэнь* «личность» и 人人 жэньжэнь «люди». Наиболее частотными лексическими единицами с этим суффиксом стали: 军人 цзюньжэнь «военнослужащий» (1910 ipm), 敌人 дижэнь «противник» (172 ipm), 老人 лаожэнь «старик» (127 ipm), 发言人 *фаяньжэнь* «представитель [пресс-службы]» (122 ipm), 负责人 фуцзэжэнь «ответственное лицо» (113 ipm), 家人 *цзяжэнь* «члены семьи» (111 ipm), 别人 *бежэнь* «посторонние [люди]» (89 ipm), 亲人 *циньжэнь* «родные [люди]» (57 ipm), 领导人 линдаожэнь «руководитель» (51 ipm), 机器人 цзицижэнь «робот» (50 ipm).

3. 力 ли «сила; способность»

Словообразовательное значение в словаре отдельно не выделено (БКРС). Третья по частоте – 5333 употребления (3639 ipm), шестая по регулярности – использована в 149 лексических единицах. Из подсчета исключены слова, образованные по глагольно-объектной модели: 努力 нули «напрягать силы», 有力 юли «сильный» (букв.: 'иметь силу'), 着力 чжоли «прилагать силы», 用力 юнли «применять силу» и т. п, а также слова 大力 дали «всеми силами; энергично», 全力 цюаньли «изо всех сил», 无力 ули «бессилие»,接力 цзели «эстафета», поскольку в них не реализуется аффиксальное значение. Наиболее частотными лексическими единицами с морфемой 力 ли стали: 能力 нэнли «способность; энергия» (1074 ipm), 战斗力 чжаньдоули

«боеспособность» (289 ipm), 火力 холи «огонь; огневая мощь» (151 ipm), 动力 дунли «движущая сила» (140 ipm), 实力 шили «[реальная] сила» (123 ipm), 兵力 бинли «войска; военные силы» (97 ipm), 压力 яли «давление, сила давления» (90 ipm), 活力 холи «жизненная сила (энергия); живучесть» (54 ipm), 助力 чжули «вспомогательный» (45 ipm), 威力 вэйли «мощность; могущество» (38 ipm).

4. 长 чжан «начальник»

Участвует в словообразовании как родовая морфема в названиях должностей. Четвертая по частоте - 3969 употреблений (2708 ірт), пятая по регулярности – использована в 152 лексических единицах. Из подсчета исключены слова, не указывающие на названия должностей: 成长 чэнчжан «вырастать», 增长 *цзэнчжан* «увеличиваться», 生 ₭ *шэнчжан* «расти», а также слова с омографом 长 чан «длинный»: 漫长 маньчан «долгий», 全长 цюаньчан «полная длина», 加长 цзячан «увеличивать в длину». Наиболее частотными лексическими единицами с полусуффиксом 长 чжан стали: 班 长 баньчжан «командир отделения» (289 ipm), 连 长 ляньчжан «командир роты (батареи)» (153 ipm), 排长 *пайчжан* «командир взвода» (104 ipm), 军士 长 цзюньшичжан «младшие командиры» (103 ipm), 部长 бучжан «министр» (97 ipm), 队长 дуйчжан «командир отряда» (89 ipm), 旅长 люйчжан «командир бригады» (72 ipm), 舰长 цзяньчжан «командир корабля» (64 ipm), 营长 инчжан «командир батальона (дивизиона)» (62 ipm), 参谋长 цаньмоучжан «начальник штаба» (52 ipm).

5. 者 чжэ «тот, кто...; то, что...»

Участвует в словообразовании как суффикс активно действующего лица. Пятый по частоте - 3673 употребления (2506 ipm), восьмой по регулярности – использован в 143 лексических единицах. В БКРС значение суффикса отделено от значения синтаксического служебного слова. На наш взгляд, в каждом конкретном случае грань между морфологическим и синтаксическим значениями морфемы 者 чжэ трудно определить, поэтому из рассмотрения были исключены только два слова: союз 或者 хочжэ «или» и выражение 三者 саньчжэ «эти три». Наиболее частотными лексическими единицами с суффиксом 者 чжэ стали: 记者 цзичжэ «корреспондент» (1371 ipm), 志愿者 чжиюаньчжэ «доброволец; волонтер» (80 ipm), 作者 цзочжэ «автор» (60 ipm), 笔者 бичжэ «пишущий эти строки (автор o себе)» (46 ipm), 消费者 сяофэйчжэ «потребитель» (34 ipm), 患者 хуаньчжэ «пациент» (34 ipm), 学者 сюэчжэ «ученый; учащийся» (30 ipm), 工作

者 *гунцзочжэ* «работник» (23 ipm), 爱国者 *айгочжэ* «патриот» (17 ipm), 获得者 *ходэчжэ* «получатель; лауреат [премии, награды]» (15 ipm).

6. ⊠ цюй «район, зона, область»

Словообразовательное значение морфемы в словаре не выделено (БКРС). Шестая по частоте – 3568 употреблений (2435 ірт), седьмая по регулярности – использована в 149 лексических единицах. Мы затрудняемся отделить в полученных словах лексическое значение морфемы 🗵 цюй от аффиксального, во всех случаях кажется возможным лексическое значение. Впрочем, поскольку разделение по форме, как в русском языке (Вологодчина – Вологодская область), в китайском невозможно, а А. А. Хаматовой полусуффикс 🗵 цюй выделяется, мы оставили в рассмотрении все полученные слова. Наиболее частотными лексическими единицами с морфемой 区 цюй стали: 地区 дицюй «район; регион» (406 ipm), 战区 чжаньцюй «объединенное командование» (369 ipm), 军区 цзюньцюй «военный округ» (218 ipm), 营区 инцюй «место расположения [войск]; лагерь» (133 ipm), 赛区 сайцюй «место проведения соревнований» (53 ipm), 社区 *шэцюй* «сообщество» (52 ipm), 军分 区 *цзюньфэньцюй* «военный подокруг» (52 ipm), 任 务区 жэньуцюй «район выполнения задачи; миссия [OOH]» (44 ipm), 自治区 цзычжицюй «автономный район» (34 ipm), 片区 *пяньцюй* «участок; район» (30 ipm).

7. 子 цзы «сын»

Общепризнанный суффикс существительных и некоторых наречий. Седьмой по частоте - 3360 употреблений (2293 ipm), второй по регулярности – использован в 199 лексических единицах. Во всех из них реализуется суффиксальное значение, за исключением единственного имени собственного 西门子 симэньцзы «Сименс», где суффиксальное значение смешивается с функцией фонетической кальки. Наиболее частотными лексическими единицами с суффиксом 子 цзы стали: 女子 нюйцзы «женщина» (176 ipm), 孩子 хайцзы «ребенок» (149 ipm), 儿子 эрцзы «сын» (137 ipm), 妻子 цицзы «жена» (137 ipm), 分子 фэньцзы «элемент; молекула» (137 ipm), 男子 наньцзы «мужчина» (114 ipm), 电子 дяньцзы «электрон; электронный» (101 ipm), 日子 жицзы «день; жизнь» (81 ipm), 样子 янцзы «вид; фасон» (48 ipm), 一辈子 ибэйцзы «вся жизнь» (34 ipm). Упомянутый здесь пятым 分子 *фэньцзы* выделяется А. А. Хаматовой как самостоятельный полусуффикс, мы отдельно рассмотрим его ниже.

8. 化 хуа «превращаться»

Участвует в словообразовании как суффикс со значением обретения некоего признака, указываемого основой, что обычно соответствует русским словообразовательным суффиксам и окончаниям – изировать[ся], – изация. Восьмой по частоте – 3309 употреблений (2258 ірт), четвертый по регулярности – использован в 155 лексических единицах. Из числа слов, оканчивающихся на 化 хуа, мы исключили самое частотное в этом ряду 文化 вэньхуа «культура» (325 ipm) и четвертое по частотности слово 变化 бяньхуа «изменения» (174 ірт), поскольку в первом случае обе морфемы реализуют одно из значений «культура», а во втором случае - значение «изменяться, превращаться», т. е. налицо не суффиксальный, а копулятивный способ словообразования. Суффикс 化 хуа легко присоединяется к двусложным словам и словосочетаниям и нередко вызывает сложности при переводе. Наиболее частотными лексическими единицами с этим суффиксом стали: 实 战化 шичжаньхуа «приближение [боевой подготовки] к условиям реального боя», «повышение практической направленности [боевой подготовки]» (197 ipm), 现代化 сяньдайхуа «модернизация» (174 ipm), 信息化 синьсихуа «информатизация» (148 ipm), 强化 *цянхуа* «интенсификация» (147 ipm), 深化 *шэньхуа* «углубление» (144 ipm), 智能 化 чжинэнхуа «интеллектуализация» (115 ipm), 优 化 юхуа «оптимизация» (74 ipm), 转化 чжуаньхуа «трансформация» (43 ipm), 一体化 umuxya «интеграция» (42 ipm), 无人化 ужэньхуа «беспилотизация», «увеличение доли беспилотных аппаратов» (40 ipm).

9. 民 минь «народ»

Участвует в словообразовании как родовая морфема, указывающая на обозначение гражданства, сословия или их представителя. Девятый по частоте – 3266 употреблений (2229 ірт), лишь тридцать девятый по регулярности – использован в 31 лексической единице. При этом民 минь часто выступает как последний компонент имени человека¹. Например, одного из самых высокопоставленных военных, генерал-полковника, члена Центрального военного совета КНР зовут Чжан Шэнминь (张升民). Из 58 слов в корпусе, оканчивающихся на 民 минь, 21 оказалось подобными именами собственными (36%). Помимо них, из подсчета

¹ Помимо 民 *минь*, такая же особенность характерна для иероглифа 群 *цюнь* «скопление, группа», занявшего в качестве суффиксальной морфемы 59-е место по частоте и 38-е по регулярности.

исключены такие лексические единицы, как 全民 цюаньминь «весь народ», 军民 цзюньминь «армия и народ» и 爱民 *айминь* «любить народ» (лозунг помощи армии населению) как не имеющие отношения к суффиксальному способу словообразования. При этом в слове 人民 жэньминь «народ» (1506 ipm) составителями БКРС усматривается не сложение корневых морфем с синонимичным значением, а реализация аффиксального способа словообразования, аналогично словам 公民 гунминь «гражданин», 平民 пинминь «простонародье; гражданское население, простолюдин». В ряду этих примеров в словаре приводится и 人民 жэньминь «люди, народ». Безусловно, основания для такой трактовки есть, и этот пример хорошо иллюстрирует континуальность, градуальность перехода от лексического значения корневой морфемы к грамматическому значению «чистого» аффикса, о чем говорят многие отечественные и китайские синологи [Кленин, Щичко 2013, 沈光浩 / Шэнь Гуанхао 2011 и др.]. Итак, наиболее частотными лексическими единицами с суффиксом 民 минь стали: 人民 жэньминь «люди, народ» (1506 ipm), 村民 цуньминь «деревенское население» (69 ipm), 市民 шиминь «городское население» (61 ipm), 国民 гоминь «подданные; нация» (35 ipm), 居民 цзюйминь «жители» (31 ipm), 牧民 муминь «скотовод» (24 ipm), 农民 нунминь «крестьянин» (23 ipm), 公民 гунминь «гражданин» (21 ipm), 渔民 юйминь «рыбак» (17 ipm), 平民 пинминь «гражданское население» (10 ipm).

10. 度 ду «мера; степень; градус»

Участвует в словообразовании как родовая морфема многочисленных терминов со значениями меры, степени, величины измеряемого качества, предела, режима или манеры. Десятый по частоте – 3252 употребления (2219 ірт), восемнадцатый по регулярности – использован в 74 лексических единицах. Из подсчета исключены топоним 印度 иньду «Индия» и глаголы 过度 году, 跨度 куаду с общим значением «переходить; превышать», поскольку в них реализуется другое лексическое значение. Наиболее частотными лексическими единицами с суффиксом 度 ду стали: 制度 чжиду «режим; система» (270 ipm), 高度 гаоду «высота» (253 ipm), 速度 *суду* «скорость» (155 ipm), 程度 чэнду «степень» (123 ipm), 年度 няньду «год; годовой» (106 ipm), 难度 наньду «трудность; степень трудности» (99 ipm), 强度 цянду «напряженность; прочность; интенсивность» (88 ipm), 深度 шэньду «глубина» (85 ipm), 精度 цзинду «точность» (64 ipm), 力度 лиду «динамика» (56 ipm).

Кроме этого, хочется обратить внимание на двусложные полусуффиксы 分子 фэньцзы и主义

чжуи. 分子 фэньцзы отмечается А. А. Хаматовой в значении «люди, принадлежащие к определенному классу, слою, группе» [Хаматова, 2003, с. 196]. Как отдельное слово в значении «элемент; молекула» он учтен выше в числе прочих лексических единиц с суффиксом 子 цзы. В исследуемом материале самостоятельно 分子 фэньцзы был употреблен всего семь раз (например, 作为十连的一分子 цзовэй ши лянь дэ и фэньцзы «в качестве элемента десятой роты»). Еще 194 раза он выступил в функции полусуффикса более сложных лексических единиц, наиболее частотными из которых стали: 恐怖分子 кунбу фэньцзы «террорист» (55 ipm), 暴恐分子 баокун фэньцзы «жестокий террорист» (26 ipm), 不法分 子 буфа фэньцзы «нарушитель» (16 ipm), 犯罪分子 фаньцзуй фэньцзы «преступник» (11 ipm), 武装分子 учжуан фэньцзы «[вооруженный] боевик» (8 ipm), 积极分子 *цзицзи фэньцзы* «активист» (3 ipm), 知识 分子 чжиши фэньцзы «интеллигент» (2 ipm). В итоге 分子 фэньцзы шестьдесят второй по частоте – 186 употреблений (127 ipm), шестидесятый по регулярности – использован в 12 лексических единицах.

主义 чжуи упоминается А. А. Хаматовой в значении «идея, доктрина, - изм» [там же]. И. Д. Клениным и В. Ф. Щичко 主义 чжуи характеризуется как слово «с тенденцией перехода в словообразовательные элементы», которое является «наиболее формализовавшимся» в ряду ему подобных, поскольку «уже очень редко употребляется в словарном значении самостоятельно, но широко используется в качестве грамматического элемента словообразования понятий отвлеченного характера» [Кленин, Щичко 2013, с. 127]. В исследуемом материале 主义 чжуи тридцать девятый по частоте – 765 употреблений (522 ірт), сорок девятый по регулярности – использован в 24 лексических единицах. Наиболее частыми словами с этим полусуффиксом стали: 社会主义 шэхуэйчжуи «социализм» (138 ipm), 马克思主义 макэсычжуи «марксизм» (81 ipm), 人道主义 жэньдаочжуи «гуманизм» (53 ipm), 爱国主义 *айгочжуи* «патриотизм» (32 ipm), 形式主义 синшичжуи «формализм» (27 ipm), 资本 主义 цзыбэньчжүи «капитализм» (23 ірт), 恐怖主 义 кунбучжуи «терроризм» (17 ipm), 官僚主义 гуаньляочжуи «бюрократизм» (11 ipm), 帝国主义 дигочжуи «империализм» (10 ipm), 共产主义 гунчаньчжуи «коммунизм» (7 ipm).

Последние десять суффиксальных морфем в рейтинге частотности показывают, какого рода лексика не характерна для изучаемого дискурса. Приведем их лексические значения, которые лежат в основе суффиксальных: 剂 изи «средство, препарат; лекарство» (31 ipm), 炎 янь «воспаление» (28 ipm), 虫 чун «насекомое; червяк; пресмыкающееся» (16 ipm), 霸 ба «гегемон; тиран; деспот»

(12 ірт), 郎 лан «молодой человек» (11 ірт), 蛋 дань «яйцо; дурак; негодяй» (10 ірт), 匠 цзян «мастер; ремесленник» (10 ірт), 丁 дин «гвоздь; взрослый; работник» (8 ірт), 盲 ман «слепой; неграмотный; несведущий» (8 ірт), 棍 гунь «палка; дубина; негодяй» (6 ірт).

Видно по значениям, что большинство этих суффиксальных морфем участвует в образовании слов, обозначающих людей, в основном с отрицательной эмоциональной оценкой, просторечных и даже бранных. Такая лексика, безусловно, нехарактерна для новостного военного дискурса, в небольших количествах она может встречаться в воспоминаниях ветеранов о трудных годах войны и т. п. материалах, также иногда публикуемых в разделе военных новостей.

Два полусуффикса «медицинской» тематики (剂 цзи и炎 янь) в языковом материале 2019 года могли возникнуть вместе с темой коронавируса, проникшей в новостные сообщения в конце того года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщение свойств какого-либо объекта требует определенного отвлечения от частностей, перехода на более высокий уровень абстракции. Суффиксы и полусуффиксы, по определению обладающие более абстрактной, чем корневые морфемы, семантикой, хорошо подходят для цели обобщенной характеризации дискурса, в котором они часто употребляются.

Глядя на первую десятку самых частотных суффиксальных морфем китайского новостного военного дискурса, можно сказать, что этот дискурс описывает (в порядке убывания частоты) организованных людей (员, 人), применение их сил и способностей (力), начальников (长) и исполнителей (者), действующих в определенных районах (区), с различными объектами (子) и процессами (化), с разными слоями населения (民) и разной интенсивностью (度). Для него нехарактерны (низкочастотны) эмоционально-оценочные и просторечные выражения.

Полученная количественными методами характеристика китайского новостного военного дискурса с помощью суффиксальных морфем представляется адекватной его качественному содержанию. Это позволяет предлагать такой метод для описания других профессиональных дискурсов, а результаты использовать в различных прикладных и теоретических задачах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Кленин И. Д., Щичко В. Ф. Лексикология китайского языка. М.: Восточная книга, 2013.
- 2. Arcodia G. F., Basciano B. The Construction Morphology Analysis of Chinese Word Formation / Booij G. (eds). The Construction of Words. Studies in Morphology, vol 4. Springer, Cham. 2018. P. 219–253. https://doi.org/10.1007/978-3-319-74394-3 9
- 3. Shen T., Baayen R. H. Adjective noun compounds in Mandarin: a study on productivity // Corpus Linguistics and Linguistic Theory, 2021 (in print). https://doi.org/10.1515/cllt-2020-0059
- 4. Хаматова А. А. Словообразование современного китайского языка. М.: Муравей, 2003.
- 5. Bareato S., Basciano B. Chinese Affixes in the Internet Era: A Corpus-Based Study of X-族 zú, X-党 dǎng and X-客 kè Neologisms / Ed. by B. Basciano, F. Gatti, A. Morbiato. Corpus-based research on Chinese language and linguistics. Venezia: Edizioni Ca' Foscari, 2020. P. 239–282.
- 6. Nishimoto E. Measuring and Comparing the Productivity of Mandarin Chinese Suffixes // Computational Linguistics and Chinese Language Processing. 2003. Vol. 8, No. 1. P. 49–76.
- 7. 王春娇, 盛玉麒. 当代汉语新兴表称谓"类词缀"研究 [J]. 中文教学现代化学报. 2019年6月. 第8卷, 第1期. 46-54页 = Ван Чуньцзяо, Шэн Юйци. Исследование «полуаффиксов» новых названий в современном китайском языке // Журнал модернизации преподавания китайского языка. Июнь 2019. Вып. 8 (1). С. 46-54.
- 8. Хашимова С. А. Особенности образования неодушевленных существительных при помощи суффиксации в современном китайском языке // Современные востоковедческие исследования. 2020. Вып. 2 (2). С. 34–46.
- 9. 沈光浩. 现代汉语类词缀的界定标准与范围 [J]. 河北师范大学学报. 哲学社会科学版. 2011 年 5 月. 第 34 卷, 第 3 期. 109 113页 = Шэнь Гуанхао. Критерии определения и область применения современных китайских полуаффиксов // Вестник Хэбэйского педагогического университета. Издание по философии и социальным наукам. Май 2011. Вып. 34 (3). С. 109-113.
- 10. Семенас А. Л. Лексика китайского языка. 2-е изд., стереотип. М.: АСТ: Восток-Запад, 2005.
- 11. 尹海良. 现代汉语类词缀研究. 保定:河北大学出版社,2011年 = Инь Хайлян. Исследование современных китайских полуаффиксов. Баодин: Издательство Хэбэйского университета, 2011.
- 12. Baayen R. Corpus linguistics in morphology: Morphological productivity // Corpus Linguistics : An International Handbook / A. Lüdeling, M. Kytö (eds.). Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2009. P. 899–919. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110213881.2.899

REFERENCES

- 1. Klenin, I. D., Shchichko, V. F. (2013). Leksikologiya kitayskogo yazyka = Lexicology of the Chinese language. Moscow: Vostochnaya kniga. (In Russ.)
- Arcodia, G. F., Basciano, B. (2018). The Construction Morphology Analysis of Chinese Word Formation. In: Booij G. (eds) The Construction of Words. Studies in Morphology, vol 4. Springer, Cham. Pp. 219-253. https://doi. org/10.1007/978-3-319-74394-3
- 3. Shen, T. & Baayen, R. (2021). Adjective noun compounds in Mandarin: a study on productivity. Corpus Linguistics and Linguistic Theory, (in print), 000010151520200059. https://doi.org/10.1515/cllt-2020-0059
- 4. Khamatova, A. A. (2003). Slovoobrazovaniye sovremennogo kitayskogo yazyka = Word formation of the modern Chinese language. Moscow: Muravey. (In Russ.)
- 5. Bareato, S., Basciano, B. (2020). Chinese Affixes in the Internet Era: A Corpus-Based Study of X-族 zú, X-党 dǎng and X-客 kè Neologisms. In: Corpus-Based Research on Chinese Language and Linguistics / Ed. by B. Basciano, F. Gatti, A. Morbiato. Venezia: Edizioni Ca' Foscari. P. 239–282.
- 6. Nishimoto, E. (2003). Measuring and Comparing the Productivity of Mandarin Chinese Suffixes. Computational Linguistics and Chinese Language Processing, 8 (1), 49–76.
- 7. 王春娇, 盛玉麒 (2019). 当代汉语新兴表称谓"类词缀"研究 [J]. 中文教学现代化学报. 第8卷, 第1期.46-54页 = Wang Chunjiao, Sheng Yuqi (2019). Study on the Emerging Appellation Affix in Contemporary Chinese. The Journal of Modernization of Chinese Language Education, 8 (1), 46-54.
- 8. Hashimova, S. A. (2020). Features of the formation of inanimate nouns using suffixing in the modern Chinese language. Modern oriental studies, 2 (2), 34–46. (In Russ.)
- 9. 沈光浩 (2011). 现代汉语类词缀的界定标准与范围 [J]. 河北师范大学学报. 哲学社会科学版. 第34卷, 第3期. 109–113页 = Shen Guang-hao (2011). The definition standard and scope of modern Chinese quasi-affixes. The Journal of Hebei Normal University: Philosophy and Social Sciences Edition, 34(3), 109–113.
- 10. Semenas, A. L. (2005). Leksika kitayskogo yazyka = Lexicon of the Chinese language. 2nd ed., stereotyped. Moscow: AST: Vostok-Zapad. (In Russ.)
- 11. 尹海良 (2011). 现代汉语类词缀研究. 保定:河北大学出版社 = Yin Hailiang. Research on modern Chinese quasi-affixes. Baoding: Hebei University Press.
- 12. Baayen, R. (2009). Corpus linguistics in morphology: Morphological productivity. In A. Lüdeling, M. Kytö (eds.), Corpus Linguistics: An international handbook (chapter 41, pp. 899–919). Berlin, New York: De Gruyter Mouton. https://doi.org/10.1515/9783110213881.2.899

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коршунов Дмитрий Сергеевич

кандидат филологических наук доцент Военного университета радиоэлектроники

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Korshunov Dmitry Sergeevich

PhD (Philology), Associate Professor, Military University of Radio Electronics

Статья поступила в редакцию 23.03.2021 одобрена после рецензирования 29.04.2021 принята к публикации 11.05.2021

The article was submitted 23.03.2021 approved after reviewing 29.04.2021 accepted for publication 11.05.2021

Научная статья УДК 81.25 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_57

Лингвокультурные особенности военной терминологии (на примере корейского и русского языков)

Д. В. Мавлеева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия selezneva dv@mail.ru

Аннотация. Вопросы специальной терминологии, в том числе военной, занимают значительное место

в современных терминологических исследованиях. Несмотря на активные процессы интенационализации терминов, а также упорядочения терминосистем вариативность перевода терминологической единицы зачастую остается обусловленной национальными особенностями. Опытному переводчику необходимо владеть не только иностранной терминологией, но также хорошо знать особенности терминологии родного языка. Данное исследование посвящено изучению лингво-

культурных особенностей перевода военных терминов с корейского языка на русский.

Ключевые слова: военная терминосистема, военный перевод, термин, контекст, лингвокультурология

Для цитирования: Мавлеева Д. В. Лингвокультурные особенности военной терминологии (на примере корейского

и русского языков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 10 (865). С. 57–62. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_57

Original article

Linguistic and Cultural Peculiarities of Military Terminology (on the example of the Korean and Russian languages)

Darya V. Mavleeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia selezneva_dv@mail.ru

Abstract. Problems of special terminology, including military terminology, occupy a significant part in modern

terminological studies. Despite the active processes of the terms internationalization, as well as the regulation processes of terminological systems, the variability in the translation of a terminological unit often remains due to national characteristics. Therefore, an experienced translator needs to be proficient not only in foreign terminology, but also in the native language terminology. This article is devoted to the study of the linguistic and cultural peculiarities of military translation from Korean

into Russian.

Keywords: military terminological system, military translation, term, context, linguoculturology

For citation: Mayleeva, D. V. (2022) Linguistic and cultural peculiarities of military terminology (on the example

of the Korean and Russian languages). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities,

10(865), 57-62. 10.52070/2542-2197_2022_10_865_57

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы специальной терминологии, в том числе военной, занимают значительное место в современных терминологических исследованиях. Упорядочение терминосистем обусловлено постоянным появлением новых понятий, требующих номинации, а также активным военно-техническим сотрудничеством. Появление в языке интернациональных терминов объясняется тем, что страна является активным членом международного сообщества, а также ведет сотрудничество и обмен в сфере военных знаний. Однако, как пишет Л. Л. Нелюбин, «национальные особенности термина продолжают сохраняться, а сама унификация проводится в разных странах по-разному, и научные термины не теряют свои национальные особенности» [Нелюбин, 2013, с. 117]. Поэтому опытному переводчику необходимо владеть не только иностранной терминологией, но также хорошо знать особенности терминологии родного языка.

Данное исследование посвящено изучению лингвокультурных особенностей перевода военных терминов с корейского языка на русский. Объектом исследования являются военная терминология корейского и русского языка, а предметом – лингвокультурные особенности перевода военных терминов. Материалом для исследования послужили термины и их контекстное окружение южнокорейского варианта корейского языка и русского языка, отобранные из национальных корпусов и современных периодических изданий.

Термины должны соответствовать определенным требованиям, одним из которых является независимость от контекста. Как пишет Г. А. Судзиловский, «контекст не формирует и не определяет значение термина, а выделяет значение, присущее термину» [Судзиловский, 2022, с. 307]. Зачастую вариативность перевода терминологической единицы обусловлена национальными особенностями военный терминосистемы, например, традицией классификации военной техники и вооружения, а также различиями в военной организации. Военный подъязык функционирует в рамках общелитературного языка и, соответственно, подчинен его законам. «В создании эффекта терминологической неоднородности могут участвовать специфические культурно-языковые компоненты, «избавление» от которых в процессе универсально-научной аккомодации терминосистем может нарушить культурно-историческую парадигму познавательного континуума» [Денисов, 2015, с. 206]. Лингвокультурные различия обусловливают трудности установления терминологических соответствий между языками. Военная терминология пополняется не только в

ходе разного рода конфликтов, но и в ходе военных реформ и преобразований. На развитие военного языка также оказывают влияние закрытость военной сферы и собственные, специфические подходы к ее развитию, обусловленные политическими причинами. Как пишет Р. Р. Мавлеев, «военный дискурс оказывается частью целого – политического дискурса в той же мере, в какой политический дискурс является целым частей военного дискурса, где, чтобы понять целое, необходимо понять части, из которых оно состоит, но понимание каждой из частей предполагает некое представление о смысле целого» [Мавлеев, 2016, с. 91].

Как пишет В. Н. Шевчук, «удельный вес заимствований значительно выше в тех языках, где понятийный аппарат военного дела находится в стадии становления, особенно в странах Азии и Африки» [Шевчук, 1985, с. 14]. Е. А. Похолкова пишет, что «полисемические отношения, отношения синонимической дублетности, а также метафоричность терминов наиболее ярко проявляются в развивающихся терминологиях» [Похолкова, 2007, с. 30]. В случае принадлежности стран к одному военно-политическому блоку или союзу наблюдаются значительные сходства в терминологии - наличие калек и заимствований по фонетическому признаку. Так стандартизация терминологии стран НАТО происходит в соответствии с «Соглашением о стандартизации», которое устанавливает терминологию в рамках единых вооружённых сил или технических операций. И напротив, принадлежность к противостоящим друг другу военно-политическим блокам обусловливает большее количество различий при терминологической номинации, классификации вооружения и военной техники, а также лингвокультурных особенностей. Таким образом, для осуществления адекватного перевода специалисту необходимо уметь находить терминологические соответствия между языками, а также понимать причину расхождений, если таковые имеются.

При сравнении особенностей перевода южнокорейских военных терминов на русский язык следует помнить о том, что на военную терминосистему Республики Корея значительное влияние оказывают американо-южнокорейские отношения. Республика Корея покупает американскую технику, производит американское оружие по лицензии, что определяет необходимость унификации терминологии и наименований военной техники и вооружения. Таким образом, в южнокорейском варианте корейского языка присутствует значительное количество калек и аббревиатур с английского:

합동참모본부 – объединенный комитет начальников штабов (от *англ*. Joint Chiefs of Staff) 다연장로켓포 – реактивная система залпового огня (от *англ*. Multiple Launch Rocket System) 미사일방어 – противоракетная оборона (от *англ*. missile defense) 탐색기 – головка самонаведения (от *англ*. языка seeker) 기관총 – пистолет-пулемет (от *англ*. machine-gun)

АНАЛИЗ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Одним из компонентов ядерных сил государств являются баллистические ракеты, запускаемые с подводных лодок. В корейском языке для обозначения данного подкласса подводных лодок используется аббревиатура классификации НАТО из английского языка SSBN, а также ее расшифровка на корейском языке 탄도 미사 일 원자력 잠수함 / 탄도 미사일 핵잠수함 - atomная подводная лодка с баллистическими ракетами (ПЛАРБ). При этом при переводе необходимо учитывать, что под ПЛАРБ принято понимать подводные лодки зарубежных стран или же первые советские ракетоносцы. Однако большинство поздних проектов советских и российских лодок имеют обозначение РПКСН – ракетный подводный крейсер стратегического назначения. При этом и РПКСН, и ПЛАРБ соответствует классу SSBN – термину-аббревиатуре, который используется в корейском языке. Поэтому при переводе с корейского языка на русский текстов про российские субмарины (за исключением первых советских проектов) термин SSBN 탄도 미사일 원자 력 잠수함 рекомендуется переводить как РПКСН. Вариант «стратегические атомные подводные лодки» подходит в обоих случаях. Например:

스푸트니크 뉴스, 리아 노보스티 통신 등 러시아언론에 따르면 러시아 정부가 옛 소련 시절 건조한수중 만재배수량 4만9천800t의 타이푼 급(아쿨라급) 탄도미사일 탑재 전략 핵잠수함(SSBN) 두 척을 오는 2020년 이후부터 해체할 계획이다. — По сообщениям российских СМИ, таких как «Спутник» и РИА Новости, с 2020 года правительство планирует начать утилизацию ${\it dbyx}$ ${\it cmpamezuчeckux}$ ${\it amomhesix}$ ${\it nodbodhesix}$ ${\it nodoco}$ (${\it PTKCH}$) проекта «Акула» (по классификации НАТО «Тайфун») полным водоизмещением 49800 тонн, построенных в советский период.

미국 해군의 최강 전력 중 하나로 꼽히는 '오하이오 급' 원자력 추진 잠수함이 최근 괌에서 전격적으로 모습을 드러냈다. 미 해군은 15일(현지 시간) 보도 자료를 내고 오하이오급 핵전략잠수함USS네바다 (SSBN-733)가 태평양 괌 아르파항구에 정박했다고 전했다. - Американская стратегическая атомная подводная лодка с баллистическими ракетами типа «Огайо» на днях появилась на острове Гуам в Тихом океане. 15 числа (по местному времени) ВМС США выпустили пресс-релиз о том, что ПЛАРБ USS «Невада» (SSBN-733) типа «Огайо» стоит на якоре в бухте Апра.

Кроме того, следует обращать внимание, что в корейском языке при упоминании российского вооружения будет использоваться вариант, принятый в классификации НАТО, а в скобках может указываться российское наименование. В процессе перевода следует поменять их местами. В корейском тексте мы также можем обратить внимание на наличие нескольких вариантов многокомпонентных терминов для обозначения стратегических подводных лодок. Как пишет М. Н. Лату: «одним из немаловажных факторов, оказывающих влияние на рост числа компонентов в структуре термина, является развитие и усложнение структуры научного знания в разных областях. Так, при изучении военно-исторической терминологии было отмечено, что активный прирост числа аббревиатур связан именно с началом XX века, что напрямую связано с появлением многокомпонентных терминов с количеством терминоэлементов больше двух. Одновременно с этим примечательно, что среди терминов-архаизмов и терминов-историзмов едва ли можно встретить термины с количеством три и более компонентов в период до начала ХХ века. Для военной терминологии это, в первую очередь, связано с появлением большого количества новых видов вооружений, их серийного производства» [Лату, 2015, с. 105]. Для корейского языка, чья военная терминосистема всё еще находится на стадии упорядочения, характерна дублетность - наличие нескольких вариантов для обозначения одного и того же понятия. Особенно «данное явление характерно для многокомпонентных терминов, что свидетельствует и о сложности обозначаемого явления, его недостаточной изученности» [Раздуев, 2013, с. 16]. В. Н. Шевчук пишет: «чем сложнее формальная структура термина, тем больше вероятность того, что она в последующем подвергнется тем или иным преобразованием» [Шевчук, 1985, с. 25].

Рассмотрим еще одним пример особенностей и традиций строительства кораблей в разных странах. Авианосец – это класс военных кораблей, основной ударной силой которых является палубная авиация. В СССР предпочтение отдавалось строительству авианесущих крейсеров, способных нести

Linguistics

различное крейсерское вооружение, но меньшее количество авиационной техники. Для обозначения обоих подклассов кораблей в корейском языке зачастую используется термин 항공모함 или его краткий дублет 항모. Однако для более точного перевода в контексте китайского корабля «Ляонин» или российского корабля «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов» рекомендуется использовать термин «авианесущий крейсер». Например:

미국이 10척의 기존 '니미츠'급(10만t급) 항모에 더 해 차세대 '제럴드 포드'급 항모 건조를 추진하는 등 해군 전력 증강에 집중하고 있는 가운데 러시아 도 해군 강국의 면모를 갖추기 위해 신형 항모가 필 수적이란 여론도 높아져 왔다. 러시아는 현재 옛 소 련 시절에 개발한 5만9천t급 항모 '아드미랄 쿠즈 네초프' 1척만을 운용 중이다. – На фоне активного строительства нового поколения американских авианосцев - типа «Джеральд Форд» - в дополнение к уже стоящим на вооружении авианосцам типа «Нимиц», имеющим водоизмещение около 100 тыс. тонн, в России широко обсуждается необходимость последовать американскому примеру, чтобы соответствовать статусу морской державы. В настоящее время на вооружении ВМФ РФ стоит единственный авианесущий крейсер «Адмирал Кузнецов», имеющий водоизмещение 59 тыс. тонн и построенный еще в советское время.

При классификации самолетов выделяются стратегические бомбардировщики – 전략 폭격기. Стратегическим бомбардировщиком считается самолет, обладающий межконтинентальной дальностью полета и способный нести ядерное оружие (авиабомбы, ракеты). При переводе текстов с корейского языка про отечественные самолеты Ту-160, Ту-95 и Ту-22М следует помнить, что в русском языке их принято называть бомбардировщиками-ракетоносцами. Например:

보도된 바와 같이 처음부터 새로 제작된 최초의 Tu -160M전략 폭격기는 2022년 1월 12일 첫 30분 비행을 했다. 새 항공기는 업그레이드된 엔진, 업데이트된 항공전자공학, 새로운 무기 제어 시스템이 탑재되었다. — Как сообщается, 12 января 2022 года вновь построенный *стратеческий бомбардировщик-ракетоносец* Ту-160M совершил свой первый 30-минутный полет. Самолет оснастили модернизированными двигателями, обновленной авионикой и новой системой управления вооружением.

미국이 개발 중인 차세대 스텔스 전략폭격기 'B-21' 레이더에 대한 관심이 높아지고 있습니다. 미 국은 대륙간탄도미사일(ICBM), 잠수함탄도미사일 (SLBM)과 더불어 '3대 핵전력'으로 이 기체를 개발한다는 목표입니다. – Мировая общественность внимательно следит за разработкой нового американского *стратегического бомбардировщика* В-21 «Рэйдер», который призван стать воздушным компонентом ядерной триады страны наряду с межконтинентальными баллистическими ракетами и баллистическими ракетами подводных лодок.

Воинское формирование - это обобщенное наименование подразделений, воинских частей, соединений, объединений и других структурных единиц вооруженных сил. Иерархия и номенклатура воинских формирований может отличаться в разных странах. Так в Вооруженных Силах Российской Федерации выделяются объединения, соединения, части и подразделения. Каждый из терминов включает в себя определенные формирования. Так, под понятием «часть» чаще всего подразумеваются полк и бригада. Кроме них, частями являются штаб дивизии, штаб корпуса, штаб армии, штаб округа и др. Подразделениями являются воинские формирования, входящие в состав части – отделение, взвод, рота, батальон. Что касается корейского языка, то в нем используется термин 부대, имеющий значения 1) часть 2) формирование (подразделение, часть, соединение, объединение). Термины 대연합부대 «объединение» и 연합부대 «соединение» практически не используются в РК или используются в основном касательно КНДР, так как северокорейская система во многом аналогична советской, в отличие от южнокорейской. Лексема 부대 обозначает любую воинскую единицу и в зависимости от звена подчинения может по контексту переводиться по-разному - «подразделение», «часть», «части и подразделения», «части и соединения», «формирование». В некоторых случаях установить размер формирования при переводе представляется затруднительным, в таком случае возможным представляется использование приема генерализации и употребление обобщенного термина «войска», «силы». Например:

러시아 우크라이나 전쟁, 침공이 장기화되고 있다.이런 가운데 러시아군의 주력부대가 우크라이나 동부의 전장으로 집결 중이다. – На фоне затянувшегося конфликта на Украине российские войска / силы начинают сосредоточение на востоке страны.

전날 밤 미군 특수부대가 이슬람 무장단체 이슬람 국가(IS)의 '수괴' 아부 이브라힘 알 하시미 알 쿠 라이시를 사살한 사실을 밝히며 "우리는 당신들 (테러리스트) 뒤를 쫓을 것이고 찾아낼 것"이라 고 강조했다. – Накануне ночью американское

спецподразделение / спецназ объявило об устранении Абу Ибрагима аль-Хашими аль-Курайша, главы группировки «Исламское государство» (прим. запрещенная в РФ организация), отметив, что «мы будем следовать за вами (террористами) и найдем вас всех».

블라디미르 푸틴 대통령 집권 이후, 러시아도 부대편성에 대한 혁신을 추진해 왔다. '대대전술단'은 러시아 육군의 '임시적인' 부대편성(ad hoc formation)이다. 전면전쟁이 아니라 '지역분쟁'에 개입하는데 최적화한 부대편성이다. 전투부대는 1개 전차중대(전차 10대), 3개 기계화보병중대(전체 장갑차 40대)다. — С приходом к власти Владимира Путина российская армия начала реформы воинских формирований. Батальонная тактическая группа — это временное формирование, предназначенное для участия в региональных конфликтах, а не в полномасштабной войне. В него входят следующие боевые подразделения: 1 танковая рота (в составе 10 танков) и 3 мотострелковых роты (всего 40 бронемашин).

Следует также помнить, что корейский термин 부대 или 군부대 также может соотноситься с «военной базой». Например:

윤석열 대통령 당선인이 대선 당선 후 첫 방문 부대로 미군기지 '캠프 험프리스'를 선택했다. 윤 당선 인은 경기 평택에 위치한 '캠프 험프리스'를 방문해주한미군 지휘부와 방위태세 관련 논의를 주고받았다. 이는 여러 우려를 낳고 있다. 윤 당선인의 이날 방문은 1997년 대선 이후 역대 대통령 당선인들 가운데 한국군 부대보다 미군 부대를 먼저 방문한 사례다. — После своего вступления в должность новый южнокорейский президент Юн Соннёль посетил американскую военную базу «Кэмп Хамфрис», провинция Кёнгидо, и обсудил с американским командованием вопросы готовности обороны. Визит вызвал неоднозначную реакцию среди населения, так как это первый случай начиная с 1997 года,

когда новоизбранный глава государства посещает американскую базу раньше корейской.

Наконец, в российской и западной классификации существует концептуальное отличие в классификации стрелкового оружия. В последней имеется термин «штурмовая винтовка», стандартизованного определения которого в отечественной классификации нет. В российской языковой действительности используется термин «автомат», не имеющий прямого аналога в переводе. Для его обозначения в РК применяют западный вариант 돌격 소총, однако в контексте российского оружия его следует переводить как «автомат», а не «штурмовой винтовкой». Например:

K2 소총은 대한민국 국군의 주력 제식소총으로, $5.56 \times 45~mm$ NATO 탄을 사용하는 돌격소총이다. – Винтовка K2 является основной $\it штурмовой$ винтовкой Вооруженных сил РК и использует патроны НАТО калибра $5,56 \times 45~mm$.

АК-74 돌격소총은 АК-47의 현대화 변형으로서 1974 년에 개발되었다. – *Автомат* АК-74 был разработан в 1974 году как модернизированный вариант АК-47.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осуществляя данное исследование, мы рассмотрели показательные случаи терминологических несоответствий в языках и выявили необходимость выбора среди ряда вариантов в зависимости от принятой в той или иной лингвокультуре традиции, а также пришли к выводу о том, что терминология является одним из важнейших средств выражения идеологии государства. Несмотря на активно идущие процессы интернационализации терминов, противостоящие блоки зачастую стремятся к использованию своей собственной терминологии, что требует от переводчика навыков работы с контекстом и знаний соответствующих расхождений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учеб. пособие / Л. Л. Нелюбин. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2013.
- 2. Судзиловский Г.А. Методические вопросы специализированной двуязычной лексикографии (на материалах англо-русских военных словарей): монография. Москва: Военный университет им. Князя Александра Невского Минобороны России, 2022.
- 3. Денисов К. М. Терминоведение как поле столкновения исследовательских парадигм // Когнитивные исследования языка. 2015. № 20. С. 204–210.
- 4. Мавлеев Р. Р. Роль военно-политического дискурса в информационно-психологической войне (на материале русского, английского и китайского языков) // Речевое воздействие в политическом дискурсе: Материалы Международной научной конференции, Екатеринбург, 01–03 декабря 2016 года / главный редактор А. П. Чудинов. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2016. С. 91–94.

- 5. Шевчук В. Н. Военно-терминологическая система в статике и динамике: автореф. дис.... д-ра филол. наук. М.: Военный институт, 1985.
- 6. Похолкова Е. А. Современная экономическая терминология в Республике Корея: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- 7. Лату М. Н. Особенности возникновения и функционирования однокомпонентных и многокомпонентных терминов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1. Ч. 1. С. 104–108.
- 8. Раздуев А. В. Современный английский подъязык нанотехнологий: структурно-семантическая, когнитивнофреймовая и лексикографическая модели: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2013.

REFERENCES

- 1. Nelyubin, L. L. (2013). Vvedenie v texniku perevoda (kognitivny`j teoretiko-pragmaticheskij aspekt) = Introduction to translation technique (cognitive-theoretical and pragmatic aspect): Textbook. 3rd ed. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
- 2. Sudzilovskij, G. A. (2022). Metodicheskie voprosy specializirovannoj dvujazychnoj leksikografii (na materialah anglo-russkih voennyh slovarej) = Methodological issues of specialized bilingual lexicography (based on the materials of the English-Russian military dictionaries): monograph. Moscow: Voenny'j universitet imeni Knyazya Aleksandra Nevskogo Minoborony' Rossii. (In Russ.)
- 3. Denisov, K. M. (2015). Terminological studies as an arena of inquiry paradigms collision. Cognitive studies of language, 1(20), 204–210. (In Russ.)
- 4. Mavleyev, R. R. (2016). The role of the military-political discourse in the context of information-psychological warfare (a case study of the Russian, English and Chinese languages). In A. P. Chudinov (ed.), Rechevoe vozdejstvie v politicheskom diskurse (pp. 91–94): proceedings of International scientific conference. Ekaterinburg, 01–03 december, 2016. Ekaterinburg: Ural`skij gosudarstvenny`j pedagogicheskij universitet. (In Russ.)
- 5. Shevchuk, V. N. (1985). Voenno-terminologicheskaya sistema v statike i dinamike = Military terminological system in statics and dynamics: abstract of PhD in Philology. Moscow: Voenny'j institut. (In Russ.)
- 6. Pokholkova, E.A. (2007). Sovremennaya e`konomicheskaya terminologiya v Respublike Koreya = Modern economic terminology in Korea. PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
- 7. Latu, M. N. (2015). Features of origin and functioning of one-component and multi-component terms. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 1, part 1, 104–108. (In Russ.)
- 8. Razduev, A. V. (2013). Sovremennyj anglijskij pod#jazyk nanotehnologij: strukturno-semanticheskaja, kognitivno-frejmovaja i leksikograficheskaja modeli = Modern English sublanguage of nanotechnologies: structural-semantic, cognitive-frame and lexicographic models: abstract of PhD in Philology. Pyatigorsk. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мавлеева Дарья Владимирована

кандидат филологических наук доцент кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mavleeva Darva Vladimirovna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Oriental Languages, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.03.2021 одобрена после рецензирования 01.04.2021 принята к публикации 15.04.2021

The article was submitted 01.03.2021 approved after reviewing 01.04.2021 accepted for publication 15.04.2021

Научная статья УДК 81'22 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_63

Лексико-статистический анализ освещения специальной военной операции РФ на Украине официальными иранскими СМИ

А. И. Полищу κ^{1} , В. О. Кокликов²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия ¹polyshuk20@mail.ru ²vladimir.koklikov@yandex.ru

....

Аннотация. В работе рассмотрены особенности восприятия специальной военной операции России на Укра-

ине с точки зрения официальных иранских СМИ. Был проведен лексико-статистический анализ 6238 статей официального иранского агентства ИРНА. В результате было выяснено, что конфликт воспринимается большинством иранских журналистов и экспертов в качестве полномасштабной войны, а не ограниченной военной операции. Однако в целом материалы официальных СМИ оказались близки к официальной российской позиции, и основная вина за начало вооруженного

конфликта возлагается на политику НАТО и украинское руководство.

Ключевые слова: Россия, Украина, Иран, конфликт, восприятие, СМИ

Для цитирования: Полищук А. И., Кокликов В. О. Лексико-статистический анализ освещения специальной военной

операции РФ на Украине официальными иранскими СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Выпуск. Вып. 10 (865). С. 63–70.

DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_63

Original article

Lexico-statistical Analysis of the Coverage of the Special Military Operation of the Russian Federation in Ukraine by the Official Iranian Media

Aleksandr I. Polishchuk¹, Vladimir O. Koklikov²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia ¹polyshuk20@mail.ru

²vladimir.koklikov@yandex.ru

Abstract. The paper considers peculiarities of the perception of Russia's special military operation in Ukraine

from the point of view of the official Iranian media. A lexico-statistical analysis of 6238 articles of the official Iranian agency IRNA was carried out. As a result, it was found out that the conflict is perceived by the majority of Iranian journalists and experts as a full-scale war, but not a limited military operation. However, in general, the materials of the official media turned out to be close to the official Russian position, and the main blame for the outbreak of the armed conflict is laid on

NATO policy and the Ukrainian leadership.

Keywords: Russia, Ukraine, Iran, conflict, perception, media

For citation: Polishchuk, A. I., Koklikov, V. O. (2022). Lexico-statistical analysis of the coverage of the special mili-

tary operation of the Russian Federation in Ukraine by the official Iranian media. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(865), 63–70. 10.52070/2542-2197_2022_10_865_63

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в современном мире, где интенсифицируются контакты между разными странами и общество становится гораздо более информированным - как в аспекте мировых процессов в целом, так и ситуации в отдельных странах и их внешней политики, очень важную роль начинают играть особенности восприятия внешнеполитического образа разных стран. Это восприятие создается преимущественно под влиянием СМИ, которые прибегают к манипуляционным технологиям, чтобы создать у населения определенное представление о реальности. Так, в случае конфликта на Востоке Украины в 2014 г. российские СМИ называли сражающихся на стороне ДНР и ЛНР военных ополченцами, а украинские СМИ – боевиками и террористами, чтобы создать их полностью положительный или полностью отрицательный образ [Пчегатлук, Василенко, 2018].

С началом специальной военной операции РФ на Украине 24 февраля 2022 г. практически все западные СМИ начали жесткую антироссийскую пропагандистскую кампанию, управляемую фактически из США, и по сути развернули настоящую глобальную информационную войну против России. Иранские СМИ и иранское общество на начальном этапе событий специальной военной операции оказались под массированным воздействием западной пропаганды, но постепенно

оценки и тональность материалов СМИ менялись в результате появления объективной информации и взвешенных оценок иранских официальных лиц.

В данной работе основное внимание уделяется восприятию внешней политики России Ираном - одним из ключевых внешнеполитических союзников современной России, с которым также в последние годы укрепляются и экономические связи. Необходимо подчеркнуть, что несмотря на развитие взаимоотношений и в целом позитивное отношение жителей России к Ирану, большинство россиян мало знают об Иране. Что касается иранцев, политика России по отношению к Ирану воспринимается значительной частью населения настороженно. Такой негативный образ России связан с селективным толкованием исторических фактов и противоречит положительному отношению к России официальных иранских властей в связи с событиями в Украине в настоящее время [Зотова, 2021].

В рамках лексико-статистического метода нами осуществлен анализ лексики, используемой официальными иранскими СМИ для освещения событий на Украине с 24 февраля по май 2022 г. Материалами для изучения стали корпус текстов информационного агентства ИРНА, который содержит 6238 статей, содержащих слово « Украина) с начала специальной военной операции. Корпус также содержит скрипт 14 аналитических телевизионных передач на указанную тему, выходивших с 24 февраля.

АНАЛИЗ НАИБОЛЕЕ ЧАСТОТНОЙ ЛЕКСИКИ В МАТЕРИАЛАХ, ПОСВЯЩЕННЫХ ВОЕННОМУ КОНФЛИКТУ НА УКРАИНЕ

Таблица 1

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ, СВЯЗАННОЕ С БОЕВЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ

N-gram	Выражение, транскрипция	Перевод	Количество употреблений
N=1	jang جنگ	Война	9781
N=1	hamle حمله	Атака, нападение, наступление	3670
N=1	amaliyāt عمليات	Операция	2762
N=1	defā دفاع	Защита, оборона	2343
N=1	niruhā نيروها(ى)	Вооруженные силы	4243
N=1	amniyat امنیت	Безопасность	2617
N=1	amniyaty امنیت	Связанный с безопасностью	2497
N=1	bohrān بحران	Кризис	2252
N=1	jangi جنگی	Боевой, военный	1231
N=1	āteš آتش	Огонь	1171
N=1	taslihāt تسليحات	Вооружение	1089
N=1	hamalāt حملات	Удары	1068
N=1	selāhhā سلاح ها(ي)	Оружие	1043

N-gram	Выражение, транскрипция	Перевод	Количество употреблений
N=1	ruyāruyi رويارويي	Противостояние, столкновение	974
N=1	dargiri در گیر ی	Столкновение, стычка	921
N=1	tahājom تهاجم	Штурм, наступление	865
N=1	dargirihā در گیر یها	Столкновения, стычки	828
N=1	selāh سلاح	Оружие	789
N=1	تهدید tahdid	Угроза	672
N=1	tajhizāt تجهيزات	Оборудование, оснащение	658
N=1	defāʿi دفاعی	Оборонительный, оборонный	624
N=1	tahdidhā تهديدها	Угрозы	590
N=1	xatar خطر	Опасность, угроза	553
N=1	mosallah مسلح	Вооруженный	490
N=1	nezamiyān نظاميان	Военные	426
N=2	jang-e Ukrayn جنگ او کر این	Война на Украине	1843
N=2	negarānihā-ye amniyati نگر انی های امنیتی	Опасения, связанные с безопасностью	1386
N=2	niruhā-ye Rusiye نیر و های ر وسیه	Российские вооруженные силы	1151
N=2	amaliyāt-e viže عمليات ويژه	Спецоперация	1006
N=2	hamle-ye Rusiye حمله روسيه	Нападение России, наступление России	962
N=2	niruhā-ye ukrāyni نیر و های او کر اینی	Украинские вооруженные силы	865
N=2	ruyāruyi-ye nezāmi رويارويي نظامي	Военное столкновение	804
N=2	bohrān-e Ukrāyn بحران اوكراين	Украинский кризис	771
N=2	amaliyāt-e nezāmi عمليات نظامي	Военная операция	587
N=3	amaliyāt-e nezāmi-ye viže عمليات نظامي ويژه	Специальная военная операция	461
N=3	amaliyāt-e nezāmi-ye عملیات نظامی روسیه Rusiye	Российская военная операция	200
N=3	jang dar Ukrāyn جنگ در اوکر این	Война на Украине	1586
N=3	dargirihā dar Ukrāyn درگیریها در اوکر این	Столкновения на Украине	518
N=4	عملیات نظامی ویژه علیه اوکر این amaliyāt-e nezāmi-ye viže-ye aleyh-e Ukrāyn	Специальная военная операция против Украины	311
N=4	tahājom-e Rusiye be تهاجم روسیه به اوکر این Ukrāyn	Вторжение России в Украину	218
N=5	بیتوجهی غرب به نگر انی های امنیتی bitavajohi-ye Qarb be negarānihā-ye amniyati	Невнимание Запада к опасениям, связанным с безопасностью; пренебрежение Запада к опасениям, связанным с безопасностью	1336

Данная таблица показывает, что основными словами, употребляемыми по отношению к спецоперации, стали «война», «нападение / наступление», «операция», «защита / оборона», «вооруженные силы/войска», «безопасность». Это позволяет предположить, что происходящий конфликт воспринимают в Иране как полноценную войну, а не как ограниченную военную операцию, а также считают действия России нападением на

Украину. Другие слова, используемые для описания конфликта, связаны с ходом военных действий, а также с видами оружия и понятием угрозы. Если говорить о словосочетаниях, то наиболее распространенными стали «война на Украине», «опасения, связанные с безопасностью», «специальная операция», «нападение России». Эта статистика повторяет то, что можно было наблюдать при анализе отдельных слов, однако здесь появляется

сочетание «опасения, связанные с безопасностью». Оно используется для прояснения мотивации России ввести войска в ДНР и ЛНР.

Словосочетания, состоящие из трех и более слов, демонстрируют, что помимо различных названий военной операции («специальная военная операция», «военная операция против Украины» и др.) также появляется термин «вторжение России в Украину» и «пренебрежение Запада к опасениям, связанным с безопасностью». В последнем случае подразумеваются причины начала спецоперации со стороны России.

В целом, в отличие от западной прессы, где подчеркнуто доминирует проукраинская точка зрения, иранская официальная пресса оказалась гораздо более пророссийски настроена. В ней разъясняется официальная точка зрения России и говорится, что Россия была вынуждена начать спецоперацию в связи с пренебрежением к обеспечению ее безопасности со стороны Запада, который стремится к расширению НАТО на Восток, игнорируя протесты и предупреждения России, для которой (как и для Ирана) НАТО является враждебной организацией. Также можно с большой уверенностью предположить, что такие формулировки, как «нападение на Украину» и «вторжение России в Украину» на самом деле могут не нести такой негативной коннотации, как в западной или украинской прессе. Можно допустить, что иранскими СМИ таким образом просто указывается на факт ввода российских войск на украинскую территорию, без какого-либо неприятия или осуждения этого шага. Та же самая терминология («нападение») используется в иранской прессе и в случае украинских артобстрелов российской территории, например, при обстреле Белгородской области 1 .

Можно также произвести более глубокий анализ и посмотреть на употребление наиболее частотных слов в отдельных предложениях, чтобы понять контекст и смысл их использования. Для этого были рассмотрены три самых частотных слова, и с каждым из них были приведены по три предложения, которые в целом отражают типичный контекст их употребления.

В приведенных примерах из иранских СМИ слово «война» является преобладающей характеристикой российско-украинского вооруженного конфликта. В этом случае не принята официальная российская терминология и российский термин «специальная военная операция» используется значительно реже, чем «война». Например,

تاکنون پنج دور مذکرات صلح بین کی یف و مسکو از زمان آغاز جنگ در پنجم اسفندماه به منظور برقراری آتش بس و رسیدن به توافقی بر سرخواسته های دو طرف برگزار شده است.

Tā konun panj dowre mozakerāte solh bine Kiyif va Moskow az zamāne āqāze jang dar panjome esfandmāh be manzure barqarāriye ātešbas va rasidan be tavāfoqi bar sare xāstehāye do taraf bargozār šode ast.

На сегодняшний день с момента начала **войны** 5 эсфанда [24 февраля] между Киевом и Москвой было проведено пять раундов мирных переговоров для установления режима прекращения огня и достижения соглашения по требованиям обеих сторон².

ستاد کل نیروهای مسلح اوکراین ادعا کرد: روسیه به دلیل خسارات سنگینی که در این جنگ متحمل می شود، اقدام به جذب مزدوران سوری برای انتقال آنها به اوکراین کرده است.

Setāde kolle niruhāye mosallahe Ukrāyn ed'ā kard: Rusiye be dalile xesārāte sangini ke dar in jang mohtamal mišavad, eqdām be jazbe mozdurāne suri barāye enteqāle ānhā be Ukrāyn karde ast.

В Генштабе ВСУ заявили, что Россия завербовала сирийских наемников для переброски на Украину в связи с большими потерями, понесенными в этой войне³.

به گزارش ایرنا، از ابتدای جنگ در اوکراین وزارت دفاع انگلیس آخرین ارزیابی های خود را از تحولات در این کشور به صورت روزانه گزارش می دهد.

Be gozāreše IRNA, az ebtedāye jang dar Ukrāyn vazārate defā'e Englis āxerin arzyābihāye xod rā az tahavolāt dar in kešvar be surate ruzāne gozāreš midehad.

Как сообщает информационное агентство ИРНА, с начала **войны** на Украине министерство обороны Великобритании ежедневно предоставляет свои оценки развития событий в этой стране⁴.

¹ URL: https://www.irna.ir/news/84749849/

² URL: https://www.irna.ir/news/84699767/

³ URL: https://www.irna.ir/news/84689511/

⁴ URL: https://www.irna.ir/news/84761628/

Теперь можно обратиться к предложениям со словом عمله hamle (нападение).

فرماندار یکی از مناطق روسیه که گفته می شود هدف حمله تو پخانه ای از خاک او کر این قر ار گرفته از کشته و زخمی شدن چهار نفر خبر داد.

Farmāndāre yeki az manāteqe Rusiye ke gofte mišavad, hadafe hamleye tupxāneyi az xāk-e Ukrāyn qarār gerefte, az košte va zahmi šodane čahār nafar xabar dād.

Губернатор одной из российских областей, которая, как сообщается, подверглась артиллерийскому **нападению** с территории Украины, сообщил об убийстве и ранении четырех человек¹.

Hamle-ye gostarde-ye arteš-e Rusiye be ahdāf-e nezāmi-ye Ukrāyn. Массированная атака российской армии на военные цели Украины².

آخرین اقدامات روسیه در اوکراین: حمله به فرودگاه لویو در غرب/اعمال منطقه پرواز ممنوع در شرق

Āxerin eqdāmāte Rusiye dar Ukrāyn: hamle be forudgāh-e Lviv dar qarb / e'māle mantaqeye parvāzmamnu dar šarq.

Последние действия России на Украине: **нападение** на аэропорт Львова на западе / введение бесполетной зоны на востоке³.

Очевидно, что слово «нападение» употребляется в разных контекстах – как в значении ввода российских войск на Украину, так и обстрела различных объектов обеими сторонами конфликта.

Можно рассмотреть также особенности употребления слова عملیات amaliyāt (операция).

رئیس جمهوری روسیه امروز گفت که شک ندارد تمامی اهداف "عملیات ویژه" کشورش در اوکراین عملی خواهد شد.

Президент России сегодня сказал, что, без сомнения, все цели «**специальной операции**» его страны на Украине будут достигнуты [...فاهـا هداف...] 2022]⁴.

Mozākerekonandeye aršade Rusiye dar mozākerāt bā Ukrāyn e'lām kard, tazmine Moskow barāye kāheše amaliyāthāye nezāmi dar atrāfe Kiyif, pāytaxte Ukrāyn, va šahre Černihif be ma'niye ātešbas nist.

Высокопоставленный представитель России на переговорах с Украиной заявил, что гарантия Москвы о сокращении военных **операций** вокруг украинской столицы Киева и города Чернигов не означает установление режима прекращения огня⁵.

پوتین سه روز پس از آن، پنجشنبه ۲۴ فوریه (۵ اسفند ۱۴۰۰) نیز عملیاتی نظامی روسیه که آن را "عملیات ویژه" خواند، علیه اوکراین آغاز کرد و به این ترتیب روابط پرتنش مسکو - کیف به رویارویی نظامی تغییر وضعیت داد.

Putin se ruz pas az ān, panjšambeye 24 fevriye (5 esfand 1400) niz amaliyāti nezāmiye Rusiye ke ān rā «amaliyāt-e viže» xānd, aleyhe Ukrāyn āqāz kard, va be in tartib ravābete portaneše Moskow – Kiyif be ruyāruyiye nezāmi taqiire vaziyat dād.

Спустя три дня, в четверг 24 февраля (5 эсфанда 1400 г.), Путин начал российскую военную операцию против Украины, которую он назвал «специальной операцией», тем самым превратив напряженные отношения Москвы и Киева в военное противостояние⁶ [... انگلیس الگلیس الیک الوسی 2022].

Очевидно, что слово «операция» в основном используется в иранских СМИ для передачи позиции официального российского руководства.

Проведенный количественный анализ, как и анализ конкретного словоупотребления, указывает на то, что военный конфликт в официальных

Raisjomhure Rusiye emruz goft ke šakk nadārad tamāmiye ahdāfe «amaliyāt-e viže»ye kešvaraš dar Ukrāyn amali xāhad šod.

¹ URL: https://www.irna.ir/news/84749849/

² URL: https://www.irna.ir/news/84722007

³ URL: https://www.irna.ir/news/84689511/

⁴ URL: https://www.irna.ir/news/84714086/

⁵ URL: https://www.irna.ir/news/84699767/

⁶URL: https://www.irna.ir/news/84761628/

иранских СМИ в целом освещается объективно. Обращает на себя внимание преобладание термина «война» в публикациях. Он в сознании иранцев несет ярко выраженную негативную коннотацию из-за тяжелого опыта ирано-иракской войны с многочисленными жертвами и разрушениями. Война не принесла Ирану никаких территориальных приобретений и завершилась, ничего не изменив. Историческая память о ней до сих пор жива, и очень часто на улицах иранских городов можно видеть портреты погибших на ней военных, которых называют мучениками. Поэтому в сознании иранцев, в том числе и официальных лиц, военные методы разрешения конфликтов между государствами во всем мире воспринимаются как бесполезные, и явное предпочтение отдается дипломатическим методам.

Интересно также кратко рассмотреть содержание некоторых телевизионных передач, посвященных украинскому конфликту, в котором участвуют иранские эксперты. Статистика по телевизионным передачам вошла в приведенную выше таблицу, но интересно их рассмотреть отдельно. В них также для характеристики конфликта доминирует слово «война», а также используется слово «нападение», и значительно реже - «конфликт». Однако во многих передачах, где используются эти слова, озвучивается позиция, полностью солидарная с официальной российской точкой зрения на причины конфликта и происходящие сейчас события. Так, в одной из передач, снятой в начале марта, в которой для обозначения конфликта преимущественно используется слово «война», ведущий обвинил Запад и блок НАТО в сознательном затягивании российско-украинского военного конфликта и нежелании, чтобы две стороны пришли к компромиссу. С ним согласился гость программы, специалист по международным отношениям Али Ализаде. Он утверждал, что Запад сознательно долгое время провоцировал Россию на конфликт, размещая ракетные комплексы у ее границ и проводя военные учения в Черном море. Западные страны также обещали предоставить Украине всеобъемлющую помощь, однако после начала конфликта бросили ее на произвол судьбы, согласившись только на поставки оружия. Запад тем самым стремится как можно дольше затягивать войну, чтобы Россия ослабла и увязла в изматывающем военном конфликте. При этом, по его утверждению, Запад отрицает свою ответственность за развязывание конфликта, пытается представить себя защитником украинского народа и показать всему миру, что якобы Россия несет всю ответственность за военные действия и разруше-.¹[2022a آخرین تحو لات اوکر این] ния

¹ URL: https://telewebion.com/episode/0x2811a6b

В очередной передаче в начале апреля ведущий характеризует обвинения против России в военных преступлениях как антироссийскую психологическую операцию Украины и Запада, а приглашенный специалист по вопросам Европы Али Резванпур утверждает, что Россия была вынуждена ввести войска на Украину, чтобы не оказаться окруженной странами-членами НАТО, то есть, в осаде со стороны враждебного блока с непредсказуемыми последствиями. Что касается обвинения России в резне в Буче, эксперт заявил, что доказательства причастности российских войск к ней отсутствуют, сославшись на разговор С. Лаврова с Пан Ги Муном, в котором российский министр заявил, что здесь имеет место антироссийская провокация Запада [...های تشدید تنش های...] гровокация Запада

В одной из передач, датированной серединой апреля, утверждалось, что Украина последние 2-3 года готовилась к вступлению в НАТО при активной поддержке Запада. Россия восприняла это движение в сторону НАТО как нарушение красной линии и угрозу собственной безопасности, и поэтому и начала, как транслировалось в передаче, «полномасштабную войну» против Украины и разрушила почти всю ее военную инфраструктуру. При этом, западные страны отвернулись от Украины, и ее президент В. А. Зеленский, который до этого выступал с угрозами в адрес России, оставшись в одиночестве, был вынужден просить российское руководство начать мирные переговоры. Специалист в области международных отношений Реза Резаи, как и предыдущий эксперт А. Ализаде, заявил, что США и Евросоюз провоцировали Россию, а с началом войны стали поставлять Украине большое количество оружия, чтобы Россия завязла в трясине войны. Он также добавил, что фактически этот военный конфликт сильно ударит по экономике и системе безопасности самого Европейского союза, особенно после введения антироссийских санкций, которые наносят серьезный ущерб не только российской, но и самой европейской экономике, и чем конфликт будет длиться дольше, тем больший будет ущерб для Евросоюза. В такой ситуации среди западных стран только США в какой-то степени обеспечат свои интересы, а Европа, затягивая конфликт, будет действовать в ущерб себе. Россия же оказалась гораздо прочнее, чем предполагали на Западе, справляется с возникшими трудностями и сохранила свою политическую систему [20226] آخرين تحو لات او كر اين].

² URL: https://telewebion.com/episode/0x2840e14

³ URL: https://telewebion.com/episode/0x285843c

Можно констатировать, что чисто военные термины при освещении в иранских СМИ специальной операции на Украине, которые вероятно будут негативно восприняты в России, скорее всего не имеют для иранцев явной антироссийской нагрузки и употребляются для описания реалий складывающейся ситуации и ведения боевых действий, а фактическое содержание текстов при этом часто отражает позицию России и не содержит явных негативных оценок её действий, но в то же время антивоенная направленность публикаций и сообщений на этом фоне очевидна. Позиция официальных иранских СМИ совпадает и с дружественной по отношению к России позиции высшего руководства Ирана, которое осуждает санкции Запада и его курс на расширение НАТО в ущерб российским интересам в области безопасности и выражает намерение и дальше развивать сотрудничество с Россией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отношение иранских официальных лиц к военному конфликту на Украине радикально отличается от отношения к нему лидеров стран США и Евросоюза. Если последние возложили всю вину на Россию и ввели против нее огромное

количество санкций, то официальный Иран, хоть и призвал к быстрому прекращению боевых действий, но возложил основную ответственность на НАТО и украинские власти и выразил готовность продолжать развивать отношения с РФ.

Лексико-статистический анализ освещения специальной военной операции РФ на Украине официальными иранскими СМИ показывает, что, во-первых, конфликт воспринимается как полномасштабная война, а, во-вторых, важное место в них занимают слова и словосочетания, разъясняющие позицию России в конфликте, в отличие от западных СМИ, где приводится в основном точка зрения официального Киева. Иранские аналитические телепередачи также в большинстве отражают официальную российскую позицию и обвиняют Запад и украинские власти в пропаганде против России. Можно констатировать, что иранские официальные СМИ по отношению к специальной военной операции на Украине, в отличие от СМИ многих стран мира, особенно западных, а также японских, занимают позицию, близкую к официальной российской.

В то же время иранские СМИ и общество осуждают саму войну как способ решения территориальных споров и выступают за дипломатические методы решения конфликтных ситуаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Пчегатлук С. К., Василенко Д. В. Отражение политических событий в российских и украинских СМИ: социологический аспект // Теория и практика общественного развития. 2018. Вып. 5 (123). С. 16 20. doi.org/10.24158/tipor.2018.5.2
- 2. Зотова Ю. А. Взаимное восприятие в современных российско-иранских отношениях: образ России и Ирана в школьных учебниках истории двух стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 157-170. doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-157-170

REFERENCES

- 1. Pchegatluk, S. K., Vasilenko, D.V. (2018). Reflection of political events in Russian and Ukrainian media: a sociological aspect. Theory and practice of social development, 5(123), 16–20. doi.org/10.24158/tipor.2018.5.2 (In Russ.).
- 2. Zotova, Yu. A. (2021). Mutual perception in modern Russian-Iranian relations: the image of Russia and Iran in school textbooks of the history of the two countries. Vestnik RUDN. International relations, 21(1), 157–170. doi. org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-157-170 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Полищук Александр Иванович

кандидат исторических наук, заслуженный профессор МГЛУ доцент кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Linguistics

Кокликов Владимир Олегович

старший преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Polishchuk Aleksandr Ivanovich

PhD (History), MGLU Professor emeritus, Associate Professor at the Department of Oriental Languages, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Koklikov Vladimir Olegovich

Senior Lecturer, Department of Oriental Languages, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.03.2021 одобрена после рецензирования 01.04.2021 принята к публикации 15.04.2021

The article was submitted 01.03.2021 approved after reviewing 01.04.2021 accepted for publication 15.04.2021

Научная статья УДК 81.34 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_71

Взаимная обусловленность языка и этнической культуры (на материале китайской и русской лингвосоциокультур)

М. М. Салимова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия milana.m.salimova@qmail.com

Аннотация. В статье исследуется взаимообусловленность языка и этнической культуры. Проведенный сопос-

тавительный лингвокультурологический анализ выявил общие черты и этнокультурные особенности фразеологических единиц, лингвистических и этнографических лакун и показал, что географо-климатические условия проживания народа, влияющие на специфику земледельческой культуры, пищевые и культурно-бытовые предпочтения, находят отражение в исследуемых

языках.

Ключевые слова: язык, культура, этнос, лингвокультура, социокультура, фразеологизм, лакуна, идиома, китайский

язык, русский язык

Для цитирования: Салимова М. М. Взаимная обусловленность языка и этнической культуры (на материа-

ле китайской и русской лингвосоциокультур) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 10 (865). С. 71–77. DOI

10.52070/2542-2197_2022_10_865_71

Original article

The Interaction Between Language and Ethnic Culture (based on the Chinese and Russian Linguosociocultures)

Milana M. Salimova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia milana.m.salimova@gmail.com

Abstract. The article explores the interrelation and mutual influence of language and ethnic culture. The work

is aimed at a comparative linguocultural analysis of phraseological units, lexical and ethnographic gaps (lacunas) in order to reveal their universal and culture-specific features. As a result of the study, it is revealed that geographical location of the people's residence, climatic features of the region influence the specifics of the agriculture of this people, peculiarities of their cuisine, cultural and

social preferences, and it is widely reflected in the Russian and Chinese languages.

Keywords: language, culture, ethnos, linguoculture, socioculture, idiom, phraseological unit, lexical gap, Chi-

nese, Russian

For citation: Salimova, M. M. (2022). The interaction between language and ethnic culture (based on the Chinese

and Russian linguosociocultures). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. 10(865),

71-77. 10.52070/2542-2197 2022 10 865 71

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья посвящена изучению взаимосвязи и взаимовлияния языка и этнической культуры. Актуальность данного исследования заключается в том, что фразеологические единицы, лингвистические и этнографические лакуны как языковые явления выступают в качестве объектов сопоставительного лингвокультурологического исследования в контексте китайской и русской культуры.

Цель работы заключается в выявлении универсальных черт и этнокультурных особенностей исследуемых языковых явлений.

ЯЗЫК КАК УСЛОВИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ИНСТРУМЕНТ ПОЗНАНИЯ ЭТНОСА И ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Язык – это своеобразный, уникальный феномен этнической культуры, поскольку он отражает историю возникновения и развития этноса и этнической культуры, сознание, менталитет, моральные ценности, нравы, нормы и особенности жизни народа как носителя данного языка, т. е. то, каким мир открывается перед глазами представителей определенного этноса, каким образом он воспринимается и оценивается ими.

При этом следует подчеркнуть, что между языком и культурой существует диалектическая связь: язык является не только результатом деятельности этноса, продуктом, порожденным этнической культурой, но и основным средством, основой и условием существования данной культуры. Поэтому даже самое начальное развитие этнической культуры будет всегда следовать за возникновением языка, т. е. без языка – инструмента, выражающего значения, не было бы самой культуры [Сепир, 1993], поскольку человек «думает, чувствует и живет только в языке, он формируется посредством языка» [Гумбольдт, 1985, с. 378].

Как справедливо утверждал М. А. Шолохов: «Язык является величайшим богатством народа! Слово является кладезем, в котором бесчисленные жемчужины человеческой мысли и опыта накапливаются на протяжении тысячи лет и вечно живут в нем» [Шолохов, 1957, с. 5 – 6]. Действительно, язык является «хранителем» и «транслятором» этнической культуры: мы способны передать социокультурную самобытность нашего языкового сообщества, его культурно-исторические достижения последующим поколениям через устную и письменную формы речи.

Стоит отметить и то, что культурная самобытность любого этноса и строение его языка взаимообусловлены, поэтому существенные особенности языка и культур могут быть раскрыты только в процессе их совместного изучения, а также в процессе их сравнительно-сопоставительного исследования.

Как известно, философско-антропологические идеи В. фон Гумбольдта, отмечающего созидающий, порождающий характер языка, оказали большое влияние на разработку проблем языка, этноса и этнической культуры. Как отмечалось, классифицирующая и структурирующая роль языка состоит в упорядочивании хаотического опыта, создании целостной картины мира в процессе мыслительной и познавательной деятельности, а также построении культуры в соответствии с данным языком.

При этом «разные языки – это не обозначения одного и того же предмета, а разные видения его» [Гумбольдт, 1985, с. 305]. Следовательно, именно языковые картины мира у представителей разных культур самобытны. Так, в любом языке встречаются лакуны, т. е. труднопереводимые, не передаваемые одним словом или даже абсолютно не переводимые на другой язык слова. Это слова, часто не имеющие соответствующего эквивалента, способного обозначить то или иное понятие. Ю. С. Степанов называл их «словарными пробелами, "белыми пятнами" на семантической карте языка» [Степанов, 2003, с. 120]. Наличие лакун в каждом языке неоспоримый факт, однако они часто незаметны для носителей языка, поэтому их выявление возможно лишь при сопоставлении с другими языками.

- В. Л. Муравьев выделяет лингвистические (включающие лексические, грамматические и стилистические) и этнографические лакуны [Муравьев, 1975]. Приведем примеры:
- лексические лакуны это слова, не имеющие соответствующего обозначения в лексической системе другого языка:
 - в русском языке это такие слова, как душа, тоска и судьба, именуемые А. Вежбицкой «ключевыми понятиями русского языка» [Вежбицкая, 2002, с. 9]:

совесть, абракадабра, отсебятина, (на) авось, халява, октябренок, декабрист(ка), единоверец, таежник, именинник, цаца, егоза, франт, хохмач, держиморда, торопыга, глухомань, водопой, волость, гнездовье, глубинка, паперть, солнцепек, топь, угодье, проталина, теплынь, пуща, затишек, муравейник

а также различные единицы измерения:

верста, десятина, сажень, аршин, пядь, вершок, кадка, гарнец, косушка;

в китайском языке:

- 鸳鸯 (букв. 'мандаринка'; обр. в знач. «счастливая пара, счастливые супруги»)
- 乳名 (букв. 'молочное имя'; обр. в знач. «первое имя, которым ребенка называли в семье от его рождения до того, как он пойдет в школу»)
- 败家子 (*букв*. 'разрушающий семью сын'; обр. в знач. «сын-транжира, растрачивающий семейное добро»)
- 裙带官 (букв. 'чиновник, возглавляемый юбкой'; обр. в знач. «человек, добившийся чинов благодаря связям жены»)
- 续弦 (*букв*. 'срастить струну', обр. в знач. «жениться во второй раз после смерти жены»)
- 再醮 (букв. 'снова совершить жертвоприношение с возлиянием вина'; обр. в знач. «выйти замуж во второй раз после смерти мужа»)
- 青鸟 (*букв*. 'зеленовато-синяя птица'; обр. в знач. «посланец, гонец»)
- 鸿雁 (букв. 'гусь-сухонос'; обр. в знач. «отправка письма или переписка»)
- 玉兔 (букв. 'яшмовый заяц'; обр. в знач. «луна»)
- 喜鹊 (букв. 'сорока'; обр. в знач. «радостное событие»)
- 得陇望蜀 (букв. овладев областью Лун, зариться на Шу'; обр. в знач. «быть ненасытным, алчным, не знающим предела своим желаниям»)
- 华侨 (хуацяо, китайские эмигранты)
- 国色 (*букв*. 'цвет страны'; обр. в знач. «первая красавица в Китае»)
- 国手 (букв. 'мастер государственного значения'; обр. в знач. «*человек*, *достигший* высшей степени мастерства в каком-либо деле»)
- 四合院 (сыхэюань, или тип традиционной китайской застройки, при котором вокруг квадратного двора, находящегося в центре, располагаются четыре флигеля)
- 鸽子笼 (*букв*. 'клетка для голубей'; обр. в знач. «маленькое тесное помещение»)

а также различные меры длины, например:

- 厘 ли, мера длины, равная 0,33 мм
- 寸 *цунь*, китайская мера длины, равная примерно 3,33 см
- 扶 ϕ у, мера длины в четыре сложенных вместе пальца
- $\mathcal{R} 4u$, китайская мера длины, равная примерно 1/3 м
- 丈 чжан, китайская мера длины, равна 3,33 м
- 里 ли, китайская мера длины, равная 0,5 км);

меры веса, например:

- 两 лян, мера веса, равная 50 г
- 钱 цянь, мера веса, равная 5 г
- 斤 цзинь, китайская мера веса, равная 0.5 кг;

термины традиционной китайской медицины, например:

- 内脏 *внутренние органы-цзаны*, к которым относятся сердце, печень, селезенка, легкие, почки
- 内腑 внутренние (полые) органы-фу, к которым относятся желчный пузырь, желудок, тонкая кишка, толстая кишка, мочевой пузырь, три цзяо
- 三焦 три обогревателя / полости внутренних органов, один из шести фу-органов, включающий верхнее (легкие, сердце), среднее (желудок, селезенка), нижнее (печень, почки, мочевой пузырь) цзяо) и др.;
- 2) этнографические лакуны это своеобразные лексические «пропуски», непосредственно связанные с экстралингвистической реальностью:
 - в русском языке это такие слова, как:

авоська, хромка, кокошник, лапти, кафтан, рубаха-косоворотка, валенки, ушанка, ермолка, сарафан, гривна, аксельбант, самовар, матрешка, калач, кулич, ситник, каравай, блин, рассольник, запеканка, водка, разносол, сивуха, огрызок, балалайка, коклюшка, наперниик, печь, светлица, изба и др.;

в китайском языке:

- 红包 (букв. 'красный конверт'; обр. в знач. «конверт с деньгами, вручаемом молодоженам на их свадьбе или детям во время празднования китайского нового года»)
- 喜糖 (букв. 'радостные сладости'; обр. в знач. «свадебные конфеты, раздаваемы родственникам и гостям»)
- 下定礼 (*букв*. 'подарок для принятия решения'; обр. в знач. «подарки, преподносимые женихом невесте в день помолвки»)
- 喜联 (букв. 'радостные парные изречения'; обр. в знач. «праздничные парные надписи, вывешиваемые на свадьбах и других торжествах»)
- 抚恤金 (букв. 'золото для выражения сочувствия'; обр. в знач. «денежное подношение семье умершего»)
- 冥币 (*букв*. 'загробные деньги'; обр. в знач. «ритуальные (бумажные) деньги для жертвоприношений»)

- 纸钱 (букв. 'бумажные деньги'; обр. в знач. «ритуальные деньги, сжигаемые на похоронах»)
- 粽子 (цзунцзы, или лакомство из клейкого риса с разнообразными начинками в бамбуковых или др. листьях, которое традиционно готовится 5-го числа 5-го месяца по лунному календарю на Праздник начала лета)
- 饺子 (цзяоцзы, или китайские пельмени, начинка которых может включать не только мясной или рыбный фарш, но и яйца, зелень и овощи)
- 包子 (баоцзы, или паровые пирожки)
- 火锅 (хого, или китайский самовар, китайский способ приготовления горячих блюд из овощей, мяса и др.)
- 绣花鞋 (расшитые узорами парчовые туфли)
- 旗袍 (ципао, или китайское женское платье, длинное, в талию, со стоячим воротником и широкой правой полой)
- 中山装 («суньятсеновка», или мужской френч, похожий на военный китель, популярный в Китае вплоть до 90-х годов XX века)
- 唐装 (букв. 'одежда Танской эпохи'; традиционный китайский костюм яркого цвета со стоячим воротником, однобортной или с наклонным бортом изогнутой застежкой)
- 汉服 (ханьфу, или ханьская национальная одежда)
- 武术 (китайское боевое искусство и оздоровительная гимнастика «ушу»)
- 气功 (китайская дыхательная гимнастика «цигун») 太极拳 (тайцзицюань, или китайское боевое искусство, служащее не только для самозащиты, но и для укрепления здоровья)
- 太极剑 (тайцзицзэнь, или китайское традиционное искусство фехтования мечом)

Будучи носителем культуры, традиций и духовных ценностей, этнос вырабатывает свое «мировидение», индивидуальное для каждой этнической культуры и являющееся ее основополагающей составляющей. В сознании носителей языка этнические особенности мировидения реализуются в вербальных репрезентациях культурной модели.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

«Погрузиться» в проблему взаимосвязи человека, языка и этнической культуры, «проникнуть» в глубину народного сознания, постигнуть менталитет, моральные ценности, нормы, установки, историю и особенности жизни этноса как носителя определенного языка в значительной мере позволяет изучение фразеологического фонда данного конкретного языка.

Традиционно в науке существует два понимания фразеологии: узкое и широкое. Так, В. П. Жуков, С. И. Ожегов и некоторые другие ученые считают, что во фразеологический фонд языка необходимо включать только фразеологические единицы, выступающие эквивалентами слов [Кунин, 1986].

Представители же широкого подхода, как, например, А. В. Кунин, В. Н. Телия и др. считают, что помимо собственно фразеологических оборотов, во фразеологический фонд входят и устойчивые фразы (пословицы, поговорки, цитаты, крылатые выражения и т. п.) [Кунин, 1986; Телия, 1966].

В нашем исследовании мы будем придерживаться следующего определения фразеологизмов: фразеологизмы – это социально наследуемые единицы языка, т. е. они, передаваясь из поколения в поколение в уже готовом вербализованном виде, наиболее ярко и четко отражают национальную самобытность культуры, детали исторического развития страны, различные культурные, социальные реалии, мировоззрение народа, оценочные суждения этносов, т.к. «мифы, легенды, обычаи, обряды и т. п. как бы законсервированы в них» [Маслова, 2001, с. 33]. Исследование общих признаков и отличительных особенностей фразеологических единиц двух языков способствует глубокому познанию национальной специфики народов и углублению знаний о языке.

Фразеологические системы русского и китайского языков богаты большим количеством фразеологизмов антропоцентрической направленности с зоонимическим, орнитонимическим и фитонимическим компонентами. Изучению фразеологических единиц с подобными компонентами посвящены работы русских и китайских ученых и исследователей, таких как Н. И. Анненков, К. Р. Вагнер, Д. М. Марданова, В. А. Меркулова, Хао Хуэйминь, Ян Илин и др. Данное исследование базируется на анализе фразеологических единиц с символьным значением объектами живой и неживой природы.

Во фразеологии китайского и русского языков через ассоциации с животными, птицами, растениями и элементами неживой природы характеризуются положительные и отрицательные свойства и качества человека:

- 1) **храбрость**: в русском языке храбрый, как лев; в китайском языке 吃豹子胆 (букв. 'съесть селезенку леопарда'; обр. в знач. «храбрый, как леопард»), 冠鸡佩豭 / 戴鸡佩豚 (букв. 'надеть шапку в форме петуха и пояс в форме кабана'; обр. в знач. «храбрый, отважный»);
- 2) **грациозность**, **женственность**: в русском языке *стройный*, *как тополь* / *кипарис* /

- береза; стройнее кедра; в китайском языке 柳弱花娇 (букв. 'ива нежная, красивая и миловидная'; обр. в знач. «красивая и грациозная девушка»);
- 3) мудрость и сообразительность: в русском языке мудрый, как змий; в китайском языке 雄鸡自断其尾 (букв. 'петух сам ломает свой хвост' (чтобы его не принесли в жертву); обр. в знач. «умный человек, который старается оставаться в тени, чтобы избежать беды»);
- 4) *преданность*: в русском языке *верный,* как пес / собака / лебедь; в китайском языке 柏舟之誓 (букв. «клятва на кипарисовом челноке»; обр. в знач. «вдовья целомудренность, верность умершему мужу»);
- 5) *трудолюбие*: в русском языке *трудолюбивый*, *как муравей / пчела*; в китайском языке 蚂蚁啃骨头 (*букв*. «муравей кость точит»; обр. в знач. «упорством и настойчивостью добиваться успеха»);
- простота: в русском языке прост, как голубь:
- 7) непорочность: в русском языке кристально чистый; в китайском языке 玉洁冰清 (букв. «чистый как нефрит и прозрачный как лед»; обр. в знач. «кристально чистый, непорочный»);
- 8) *лукавство и притворство*: в русском языке лить крокодиловы слезы, хитрый, как лиса; в китайском языке 狐狸哭兔子—假慈悲 (букв. 'лиса плачет по кролику притворное сострадание'), 贼眉鼠眼 (букв. 'разбойничьи брови, крысиные глаза'; обр. в знач. «плутоватый, вороватый вид хитреца»), 狡兔三窟 (букв. 'у хитрого зайца три норы', обр. в знач. «изворачиваться, пускать в ход уловки»);
- 9) малодушие: в русском языке трусливый как заяц, заячья душа; в китайском языке 胆小如鼠 (букв. 'желчный пузырь маленький, как у мышки'), 抱头鼠窜 (букв. 'обхватив лапками голову, крыса улизнула'; обр. в знач. «бежать в панике, обратиться в бегство»);
- 10) **неуклюжесть**: в русском языке слон в посудной лавке; неповоротлив, как медведь; в китайском языке 疯牛强闯瓷器店 (букв. 'бешеный бык ворвался в фарфоровую лавку') и др.¹

Стоит также отметить, что в китайской лингвосоциокультуре фитонимы чаще являются компонентами фразеологических единиц, выражающих следующее утверждение: здоровое питание есть залог сохранения здоровья и предотвращения болезней. Например: морковь прибавляет кровь; кто ест хрен и редьку, тот болеет редко; лук от семи недуг; хрен да репка – вот оно и крепко; гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной отец наш родной.

Растительный компонент в составе китайских фразеологических единиц чаще встречается в качестве средства для сохранения здоровья, поддержания молодости и обеспечения долголетия. Например: полезные для здоровья продукты питания:

宁可无肉,不可无豆 – Можно прожить без мяса, но без бобовых – нельзя.

一日三枣,长生不老 – В день три финика – будешь долго жить и не стареть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывает проведенный анализ, изучаемые сегменты китайской и русской фразеологии отличаются определенным своеобразием, причем не только в структурном плане, но и содержательном. Очевидно, что эти различия обусловлены действием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов.

Анализ вышеуказанных фразеологических единиц также позволяет сделать следующие частные выводы:

- 1) язык является важным средством познания национального своеобразия культуры;
- 2) формирование этноса, языка и этнической культуры происходит одновременно;
- 3) географо-климатические условия проживания и особенности земледельческой культуры этноса будут влиять на формирование своеобразных пищевых предпочтений, приоритетов в одежде и т. д. у данного этноса. Поэтому и в русском, и в китайском языках встречаются абсолютные лакуны, например, кулич, калач, ушанка, кафтан, валенки, 粽子, 包子,旗袍中山装 и др.;
- 4) в китайском языке встречаются лакуны, подтверждающие веру китайцев в загробную жизнь, например, 纸钱, 阴司钱, 冥纸, 冥钱 бумажные деньги, сжигаемые на похоронах, во время жертвоприношения, для поминовения усопших и т. д.;

¹ Абрамов Н. А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1994; Большой китайско-русский словарь. URL: https://bkrs.info/; Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. М.: ЭТС., 1995. URL: https://ideographic.academic.ru/; Тришин В. Н. Словарь синонимов ASIS, 2013. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/

- 5) на фразеологическом уровне наиболее очевидно проявляется лингвистическая относительность;
- 6) во фразеологизмах обоих языков отражаются социально одобряемые и порицаемые человеческие качества (например, храбрость, трудолюбие и трусость, неуклюжесть, лукавство);
- 7) в системах фразеологии обоих языков обнаруживаются общие компоненты фразеологических единиц с символьным значением, например, зооним муравей в обеих культурах ассоциируется с трудолюбием, крыса с хитростью. Однако различающихся символов выявлено больше. Например, в изучаемом сегменте фразеологии зооним леопард характерен для китайского языка, а фитонимы тополь и береза для русского языка;
- 8) в китайской культуре журавль (鹤) является символом долголетия, т. к., по мнению представителей даосизма, 仙鹤 «журавль небожителя» или 灵魂 «божественный журавль» живет удивительно долго. Поэтому для

- достижения долголетия необходимо принимать в пищу как яйца самки, так и мясо самца. В энциклопедическом трактате «Баопу-цзы» [Гэ Хун, 1999] подробно описываются рецепты приготовления снадобий из мяса, мозга и яиц журавля, тем самым раскрываются своеобразные методы достижения алхимиками долголетия. Все вышесказанное находит отражение в языке. Так, например, в китайском языке встречаются фразеологизмы, которые являются пожеланиями долгих лет жизни (鹤寿千年 и др.);
- 9) в системах фразеологии обоих языков обнаруживаются общие компоненты фразеологических единиц с разным символьным значением: например, кипарис в китайском языке ассоциируется с преданностью, а в русском языке с грациозностью; или разные компоненты фразеологических единиц с общим символьным значением: например, в китайском языке олицетворением неуклюжести, неотёсанности является бык, а в русском языке медведь и слон.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва: Прогресс, Универс., 1993.
- 2. Гумбольдт В. ф. Язык и философия культуры. Москва: Прогресс, 1985.
- 3. Шолохов М.А. Сокровищница народной мудрости // Пословицы русского народа: Собрание В. И. Даля. Москва: Издательство художественной литературы, 1957.
- 4. Степанов Ю. С. Французская стилистика (в сравнении с русской). 3-е изд., стереотип. Москва: Эдиториал УРСС, 2003.
- 5. Муравьев В. Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). Владимир: Владимирский пед. ин-т, 1975.
- 6. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении, 2002. № 2 (4). С. 6–34.
- 7. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Москва: Высшая школа, 1986.
- 8. Телия В. Н. Что такое фразеология? Москва: Наука, 1966.
- 9. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений. Москва: Академия, 2001.
- 10. Гэ Хун. Баопу-цзы / пер. с кит., коммент., предисл. Е. А. Торчинова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999.

REFERENCES

- 1. Sapir, E. (1993). Selected works in linguistics and cultural studies. Moscow: Progress Publishing House. (In Russ.)
- 2. Humboldt, W. (1985). Yazyk i filosofiya kultury = Language and Philosophy of Culture. Moscow: Progress Publishing House. (In Russ.)
- 3. Sholokhov, M. A. (1957). Sokrovishchnitsa narodnoy mudrosti = Treasury of folk wisdom. Poslovitsy russkogo naroda: Sobranie V. Dalya = Proverbs of the Russian people, the collection of V. I. Dahl. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russ.)
- 4. Stepanov, Yu. S. (2003). Frantsuzskaya stilistika (v sravnenii s russkoy) = French Stylistics (in comparison with Russian). 3rd ed. Moscow: Editorial Publishing House. (In Russ.)

- 5. Muravyov, V. L. (1975). Leksicheskie lakuny (na materiale leksiki frantsuzskogo i russkogo yazykov) = Lexical Gaps (based on the vocabulary of the French and Russian languages). Vladimir: Vladimir Pedagogical University. (In Russ.)
- 6. Wierzbicka, A. (2002). Russkie kulturnye skripty i ikh otrazhenie v yazyke = Russian cultural scripts: The theory of cultural scripts and its applications. Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii = The Russian Language in a Scientific Light, 2(4), 6–34. (In Russ.)
- 7. Kunin, A. V. (1986). Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka = A course in modern English phraseology. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
- 8. Teliya, V. N. (1966). Chto takoe frazeologiya? = What is phraseology? Moscow: Nauka. (In Russ.)
- 9. Maslova, V. A. (2001). Lingvokulturologiya = Linguoculturology. Moscow: Academia Publishing House. (In Russ.)
- 10. Ge, Khun (1999). Baopu-tszy = Ge Hong Baopuzi. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Салимова Милана Муслимовна

преподаватель кафедры международной информационной безопасности Института информационных наук Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Salimova Milana Muslimovna

Lecturer at the Department of International IT Security, Institute of Information Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 19.05.2022 одобрена после рецензирования 24.06.2022 принята к публикации 27.06.2022

The article was submitted 19.05.2022 approved after reviewing 24.06.2022 accepted for publication 27.06.2022

Научная статья УДК 81'373.45 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_78

Персидские заимствования в русском языке: фонетический аспект

X. Сиями Эйдлак¹, М. Эстири²

¹Боджнордский университет, Боджнорд, Иран, kh.siyami@ub.ac.ir ²Университет Гонбад-Кавус, Голестан, Гонбад-Кавус, Иран m.estiri@gonbad.ac.ir

Аннотация. В данном исследовании авторы проводят краткий анализ фонетической адаптации персидской

лексики в русском языке. В работе представлены примеры персидских заимствований, отобранные путем выборки из ведущих словарей русского языка, которые входят в число общеупотребительной лексики русского языка. В результате исследования были выявлены основные способы

фонетической адаптации персидской заимствованной лексики в русском языке.

Ключевые слова: заимствования, персидский язык, русский язык, фонетическое освоение, произношение

Для цитирования: Сиями Эйдлак X., Эстири М. Персидские заимствования в русском языке: фонетический аспект //

Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки.

2022. Вып. 10 (865). C. 78-83. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_78

Original article

Persian Borrowings in the Russian Language: Phonetic Aspect

Khalida Siyami Eidlak¹, Majid Estiri²

¹University of Bojnord, Bojnord, Iran kh.siyami@ub.ac.ir ²Gonbad Kavous University, Gonbad-Kavous, Iran m.estiri@gonbad.ac.ir

Abstract. In this study, the authors conduct a brief analysis of the phonetic adaptation of Persian vocabulary

in Russian language. The article presents examples of Persian borrowings selected from the leading dictionaries of the Russian language. These words are among the commonly used vocabulary of the Russian language. In the conclusions of the study, the main ways of phonetic adaptation of the

Persian borrowed vocabulary in the Russian language were identified.

Keywords: borrowed words, the Persian language, the Russian language, phonetic development, pronunciation

For citation: Siyami Eidlak, Kh., Estiri, M. (2022). Persian borrowings in the Russian language: phonetic as-

pect. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(865), 78-83. 10.52070/2542-

2197_2022_10_865_78

ВВЕДЕНИЕ

В разные периоды исторического развития в русский язык проникали слова, перенятые из других языков. Этому способствовали различные внешние и внутренние предпосылки. К одним относятся заимствования как фактор межгосударственных контактов различных характеров: политического, культурного, торгового и т. д. К другим относится необходимость в дифференциации понятий лингвистических единиц по семантике и замене их однословным наименованием [Мохаммади, Сиями 2012].

Л. П. Крысин указывает, что заимствованная лексика является результатом процесса перемещения фонологических, семантических, лексических и других единиц из одной языковой системы в другую [Крысин, 2004]. О. Высочина утверждает, что иноязычная лексика в новой языковой системе усваивается через «... три основных этапа: проникновение иноязычного слова в новый язык; ... вхождение его в употребительную лексику заимствующего языка; ... полная формальная и семантическая адаптация» ее в системе нового языка [Высочина 2002, с.31].

Н. М. Шанский рассматривает заимствования слов из одного языка в другой как закономерный процесс в его развитии, так как ни один народ не живет обособленной жизнью [Шанский 1987].

Таким образом, заимствованной может считаться та лексика, которая полностью ассимилировалась в языке-приемнике.

Россия во все времена находилась в тесных контактах различного характера с Востоком. И как результат таких контактов с Ираном в состав современного русского языка также вошло немалое количество иранизмов. Персидские заимствования попали в русский язык еще в давние времена. В частности, в период существования скифов иранизмы попадали в праславянский язык и считались древнейшим слоем русской (славянской) лексики. Однако внимание исследователей они привлекли примерно с 1960 года. Отдельные вопросы заимствованной лексики иранской этимологии в русском языке освещаются в диссертационном исследовании С. М. Мортазави. Исследователь, на основе анализа ведущих словарей русского языка, выявил до 240 персидских заимствований, распределив их по 16 тематическим группам. Другой иранский исследователь Р. М. Акбари выявил уже до 400 таких заимствований, распределив их также по 16 тематическим группам. Таким образом, персидские заимствования сыграли немаловажную роль в формировании лексической базы современного русского языка. Актуальность нашего

исследования заключается в отсутствии надлежащего освещения проблемы персидских заимствований в русском языке в фонетическом аспекте. А данный вопрос представляет интерес для этнографов, историков, этимологов и т. д.

Слово, проникая в иноязычную языковую среду, должно подчиняться его правилам и законам. «Попадая в русский язык, иноязычное слово оказывается в иной языковой системе, отличающейся от языка-источника особенностями фонетического, грамматического строя, обладающей своей графикой, своей системой понятий» [Рахманова, Суздальцева 1997, с. 180]. Следовательно, с целью полноценного функционирования в иноязычной среде заимствованная лексика должна приспособиться и освоиться в нем. В данном исследовании мы приводим способы фонетической адаптации (элизия, апокопа, эпентеза, протеза и др.) повсеместно встречающейся и наиболее часто употребляющейся персидской заимствованной лексики в русском языке.

Объектом исследования является лексика персидской этимологии, функционирующая в русском языке. Предметом данного исследования является фонетическая ассимиляция лексики персидской этимологии в современном русском языке.

В задачи нашего исследования входит изучение единиц заимствованной персидской лексики с точки зрения ее фонетической адаптации в русском языке. Таким образом, целью нашего исследования является выявление и рассмотрение основных способов фонетической адаптации заимствованной лексики персидской этимологии в русском языке.

Методы исследования: одним их основных методов данного исследования был анализ научных источников. Эмпирической базой исследования послужили примеры персидских заимствований, отобранные путем выборки из ведущих толковых, этимологических, академических и других словарей русского языка

основная часть

В процессе заимствований и усвоения иранизмы претерпели всевозможные фонетические изменения, которые были порождены расхождениями в фонетических структурах персидского и русского языков. Персидские заимствования, проникнув в русский язык, подверглись фонетической адаптации согласно правилам русского фонетического строя и его нормам, и часть их уже входит в число общеупотребительной лексики и не воспринимаются как лексика иноязычная.

Процесс заимствования не является механическим перенесением иноязычной лексики из одного языка в другой. В процессе заимствования лексика иноязычной этимологии, проникая в русский язык, подвергается русификации. Она подлежит всевозможного рода изменениям, и одним из значимых параметров ее освоенности является фонетическая ассимиляция в заимствующем языке. Фонетической адаптацией принято называть преобразования и изменения, которым подвергается звуковой фон слова как итог адаптации его к новым фонетическим условиям.

Для последующего анализа нами был отобран ряд слов персидской этимологии, вошедший в общеупотребительный слой лексики русского языка. Они были распределены по трем группам, согласно качественному и количественному освоению:

ЗАИМСТВОВАНИЯ, КОТОРЫЕ ПРЕТЕРПЕЛИ ПОЛНУЮ ФОНЕТИЧЕСКУЮ АДАПТАЦИЮ

Данная группа персидских заимствований характеризуется тем, что характерные для персидского языка звуки практически полностью отсеиваются под влиянием фонетической системы русского языка. К таким словам можно отнести, согласно словарю П. Я. Черных [Черных, 1993], исконно персидское заимствование دوستكان [dustekan], что означает «пить один бокал вина за другим с другом, в знак дружбы, за здоровье». В процессе адаптации оно получило в русском языке звучание стакан. Примечательно, что сегодня персы используют слово استكان [estekan], уже перенятое из русского и адаптированное в персидском языке при помощи дополнительного гласного звука в начале слова – процессы, которое наблюдается практически у всех заимствований в персидском языке, начинающихся на букву «с».

Персидское زیان [zeyan] было перенято в русский язык, где путем протезы получила звучание изъян. Русское слово рокировка также было образовано от персидского слова с [rokh] – помимо фонетической адаптации замены [х] на [к] здесь еще и явно проявляется его морфологическое освоение путем присоединения суффикса.

Интересным представляется фонетическое освоение иранизмов, содержащих в середине слова букву «ش» и адаптированных в русском языке как [ск]. Так, М. Фасмер [Фасмер, 1986] приводит к примеру, что слово شك [moshk] было адаптировано в русском языке мускус, а كو شك [kushk] как киоск.

Таким образом, фонетическим изменениям при заимствовании подвергаются как гласные, так и согласные звуки.

ЗАИМСТВОВАНИЯ, КОТОРЫЕ НЕ БЫЛИ ПОДВЕРГНУТЫ ФОНЕТИЧЕСКИМ ИЗМЕНЕНИЯМ

Данная группа заимствований представляет собой «собственно заимствования». Это такие абсолютные фонетические заимствования, которые вошли в русский язык в своей изначальной звуковой форме, хотя и подверглись модифицированию согласно фонетическим законам русского языка.

Данная группа лексики персидской этимологии в русском языке насчитывает сравнительно малое количество заимствований. В словарях М. Фасмера и А. Преображенского [Преображенский, 1914–1949] к общеупотребительной лексике данной группы персидских заимствований относятся следующие слова:

خاکی - мат, شاخ - вазар, دیو - و нат - ساز ار - мат - مات - хаки, خان - кишмиш, خان - хаки, کشمش - чайхана, بیر - кяриз - دو تار - кяриз - کاریز - одутар - کاریز - бабр, - شال - سال - سال - شال - سال - شال - شال - سال - شال - سال - شال - سال - شال - شال - سال - شال - شال

Русское *топор* в старом иранском языке имело фонетическое оформление, аналогичное современному русскому языку [toporъ]-[tapara]. В новоперсидском языке оно подверглось изменениям и в настоящее время приобрело звучание تبر [täbär].

Д. Н. Ушаков [Ушаков, 2000] и В. И. Даль [Даль, 1989] указывают, что название цветка тюльпан было заимствовано также из персидского языка как – دو لبند [dyulbänd]. Однако в процессе фонетической адаптации произошла замена звонкого согласного [д] на парную согласную [т]. В связи с этим явление, когда происходит чередование внутри группы по звонкости и глухости, можно однозначно отнести в группе слов, которые не были подвергнуты фонетическим изменениям и практически сохранили свое исходное звуковое оформление. Данный процесс также наблюдается и в заимствованном кафтан из персидского языка خفتان [khaftan] (словарь В. И. Даля). Здесь также наблюдается чередование по звонкости-глухости в группе звуков [к] и [х].

Общеизвестно, что слово шахматы – شاهات [shahmat] (по словарю М. Фасмера) также восходит по своим этимологическим корням к персидскому языку. В процессе фонетической адаптации слово подверглось процессу наращивания звука в конце слова – эпентезе, при этом оно абсолютно не утратило своего исконного звучания. Такие персидские заимствования, согласно П. Я. Черных, как алый – الحي [ali], бурый – بور јbur] в процессе адаптации не претерпевают изменений в фонетическом фоне, однако здесь наблюдается процесс

морфологического освоения, представленный в форме аффиксации – плюс окончание.

Отличительной особенностью данной группы персидских заимствований является то, что, проникнув в русский язык и войдя в широкое употребление, они не только не изменили своей семантики, но и не утратили своего фонетического окраса. Однако отметим, что данная группа расширяется медленно по сравнению с группой заимствований, обозначенных ниже.

ЗАИМСТВОВАНИЯ, КОТОРЫЕ ПРЕТЕРПЕЛИ ЧАСТИЧНУЮ ФОНЕТИЧЕСКУЮ АДАПТАЦИЮ

Общеизвестно, что фонетико-фонологические системы русского и иранского языков контрастны (различны). Таким образом, происходит замена специфического звучания слов персидского происхождения на характерное звучание русского языка. Подчеркнем, что данная группа слов резко отличается от предыдущих двух групп по количеству заимствований. К таким словам можно отнести, к примеру, русское балаган (словарь М. Фасмера), образованное от персидского بالإخانه [balakhane], что означает дом сверху или верхний дом.

Слово аршин (словарь П. Я. Черных) образовано от персидского آرنج [aränj], что означает «локоть». Наличие гласного [ä] в иранском языке и предполагает процесс смещения данной фонемы к фонеме [а]. Однако в конкретном слове в итоге фонетической адаптации произошел процесс метатезы, предполагающий взаимную перестановку звуков для облегчения произношения. Смещение гласных также наблюдается в таких вариантах слов, как: درویش [därvish] – дервиш, کار وان [karvan] – караван.

Фонетическое наращивание в начале лексической единицы является довольно частым явлением в процессе фонетической адаптации персидских заимствований в русском языке. К примеру (словарь Л. П. Крысина), كارو انسرا [karvansära] – караван-сарай, كيسد [kise] – кисет, اسر [sära] – сарай и т. д.

В слове شلو [shälvar] (словари Л. П. Крысина и П. Я. Черных), которое в русском языке было зафиксировано как *шаровары*, происходит смещение сонорной [л] в сторону сонорного [р].

 также прослеживается при адаптации слова خربزه [khärbozeh], которое в русском языке приобрело значение дыни, созвучное с русским арбуз. Персидское پایجامه [раіјäme] также претерпевает данный процесс, называемый элизией, но здесь наблюдается и процесс апокопа, заключающийся в отпадении одного или нескольких звуков. В данном примере выпадает [и] в первой части слова ياي [раі], образуя при этом слово пижама.

Немалый интерес вызывает такое явление, как обратное заимствование. В персидском языке обратное заимствование. В персидском языке і [särepa] (словарь Л. П. Крысина) имеет значение наличия «одежды с ног до головы», которое было фонетически адаптировано на русском языке как сарафан. А уже с русского языка данное слово было обратно заимствовано как дейовавить такое персидское слово, как шелово версидское слово, как делово вернулось в персидский язык как делово вернулось в персидский язык как [сhämedan].

Не менее интересен вариант заимствования с персидского языка слова ياسمن (словарь П. Я. Черных). Путем фонетического освоения оно получило звучание в русском языке как жасмин. Однако, жасмин на фарси переводится не как [gole yas]. Возможно, под словом ياسمن предполагается что كل ياس [gole yas] сокращенное от كل ياسمن [gole yas] сокращенное от كل ياسمن [gole yas].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате анализа фонетических преобразований персидские заимствования, проникнувшие в лексику русского языка, были распределены по трем группам.

К первой группе были отнесены слова, которые почти не подверглись фонетическим изменениям в заимствующем языке, а именно в русском языке. При этом отметим, что их семантика также не была изменена.

Ко второй группе были отнесены слова персидской заимствованной лексики, которые подверглись незначительным или частичным фонетическим изменениям. Эта группа является наиболее многословной. Они также сохранили за собой свой семантический фон.

И к третьей группе относятся слова, которые подверглись наибольшим изменениям фонетического фона. Данная группа отличается своей малочисленностью.

Было выявлено, что основная масса слов подвергается таким фонетическим процессам, как:

элизия – отпадения звука с целью упрощения произношения, апокоп – отпадение одного звука в конце слова; эпентеза – наращивание в конце слова дополнительного звука; метатеза – взаимная перестановка звуков, протеза – наращивание

звуков в начале слова, чередование согласных по звонкости-глухости и т.д. Данное исследование может послужить началом для дальнейших изысканий зарубежных и, в частности, иранских специалистов в данной области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Мохаммади М. Р., Сиями Эйдлак Х. Персидские следы в лексике русского языка // Молодой ученый. 2012. № 8. С. 195–199.
- 2. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- 3. Высочина О. Понимание и адаптация иноязычного слова в сознании носителя языка на материале русского и финского языков. Jyvaskyla: University of Jyvaskyla, 2002.
- 4 Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М.: Либроком, 1987.
- 5. Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология: учебное пособие. М.: МГУ, ЧеРо, 1997.
- 6. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1993.
- 7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986.
- 8. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка: в 3 т. М.: Академия наук СССР, 1914–1949.
- 9. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. М.: Астрель, АСТ, 2000.
- 10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1989.
- 11. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006.

REFERENCES

- 1. Mokhammadi, M. R., Siyami Eidlak, Kh. (2012). Persidskie sledy v leksike russkogo yazyka = Persian traces in the vocabulary of the Russian language. Molodoj uchenyj, 8, 195–199. (In Russ.)
- 2. Krysin, L. P. (2004). Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po russkomu yazyku i sociolingvistike = The Russian word, one's own and someone else's: Studies in the Russian language and sociolinguistics. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)
- 3. Vysochina, O. (2002). Ponimanie i adaptaciya inoyazychnogo slova v soznanii nositelya yazyka na materiale russkogo i finskogo yazykov = Understanding and adaptation of a foreign word in the mind of a native speaker based on the material of the Russian and Finnish languages. Jyvaskyla: University of Jyvaskyla. (In Russ.)
- 4. Shanskij, N. M. (1987). Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka = Lexicology of the modern Russian language. Moscow: Librokom. (In Russ.)
- 5. Rahmanova, L. I., Suzdal'ceva, V. N. (1997). Sovremennyj russkij yazyk. Leksika. Frazeologiya. Morfologiya = Modern Russian language. Vocabulary. Phraseology. Morphology: Study Guide. Moscow: MSU, CheRo. (In Russ.)
- 6. Chernyh, P. Ya. (1993). Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka = Historical and etymological dictionary of the modern Russian language. Moscow: Russkij yazyk. (In Russ.)
- 7. Fasmer, M. (1986). Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka = Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols. Moscow: Progress. (In Russ.)
- 8. Preobrazhensky, A. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka = Etymological dictionary of the Russian language: in 3 vols. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1914–1949. (In Russ.)
- 9. Ushakov, D. N. (2000). Tolkovyj slovar' russkogo yazyka = Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Astrel, AST. (In Russ.)

- 10. Dal'V.I. (1989). Tolkovyj slovar'zhivogo velikorusskogo yazyka = Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vols. Moscow: Russkij yazyk, 1989. (In Russ.)
- 11. Krysin, L. P. (2006). Tolkovyj slovar' inoyazychnyh slov = Explanatory dictionary of foreign words. Moscow: Eksmo Publishing House. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сиями Эйдлак Халида

кандидат филологических наук, ассистент профессора Боджнордского университета ORCID 0000-0001-9466-7428

Эстири Маджид

кандидат филологических наук, ассистент профессора Университета Гонбад-Кавус ORCID 0000-0003-0014-4330

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Siyami Eidlak Khalida

PhD (Philology), Assistant Professor, University of Bojnord ORCID 0000-0001-9466-7428

Estiri Majid

PhD (Philology), Assistant Professor, Gonbad Kavous University ORCID 0000-0003-0014-4330

Статья поступила в редакцию 25.01.2022 одобрена после рецензирования 28.02.2022 принята к публикации 01.03.2022

The article was submitted 25.01.2022 approved after reviewing 28.02.2022 accepted for publication 01.03.2022

Научная статья УДК 811.531 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_84

Перевод художественного текста с имплицитным содержанием с корейского языка на русский при помощи автоматических переводчиков (на материале романа Пэ Суа «Непостижимая ночь, неразгаданный день»)

Э. М. Томчина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия emily.tomchin.99@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов автоматического перевода художественных текстов

с имплицитным содержанием. Результаты перевода анализируются на предмет правильного определения стиля, понимания контекста, точности передачи информации, а также сравниваются с переводом, выполненным человеком. Актуальность исследования заключается в высокой востребованности точного автоперевода текстов и, соответственно, усовершенствовании систем

автоматического перевода.

Ключевые слова: автоматический перевод, стратегии перевода, переводоведение, переводоведческий анализ,

имплицитное содержание, корейский язык

Для цитирования: Томчина Э. М. Перевод художественного текста с имплицитным содержанием с корейско-

го языка на русский при помощи автоматических переводчиков (на материале романа Пэ Суа «Непостижимая ночь, неразгаданный день») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 10 (865). С. 84–89. DOI

10.52070/2542-2197_2022_10_865_85

Original article

Translation of Literary Text With Implicit Content from Korean into Russian Via Automatic Translators (based on the novel by Bae Suah "Untold Night and Day")

Emilia M. Tomchina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia emily.tomchin.99@mail.ru

Abstract. The article analyses the results of auto-translated texts of various styles with implicit content. The

results are analysed on the correct definition of style, understanding of the context, accuracy of information transfer, and further comparison with translated text made by human. The relevance of the study lies in the high demand for accurate automatic translation of texts and, therefore,

improvement of the automatic translation systems.

Keywords: automatic translation, translation strategies, translation studies, translation analysis, implicit con-

tent, the Korean language

For citation: Tomchina, E. M. (2022). Translation of literary text with implicit content from Korean into Russian via

automatic translators (based on the novel by Bae Suah "Untold Night and Day"). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(865), 84–89. 10.52070/2542-2197_2022_10_865_84

ВВЕДЕНИЕ

Существует мнение, что автоматический перевод неточно передаёт смысл текста, неграмотен с точки зрения языка перевода, особенно что касается нестандартных языковых пар для перевода, например, корейский-русский. Тем не менее, несмотря на недоверие к такому типу переводов, данное направление активно развивается, и со времен зарождения машинного перевода произошли значительные изменения. Многие крупные компании, предоставляющие услуги перевода, лингвистические лаборатории и НИИ, занимаются усовершенствованием систем перевода, проводят исследования в области искусственного интеллекта. По данным «Мэмсоурс» (Memsource), одной из ведущих компаний по предоставлению систем перевода, многие платные программы и технологии позволяют исправлять грамматические и лексические ошибки при переводе, сохранять информацию для дальнейших переводов, при этом имея возможность работать с десятками языков, в том числе и с редкими [Шейбенграф, 2021]. Связано это с тем, что автоматический перевод гораздо дешевле и быстрее по сравнению с работой человека, а в условиях современного темпа работы и жизни скорость и количество результата зачастую приоритетнее качества.

Исходя из вышесказанного, нельзя не отметить актуальность исследования автоматического перевода на предмет передачи имплицитной информации. Экспликация имплицитной информации происходит на интуитивном уровне [Комиссаров, 1999], поскольку каждый человек обладает набором фоновых знаний о мире, культурах разных народов, языке и т.д. Соответственно, при данных ему «намеках» в виде тех или иных лингвистических приемов человек дешифрует имплицитное содержание. С точки зрения К. А. Долинина имплицитной называется «та часть информации, которая прямо не выражена в языковых знаках, составляющих высказывание, но так или иначе извлекается из него» [Долинин, 2010]. Данный тип информации может быть представлен в виде метафоры, аллегории, аллюзии, загадки, фразеологизма и т.д. [Ерохина, 2020]. Кроме того, важным элементом при дешифровке имплицитной информации является понимание дискурса произведения, о чем говорили такие известные лингвисты, как Ю. М. Лотман и Т. А. ван Дейк. Также был введен метод дискурс-анализа в трудах М. Л. Макарова для изучения социально-культурной динамики общества [Макаров, 2003].

Считается, что автоматический переводчик зачастую некорректно переводит подобные

элементы текста. В данной статье будет проводиться анализ автоматического перевода художественного текста на предмет точности передачи элемента речи с имплицитным содержанием, а также синтаксической, лексической и грамматической грамотности. Кроме того, полученные результаты будут сравниваться с переводами, сделанными человеком с последующим анализом и оценкой на предмет точности перевода. Для автоматического перевода применяется онлайн-переводчик «Гугл Переводчик» (Google Translate).

ПОДБОР МАТЕРИАЛА

Для данного исследования был подобран художественный роман современной южнокорейской писательницы Пэ Суа «Непостижимая ночь, неразгаданный день» (оригинал: «알려지지 않은 밤과 하루» [аллёчжичжи анын памгва хару] [배, 2013]). Причина выбора данного текста заключается в том, что авторы исследования непосредственно участвовали в работе над переводом романа. Помимо этого, повествование построено, в основном, на аллюзиях, отсылках и метафорах, что усложняет перевод текста не только для автоматического переводчика, но также и для традиционного перевода. Пример текста показателен тем, что неверная передача того или иного элемента, содержащего имплицитную информацию, приведёт к потере заложенной автором идеи и смысла самого текста. Следовательно, подобный текст является показательным примером для проверки качества автоматического перевода. С учетом ограниченного количества объема текста в качестве примеров для исследования сделана подборка отрывков текста с наиболее важным сюжетным содержанием, то есть с теми элементами, которые нельзя опускать или искажать при переводе.

ЭТАП ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Цель настоящего этапа: определение жанра и стиля произведения в целом. При этом должны быть выработаны критерии системы разметки элементов, содержащих имплицитную информацию, в тексте оригинала; осуществление передачи семантической и стилистической составляющих произведения без нарушения языковых особенностей русского языка.

Результаты перевода представлены в следующих примерах:

1) 두터운 시멘트 건물 벽면과 육중한 철제와 거대 한 유리 시설물, 대지 전체를 뒤덮은 뜨거운 아 스팔트에서는 이글거리는 화장장 의열기가뿜 어져나오고드러난살과피부, 눈동자와털과같은 온갖 동물성 유기물들이 땀과 함께 열기에 연 소되면서 거리는 온 통 분화구처럼 움푹한 화 염의 구덩이로 변했다. 어느 방향으로 얼굴을 돌 려도 수천 개의 불화살이 눈과 피부에 치명적 인 화상을 입 혔다. 수천 개의 별들이 동시에 폭 발했다. 유성들이 불타고 가스 가 연소하며 어 두운 재가 천체의 궁륭에 달라붙었다. 모든 빛 이 차단되었다. 밤이 발생했다 [배, 2013, c. 23]. -Толстые цементные стены здания, тяжелые железные и огромные стеклянные сооружения, раскаленный асфальт, покрывавший всю площадку, выплескивали жар крематория, и всё это превратилось в полую огненную яму, похожую на воронку. Тысячи огненных стрел наносили смертельные ожоги глазам и коже, независимо от того, в каком направлении они были направлены. Тысячи звезд взорвались одновременно. Горели метеоры, горел газ, и темный пепел прилипал к сводам небесных тел. Весь свет был заблокирован. Ночь случилась.

В данном случае автор описывает невыносимо жаркое лето в Сеуле. Читатель способен понять это, не имея перед собой контекста. Этот пример показателен тем, что, не обладающий ни контекстом, ни знанием дискурса, автоматический переводчик в целом справился с задачей передать созданные автором образы. Однако, при переводе были допущены лингвистические ошибки, например, буквально переведено «полая яма» (а не предложенное переводчиками «жерло извергающегося вулкана» [Пэ, 2021], что в данном дискурсе уместно), что не является устойчивым сочетанием в русском языке; тавтология выделяется во фразе «независимо от того: в каком направлении они были направлены». В предложении «ночь случилась» нарушена структура сочетаемости слов. Кроме того, при введении данного словосочетания в национальный корпус русского языка были получены четыре результата, в которых глагол «случилась», относился к другому члену предложения. Например, в предложении «в эту ночь случилась гроза» [Национальный корпус русского языка] представлено подобное сочетание слов. С точки зрения перевода с корейского языка, правильнее было бы передать приведенную в примере фразу как «ночь настала» или, как в переводе романа: «Порождал ночь» [Пэ, 2021]. В этом примере также была изменена конструкция предложения посредством применения приема парцелляции, что не только сохраняет смысл и структуру русского языка, но и привносит динамический элемент в повествование. Таким образом, можно сделать вывод, что при отсутствии значимого контекста и дискурсивных маркеров автоматический переводчик способен передать этот отрывок так, что читатель сможет эксплицировать данную ему информацию.

Перейдем к следующему примеру:

그러나 더위는 물러가지 않았다. 육체의 조직 과 조직을 이어주는 점성질의 섬유들은 밤이 면 더욱 느슨하게 이완되었고 흐느적거리며 의 식의 가장자리를 맴돌았다. 잠의 세포는 아이 덴티티를 잃었다. 정체성의 암호가 풀렸다. 잠 의 세 포막이와 해 되면서 혼수와 꿈이 뒤섞였 다. 그것은 일년 중 가장 엷고 희박하며 확장 된 잠의 시기였다. 그에 반해서 비중과 농도가 가장 강렬해진 꿈의 콜로이드가 지배하는 시기 였다 [배, 2013, с. 23]. - Но жара не ушла. Вязкие волокна, соединяющие ткани тела, более рыхло расслабляются ночью и зависают на краю сознания, томясь. Клетки сна утратили свою индивидуальность. Идентификационный код был разблокирован. По мере того как клеточные мембраны сна разрушались, вялость и сновидения смешивались, это был самый тонкий, самый тонкий и самый продолжительный период сна в году. С другой стороны, это был период, когда преобладали коллоидные сновидения, имевшие наибольшую интенсивность и интенсивность.

В приведенном отрывке присутствуют заимствованные из английского слова: «идентификационный код», «клеточные мембраны», «коллоид». В последних двух случаях переводчики также сочли нужным оставить иноязычную научную терминологию, поскольку эти термины не нарушают восприятие читателем текста и передают стиль автора, что немаловажно при переводе. Однако, в случае с «идентификационным кодом» уместно заменить данную конструкцию, поскольку именно в этом примере имеется ввиду именно сущность предметов, а не просто код, который им присвоен. Соответственно, автоматический переводчик не смог учесть данный контекст и передал это предложение дословно.

В оригинале этого отрывка представлены ряды синонимов, которые автоматический переводчик не передал: «это был самый тонкий, самый тонкий...»; «имевшие наибольшую интенсивность и интенсивность». Это доказывает тот факт, что в базе данных переводчика нет синонимического разнообразия для корейского языка, в результате чего передача синонимичных эпитетов и определений для него невозможна. Отметить можно также ошибки в

пунктуации, а именно обособление вводных конструкций. Кроме того, заметно несоблюдение единства категории времени в абзаце: некоторые предложения написаны в прошедшем времени, некоторые — в настоящем. В целом можно сказать, что идентифицировать данную автором метафору в этом переводе проблематично не только из-за синтаксических недочетов, но и лингвистических ошибок.

Приведем еще один пример:

3) 그들이 대화에 열중한 사이 플랫폼은 기차를 타려는 사람들로 가득 찼다. 깜짝 놀랄 만큼 많은 군중이 깜짝 놀랄 만큼 짧은 시 간 안에 플랫폼을 촘촘하게 채우고 있었다. 통조림 속 의 정어리처 럼 촘촘하게, 하고 볼피는 생각했 다. 게다가 다들 먼 길을 떠나는 양 엄청나게 커다란 가방이나 짐을 들고 있었다. 그들은 말 이 없었다. 심지어 어린 아이들까지도 입을 다 물고 있었다. 이상한 조명 아래서 그들의 얼굴 은 회녹색에 가깝게 보였다. 한자리에 서서 크 고 작은 촛대처럼 꼼짝하지 않는 사람들은 말 없이 기차를 기다리 면서 눈에 띄게 거친 질 감의 무명 한복을 입은 아야미를 물끄러미 응 시했다 [배, 2013, с. 184]. - Пока они разговаривали, платформа заполнилась людьми, пытающимися сесть в поезд. Поразительная толпа заполнила платформу за поразительное количество времени. «Плотные, как сардины в банке», - подумал Вольфи. Кроме того, все несли огромные сумки или поклажу, собираясь в дальнюю дорогу. Они потеряли дар речи. Даже самые маленькие держали рот на замке. При странном освещении их лица казались почти серо-зелеными. Стоя неподвижно, как большие и маленькие подсвечники, люди молча ждали поезда, пристально глядя на Аями в явно грубоватом хлопковом ханбоке.

Данный отрывок представляет собой аллюзию на переход в загробный мир. Читатель может это понять по имплицитно данным ему намекам: вокзал и поезд как символ перехода из одного мира в иной, землисто-серые лица пассажиров, гробовая тишина. Стоит отметить, что в этом отрывке автоматический переводчик смог передать оттенок: «серо-зеленые лица», а также устойчивые выражения «потеряли дар речи» и «держать рот на замке». Тем не менее, последнее высказывание, с точки зрения русского языка, здесь стилистически неуместно, поскольку оно является достаточно грубым и не подходит к описанной сцене. Кроме того, выражение «как сардины в бочке» автоматический переводчик не

смог передать. Это связано с тем, что оно вписано в прямую речь героя, что не позволяет алгоритму считать эту фразу как отдельное высказывание. Также хочется выделить то, как переводчик передал описание одежды Аями: «явно грубоватый хлопковый ханбок», в котором также присутствуют лингвистические ошибки. Тем не менее, несмотря на количество ошибок, читатель сможет представить сцену и действующие лица, но не в полной мере.

Нельзя также не упомянуть про передачу имен персонажей, что является одним из главных отличительных черт произведения. Например, имя героя, которое в оригинале звучит как «Вольфи», на самом деле происходит от итальянского слова «volpe» — лиса. Данный персонаж — иностранец, что и подчеркивает его имя. Во-вторых, с его появлением в описании окружения, до этого представленного в мрачных и серых тонах, вносятся охристые и рыжие оттенки, которые можно ассоциировать с животным, в честь которого назван персонаж. В переводе, сделанным онлайн-переводчиком, данная информация отсутствует, в связи с чем у читателя не возникнет необходимых ассоциаций с персонажем.

выводы

На основе полученных результатов можно сделать следующие выводы о работе автоматического переводчика и его применения при переводе художественного текста: алгоритм переводчика справляется с задачей перевести эксплицитную информацию, поскольку он работает по принципу перевода слов без учета контекста и дискурса, ограничиваясь передачей общеязыковых явлений. В случае с имплицитной информацией и авторскими оборотами возникают сложности, поскольку некоторые метафоры, эпитеты и аллюзии искусственный интеллект переводчика всё же способен передать, но только в том случае, если они есть в его базе данных или же они достаточно распространены в языке. В некоторых случаях читатель сможет считать имплицитную информацию в нередактированном переводе, однако в таком тексте, наряду с пунктуационным, синтаксическими и лингвистическими ошибками, что мешает восприятию информации, будет отсутствовать художественная составляющая произведения: ритм, мелодика текста, богатство эпитетов и синонимов, оригинальные авторские конструкции и т.д. Соответственно, можно сделать вывод, что на данном этапе развития технологий автоматический переводчик не может заменить труд и глубину знаний живого переводчика. Немаловажным аспектом также является послесловие переводчиков, где с помощью метаязыка описываются, уточняются и эксплицируются наиболее значимые детали произведения. Поскольку понимание имплицитной информации зачастую зависит от степени эрудированности и опыта читателя, послесловие во многих случаях способствует пониманию прочитанного. По словам Жиля Делёза, «то, что хуже всего поддается переводу в тексте, является в нем наименее банальным, а потому более всего заслуживает внимания» [Делёз, 1998, с. 281]. Например, переводчики указали в послесловии на происхождение имени Аями, которое является названием духов в корейском шаманизме. Данная информация не упоминается в романе, однако указание на этот факт дает читателю возможность по-другому воспринять роман. Кроме того, при переводе также важно понимать, какие авторские конструкции следует передавать дословно, а какие подлежат перефразировке, поскольку соблюдение авторского стиля повествования, динамики текста, особенностей персонажей является одной из основных целей переводчика, с которой не справляется искусственный интеллект. Таким образом, в работе с художественным произведением автоматические переводчики не соблюдают множества аспектов, необходимых для выполнения качественного перевода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос о том, сможет ли машина заменить человека, обсуждается с начала создания первых электронно-вычислительных машин. несмотря на то, что сейчас многие компании пользуются автоматическими переводчиками для перевода технических текстов или официально-деловых документов, результаты проведенного исследования показывают, что, когда речь идет о художественном тексте, об искусстве, алгоритм не способен передать глубины смыслов и лексического разнообразия, на которые способен ум человека. Тем не менее, как уже было сказано, искусственный интеллект постоянно учится и развивается. Именно поэтому хотелось бы не останавливаться на полученных результатах, а продолжать анализировать и сравнивать перевод других текстов, включать в исследование новые жанры и стили, сравнивать перевод одного и того же отрывка через определенные отрезки времени в разных системах автоматического перевода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Шейбенграф М. Полный список возможностей технологий в переводе. Мэмсоурс, 2021. URL: https://www.memsource.com/blog/translation-technology/ (дата обращения: 30.04.2022).
- 2. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. М.: ЧеРо, 1999.
- 3. Долинин К. А. Интерпретация текста: Французский язык: учебное пособие. Изд. 4-е. М.: КомКнига, 2010. URL: http://philologos.narod.ru/dolinin/hermen.htm#d-17 (дата обращения: 28.06.2022)
- 4. Ерохина А. М. Подтекст как способ моделирования художественного текста и как критерий его смысловой ёмкости: на материале текстов Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и Б. Акунина «ФМ»: дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2020.
- 5. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. С. 203 242.
- 6. 배수아, 알려지지 않은 밤과 하루 = Пэ Суа. Невысказанная ночь, неразгаданный день. «자음과 모음» 2013. 216적.
- 7. Пэ, Суа. Непостижимая ночь, неразгаданный день. М.: Inspiria / Серия «Loft. Восточная коллекция», 2021.
- 8. Национальный корпус русского языка. URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i_gr tagging&nodia=1&text=lexform&req=Ночь+случилась (дата обращения: 05.05.2022).
- 9. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998.

REFERENCES

 Scheibengraf, M. (2021). A complete guide to translation technology. Memsource. https://www.memsource.com/ blog/translation-technology / (access date: 30.04.2022).

- 2. Komissarov, V. N. (1999). Obschaya teoriya perevoda. Problemy perevodovedeniya v osveschenii zarubezhnykh uchyonykh = General Translation Theory. Issues of translation studies in foreign scientists' studies. Moscow: CheRo. (In Russ.)
- 3. Dolinin, K. A. (2010). Interpretacija teksta: Francuzskij jazyk = Interpretation of Text: the French Language: Studybook. 4th edition. Moscow: KomKniga. http://philologos.narod.ru/dolinin/hermen.htm#d-17 (access date: 28.06.2022). (In Russ.)
- 4. Erokhina, A. M. (2020). Podtekst kak sposob modelirovaniya khudozhestvennogo teksta i kak kriteriy yego smyslovoy yomkosti: na materiale tekstov F.M. Dostoyevskogo "Prestupleniye i nakazaniye" i B. Akunina "FM" = Subtext as a way of modeling a literary text and as a criterion for its semantic capacity: based on the texts of F.M. Dostoevsky "Crime and Punishment" and B. Akunin "FM". Phd Paper. Vologda. (In Russ.)
- 5. Makarov, M. L. (2003). Osnovy teorii diskursa = The Basics of discourse theory. Moscow: Gnozis. (In. Russ.)
- 6. 배수아. (2013). 알려지지 않은 밤과 하루= Bae Suah. Untold Night and Day. 서울: «자음과 모음»= Seoul: Chaŭmqwa moŭm.
- 7. Bae, Suah (2021). Nepostizhimaya noch, nerazgadannyi den' = Untold Night and Day. Moscow: Inspiria. Vostochnaya Kollektsiya. (In Russ.)
- 8. National corpus of the Russian Language. https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&my corp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort =i_grta qqinq&nodia=1&text=lexform&req=Ночь+случилась (access date: 05.05.2022).
- 9. Deleuze, G., Guattari F. (1998) Chto takoye philosophiya? = What is philosophy? Translated from French into Russian by S. N. Zenkin. Moscow: Institute of Experimental Sociology, St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Томчина Эмилия Марковна

аспирант, преподаватель кафедры переводоведения и практики перевода английского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tomchina Emilia Markovna

PhD student, Lecturer at the Department of Translation Studies and Practice of Translation of the English Language, Faculty of Translation abd Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 19.05.2022 одобрена после рецензирования 24.06.2022 принята к публикации 27.06.2022

The article was submitted 19.05.2022 approved after reviewing 24.06.2022 accepted for publication 27.06.2022

Научная статья УДК 811.41.21 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_90

Проблема перевода реалий общественно-политического дискурса арабского языка

Л. С. Тюрева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия tyurewa@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме перевода общественно-политических реалий арабского языка,

которые являются отражением явлений общественно-политической жизни арабских стран, истории их народов. Некоторые реалии возникли путем расширения значения какого-либо слова, придания ему нового значения; многие образуются путем «сжатия» составных частей словосочетания. При переводе таких реалий особую роль играет знакомство переводчика с жизнью

и историей носителей арабского языка.

Ключевые слова: реалии, общественно-политическая жизнь, фоновые знания, контекст, дискурс

Для цитирования: Тюрева Л. С. Проблема перевода реалий общественно-политического дискурса арабского язы-

ка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные нау-

ки. 2022. Вып. 10 (865). С. 91-97. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_90

Original article

The Problem of Translating the Realities of the Socio-Political Discourse of the Arabic Language

Lyudmila S. Tyureva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia tyurewa@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of translating the socio-political realities of the Arabic

language, which are a reflection of the phenomena of the socio-political life of Arab countries, the history of their peoples. Some realities arose by expanding the meaning of a word, by giving it a new meaning. Many are formed by "compressing" the constituent parts of the phrase. When translating such realities, a special role is played by the translator's knowledge of the life and history of the

Arabic-speaking people.

Keywords: realities, social and political life, background knowledge, context, discourse

For citation: Tyureva, L. S. (2022). The problem of translating the realities of the socio-political discourse of

the Arabic language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(865), 90-97.

10.52070/2542-2197_2022_10_865_90

ВСТУПЛЕНИЕ

В данной статье мы рассматриваем проблему перевода специфических реалий арабского литературного языка (далее АЛЯ) как переводоведческой категории. При этом надо понимать, что, разделяя позицию А. В. Федорова, под «реалией» мы имеем в виду слово (или словосочетание), а не объект, названный им [Федоров, 1958, с. 154].

Слова, обозначающие национально-специфические особенности общественно-политической жизни и истории стран переводимого языка, не всегда существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке – это реалии, являющиеся объектом особого внимания при переводе текста. Мы позволили себе широкую трактовку понятия общественно-политических реалий арабского языка. Это не только наименования органов власти, политических организаций, движений, учреждений и т. п., но и значительный ряд лексем и устойчивых словосочетаний, называющих процессы, явления и факты общественно-политической жизни арабских стран.

Многие специфические реалии такого рода возникли в общественно-политическом дискурсе арабских стран в прошедшее столетие, которое характеризовалось бурными событиями на Ближнем Востоке, последовавшими за Первой и Второй мировыми войнами, созданием государства Израиль и проблемами, порожденными этими событиями и неурегулированными до сих пор. Этот процесс урегулирования продолжается и сейчас. Таким образом, эти общественно-политические реалии являются отражением явлений общественно-политической жизни арабских стран, истории их народов. Они общеупотребительны и знакомы всем или большинству носителей ИЯ.

Проблеме перевода общественно-политических реалий большое внимание уделял А. В. Фёдоров. Он подчеркивал решающую роль контекста, как узкого, так и широкого, а также знания действительности и правильного представления о вещах, стоящих за труднопереводимым словом.

Специфика арабских общественно-политических реалий заключается в том, что значительное число их имеют эквивалент в русском языке, но это, по определению А. В. Фёдорова, «ложный эквивалент» [Федоров, 1958, с. 145]. Например, словосочетание حل الدولتين Словарь дает два

значения глагола 👗 , масдаром которого является первый компонент этого словосочетания. Эти значения: «распускать, разгонять» и «разрешать (проблему)». Таким образом, дословный перевод рассматриваемого словосочетания мог бы быть «роспуск двух государств» или «решение (проблемы), выработанное двумя государствами». Подлинное значение этого словосочетания: «решение палестино-израильской проблемы таким образом, чтобы (на данной территории) сосуществовали два государства». Можно привести много примеров, подтверждающих тезис С. И. Влахова о том, что «независимо от общности законов человеческого мышления, одни и те же с виду слова отражают неодинаковые представления» [Влахов, Флорин, 2012, c. 175].

В данной статье мы пытаемся проанализировать способы образования общественно-политических и исторических реалий в АЛЯ и описать способы перевода таких реалий, а также выявить определенные закономерности в их переводе.

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

Анализ специфических реалий общественно-политического и исторического дискурса АЛЯ позволяет выделить отдельные их группы по способу образования.

Следует иметь в виду, что реалии как лексические или фразеологические единицы отражают тесную связь явления, обозначаемого реалией, с народом и историческим отрезком времени, причем народ вкладывает в эти слова свои понятия. Поэтому словарные значения таких реалий, как, например, الأنتفاضة «восстание», النكبة «катастрофа» не передают во всей полноте суть обозначаемых ими явлений, связанных с судьбой палестинского народа. В связи с тем, что такие реалии хорошо известны осведомленному русскоязычному читателю, русский язык часто заимствует их путем транслитерации.

Некоторые слова-реалии возникли на базе арабского корнеслова либо путем расширения значения какого-либо слова для передачи реалий изменяющейся действительности, иногда придачи ему нового значения, либо путем образования новых словоформ от арабских корней.

Примеры:

Реалия	Словарное значение	Новое значение
ثو ابت	неподвижные звезды	незыблемые принципы

Реалия	Словарное значение	Новое значение		
مرجعمرجعيات	авторитетный источник	общепризнанные (международные) правовые акты (нормы)		
избирать себе новую родину, поселяться поселяться на чужой, оккупированно		поселяться на чужой, оккупированной территории		
новое поселение		израильское поселение на оккупированной палестинской территории		
أسرلة	не приводится в словаре	израилизация		

Иногда существующему слову придается Н новое значение, и такая замена становится узусом.

Например:

Реалия Словарное значение		Новое значение		
расовые чистки		этнические чистки		
поселенческие очаги البؤر الإستيطانية		поселенческие центры		

Значительное число реалий образовалось путем «сжатия» составных частей словосочетания.

Например:

Исходное словосочетание	«Сжатое» словосочетание	Перевод		
حل القضية الفلسطينية-الإسرائيلية	حل الدولتين	Двухгосударственное решение палестино-израильской проблемы		
على أساس مبدأ دولتين				
حل قائم على الدولتيْن	حل الدولتين	Двухгосударственное решение палестино-израильской проблемы		
الضفة الغربية لنهر الأردن	الضفة	Западный берег реки Иордан		
قضية الصحراء الغربية	قضية الصحراء	Проблема Западной Сахары		
السلطة الوطنية الفلسطينية	السلطة	Палестинская национальная администрация		
السلطات الإسرائيلية الإحتلالية	الاحتلال	Израильские оккупационные власти		
منظمة التحرير الفلسطينية	منظمة التحرير	Организация освобождения Палестины (ООП)		

Некоторые реалии сложились как общепринятые штампы и сохраняют свое первоначальное, ранее присущее им значение. Примером такого типа реалий является الأوسط «проблема ближневосточного урегулирования».

При использовании данного клише речь идет об урегулировании именно палестино-израильской проблемы, хотя в настоящее время на Ближнем Востоке возникли новые актуальные проблемы, требующие урегулирования. К ним можно отнести, например, кризис в Сирии, войну в Йемене.

К историческим реалиям можно отнести такие словосочетания, как وعد بلفور «Декларация Бальфура», وعد بلفور «Договор Сайкса-Пико», называющие документы, которые легли в основу создания государства Израиль и раздела Ближнего Востока между империалистическими державами после Первой мировой войны. Эти реалии хорошо известны большинству жителей региона, но требуют пояснения для русскоязычного читателя.

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Лингвисты определяют особенность многих реалий как непереводимость по стандартным переводческим стратегиям. Отражая национальный или исторический колорит, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках и, следовательно, не поддаются переводу на общих основаниях и требуют особого подхода.

В некоторых случаях имеет место «освоение арабских реалий» путем транслитерации.

Так, в русских СМИ используют словосочетание «арабская интифада» (إلانتفاضة العربية), как правило, без дополнительных разъяснений. Дословный перевод «арабское восстание» здесь невозможен, так как в это словосочетание вкладывается особое значение. В широкий обиход эта реалия вошла в конце 80-х годов XX века, когда на оккупированных территориях Палестины началось движение неповиновения,

перешедшее в открытую вооруженную и даже террористическую форму борьбы. Таким образом, арабская интифада – это восстание арабов Палестины против оккупационных властей. Первоначально в качестве орудий против израильтян палестинцы использовали камни и другие подручных средства, поэтому второе название этой интифады – «война камней».

Также широко используется аббревиатура -дословно: «Движе – حركة المقاومة الإسلامية) Хамас ние исламского сопротивления»), название ливанской шиитской исламистской политической партии Хизбалла (حز ب الله – дословно: «Партия Аллаха»). В названии террористической организации «Движение исламского джихада», запрещенной в России, транслитерирован один элемент – джихад (حياد – борьба за веру). В текстах соответствующей тематики не переводят, как правило, реалию Накба (النكبة «катастрофа»). Термин используется с 1948 года применительно к исходу около 725 тысяч палестинских арабов вследствие Арабо-израильской войны и Шестидневной войны. «Ливийская Джамахирия это название государства во «الحماهيرية اللبية времена правления Муаммара Аль-Каддафи, в котором транслитерирован один компонент, относящийся к пласту безэквивалентной лексики.

С другой стороны, арабская аббревиатура Даиш (название на арабском языке террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта (Шама)», запрещенной в России), «не прижилась» в русском политическом дискурсе. За этой организацией закрепилось название Игил, т. е. русская аббревиатура этого названия или просто «Исламское государство», хотя русское словосочетание «исламское государство» применительно к террористической организации выглядит не совсем корректно в нашей стране, где значительный процент населения составляют мусульмане.

При переводе прочих реалий особую роль играют фоновые знания переводчика, что предполагает его знакомство с жизнью и культурой народа-носителя соответствующего языка. Ведь лексические единицы, связанные с историей, географией, политикой и т. д., относятся, по определению С. И. Влахова, к «ситуативным реалиям» [Влахов, Флорин, 2012, с. 26], и их перевод является ситуативным переводом. Речь в этом случае идет не о дословном переводе, а о подборе эквивалента слова или словосочетания. Говоря о переводе реалий, этот автор замечает: «Многое из того, что нужно "читать между строк" и что, тем не менее, выражено или подсказано так или иначе языковыми средствами, не вмещается в узкие рамки отдельных слов-реалий» [там же]. И далее: «Нужны объяснения, страноведческий комментарий или, по меньшей мере, оговорка в самом тексте» [Влахов, Флорин, 2012, с. 26-27].

التسوية في الشرق الأوسط Так, словосочетание «ближневосточное урегулирование» подразумевает, в первую очередь, решение палестино-израильской проблемы и, в некоторой степени, сирийско-израильской проблемы, т. е. проблем, которые возникли в результате оккупации Израилем палестинской и сирийской (Голанские высоты) территорий в результате войны, имевшей место на Ближнем Востоке в прошлом веке. В настоящее время ситуация на Ближнем Востоке существенно изменилась, возникли новые актуальные проблемы, полыхает война в Йемене, сохраняются очаги напряженности التسوية في الشرق الأوسط в Сирии и др., но штамп «ближневосточное урегулирование» не утратил своего первоначального значения (т. е. решение палестино-израильской проблемы). При переводе на русский язык нельзя ограничиться переводом штампа как «ближневосточное урегулирование», особенно для далекого от этой проблемы читателя. Требуется отдельное пояснение.

К штампам можно отнести и целый ряд широко используемых реалий, образованных путем «сжатия» их лексического наполнения. Наглядным примером является приведенное выше словосочетание حل الدولتين «букв.: решение двух государств», фактически означающее «решение палестино-израильской проблемы таким образом, чтобы (на данной территории) сосуществовали два государства». Если восстановить все пропущенные компоненты словосочетания, будем читать . حل القضية الفلسطينية-الإسر ائيلية على أساس مبدأ دو لتين В реалии сохранены лишь первый и последний компоненты словосочетания. Данный пример наглядно показывает, что специфическую реалию нельзя воспринимать как сумму значений составляющих ее компонентов. В то же время значение составляющих ее слов не утрачено, словосочетание лишь «сжато» в целях большей лаконичности. Дословный перевод такой реалии неприемлем.

Данная реалия прочно вошла в общественнополитический дискурс арабских стран, а для переводчиков она представляет определенную сложность. Переводчик должен руководствоваться тем, какой читательской аудитории адресован этот текст. Если перевод выполняется, например, для МИД РФ или для другого осведомленного читателя, можно ограничиться кратким переводом «двухгосударственное решение». Если реципиентом является читатель, не знакомый с деталями проблемы, лучше дать развернутый перевод этого «сжатого» словосочетания.

В арабском языке сложилась традиция сокращать («сжимать») некоторые словосочетания-реалии, хорошо известные носителям арабского языка и часто используемые в общественно-политическом дискурсе. Например:

Реалия Буквальный перевод		Значение		
الضفة	берег	Западный берег реки Иордан		
قضية الصحراء	проблема пустыни проблема Западной Сахары			
السلطة	власть	ласть Палестинская национальная администрация		
الإحتلال	оккупация	израильские власти или оккупационные власти		

ПРИМЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «СЖАТЫХ» РЕАЛИЙ В АРАБСКОМ ТЕКСТЕ (ЗАГОЛОВКИ СТАТЕЙ):

ألإحتلال يعتقل فلسطينية	Оккупационные власти арестовали палестинку	
متحدث حكومي: لا بوادر لحل الأزمة المالية للسلطة	Представитель правительства: нет признаков разрешения финансового кризиса Палестинской национальной администрации	
الأمم المتحدة تحذّر من وضع اقتصادي مربع في مناطق "السلطة"	обттредупреждает о пижелом эконоги теском ситуации в района	
وناقش الطرفان حينذاك جملة من القضايا؛ بينها الملف السوري وقضية الصحراء	Тогда стороны обсудили ряд вопросов, включая сирийскую проблему и проблему Западной Сахары (из текста статьи)	
"حملة انقضاض» إسر انيلية في القدس و ا لضفة	Израильская «кампания наступления» в Иерусалиме и на Западном берегу Иордана	

Такие «сжатые» варианты реалий можно встретить и в заголовках статей и в тексте даже при первичном употреблении данной реалии. Естественно, слова الإحتلال السلطة الضفة в качестве реалий будут содержаться в тексте, рассказывающем об обстановке в Палестине, а словосочетание не в тексте, посвященном проблемам северной Африки. Владение фоновыми знаниями, т. е. знание внеязыковой действительности, связанной с жизнью и культурой носителей ИЯ,

позволяет переводчику донести до читателя значения реалий, образованных посредством «сжатия» их лексического наполнения и исключающих дословный перевод.

В данном случае речь идет о переводе хорошо известных лексических единиц в их контекстуальном значении или о «контекстуальном переводе».

Следует заметить в этой связи, что аналогичное явление «сжатия» или эллипсиса отмечается в АЛЯ и при образовании терминов. Например:

Первоначальный Перевод Вариант термина		Устоявшийся термин	Перевод	
	التضخم المالي	Инфляция (<i>букв.</i> : разбухание денежной массы (в обращении))	التضخم	Инфляция (<i>букв.</i> : разбухание)
	المنخفض الجوي	Циклон (<i>букв.</i> : область низкого атмосферного давления)	المنخفض	Циклон (<i>букв.:</i> низина)

К историческим реалиям, хорошо известным носителям арабского языка, но вряд ли понятным русскому читателю и требующим дополнительного пояснения в виде

страноведческого комментария, относятся, например, وعد بلفور «декларация Бальфура» и وعد بلفور «соглашение Сайкса – Пико». Пример заголовка статьи:

لفلسطينيون يطالبون بريطانيا	Палестинцы требуют от Великобритании признания
الاعتراف بـ ﴿ الدولة › كاعتذار عن	Палестинского государства в качестве извинения за
«وعد بلفور»	«Декларацию Бальфура»

Пояснение данной реалии может содержаться в сноске. Кроме того в этом заголовке опущено (подверглось «сжатию») слово «палестинское», которое при переводе мы восстановили.

К историческим реалиям относятся также исторически сложившиеся штампы, которые продолжают отражать существовавшую ранее ситуацию. Для их перевода необходимо знание «штампов», т. е. принятых образцов перевода, которым слепо подражают.

Новые реалии общественно-политического дискурса АЛЯ могут быть результатом расширения семантики слов и придания им новых значений, не указанных в словаре. Мы имеем в виду неологизмы, которые возникают на базе арабского корнеслова либо путем расширения

значения какого-либо слова для передачи реалий изменяющейся действительности, либо путем образования новых словоформ от арабских корней.

Например, реалия ثوابت Это имя существительное в форме множественного числа, образованное от глагола شبّ «быть твердым, быть неподвижным», имеет словарное значение «неподвижные звезды». В общественно-политическом дискурсе слово стало использоваться арабами первоначально в значении «незыблемые принципы», которыми они не могут поступиться при разрешении конфликта с Израилем. Со временем его стали использовать и в других контекстах, не связанных с ближневосточным конфликтом. Например:

يطالب الجمهوريون ممثليهم في الكنغرس بالتمسك بالثوابت

Республиканцы требуют от своих представителей в Конгрессе придерживаться **принципов** ...

Еще один неологизм, появившийся в АЛЯ во второй половине прошлого века на фоне того же арабо-израильского конфликта – ослово употребляется в форме множественного числа. Его можно отнести к безэквивалентной лексике. Трудности перевода такого рода реалий связаны с отсутствием эквивалента слову ИЯ в ПЯ из-за отсутствия соответствующего объекта (референта). При переводе таких реалий речь идет о нахождении смыслового соответствия понятию, которому нет соответствия в стране ПЯ.

Поиски этого «смыслового соответствия» заключаются в семантическом анализе слова, с одной стороны, и в анализе как узкого, так и широкого контекста. В слове مرجع прослеживается семантическая связь со словом «авторитетный источник; то, на что ссылаются». Суффикс — характерен для «имени абстрактного», но такое имя не может быть образовано от русского слова «(авторитетный) источник». Пример использования данной реалии в контексте:

المرجعيات التي يتمسك بها الفلسطينيون لدى حل القضية الفلسطينية

общепризнанные правовые нормы, которых придерживаются палестинцы при решении палестинской проблемы

Анализ этой реалии в контексте на многочисленных примерах ее использования подсказывает, что المرجعيا – слово, имеющее форму множественного числа, близко по значению к «авторитетным источникам, на которые можно ссылаться». А это, например, резолюция СБ ООН 242, предусматривающая уход Израиля с оккупированной территории, «Арабская мирная инициатива», признанная на международном уровне в качестве основы для переговоров с Израилем, и т. п. На эти документы

можно ссылаться, поскольку они получили международное признание. При переводе этой реалии мы «суммируем» такие авторитетные источники, на которые ссылаются палестинцы, используя обобщающее словосочетание «общепризнанные правовые акты (нормы)».

Эта же реалия, но в форме единственного числа, тоже не имеющая словарного значения и используемая в другом контексте, имеет другое значение. Например:

مرجعية دينية عليا

высший религиозный орган

Способ подбора функционального эквивалента

используется при переводе следующих реалий:

Реалия	Дословный перевод	Перевод реалии	
المرصد السوري لحقوق الإنسان	Сирийская обсерватория по правам человека	Сирийский центр мониторинга за соблюдением прав человека	
البؤر الإستيطانية	поселенческие очаги	поселенческие центры	

Еще одной проблемой при переводе реалий является необходимость донести до читателя коннотацию переводимой реалии, ее национальноисторическую окраску. По мнению С. И. Влахова, «коннотация - это дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивноэмоционально-оценочных обертонов» [Влахов, Флорин, 2012, с. 45]. В качестве примера можно привести слово, образованное по модели «имени места» – مستوطنة, словарное значение «поселение», а также сам глагол إستوطن и другие производные от него формы (مستوطنون إستيطان). Корень слова хорошо знаком переводчику: وطن значит «родина». Это первый семантический слой. Второй слой семантики, заложенный в X породе глагола, подсказывает значение «делать своей родиной, избрать для себя в качестве родины, осваивать новые земли». Словарный перевод данного глагола и его производных форм не несет в себе негативной коннотации. Но после оккупации Израилем палестинских территорий слово перестало быть стилистически нейтральным. Глагол استوطن стал восприниматься как «поселяться на оккупированной территории», что предполагает также изгнание коренных жителей. Используя для перевода реалии مستوطنة словарное значение «поселение», мы теряем глубинное значение этого слова. Словосочетание مستوطنات إسر ائبلية, по крайней мере, в первый раз в переводимом материале надо перевести, как «израильские поселения на окку-– استيطان пированной территории», соответственно «освоение чужих территорий», مستو طنو – «жители поселений (поселенцы) на оккупированных территориях».

Новая реалия أسرلة «израилизация» входит в ряд неологизмов, имеющих в русском эквиваленте суффиксы «–из» и «–аци». Например:

شخص	персона, лицо	شخصنة	персонал изаци я
سوريا	Сирия	سورنة	сир изаци я
شرع	закон	شرعنة	легал изаци я

Приведенные примеры показывают, что такие лексемы, как правило, образуются от арабских слов, имеющих трехбуквенный корень, с помощью суффикса

но основой новой реалии أسرلة «израилизация» является слово إسرائيل Израиль», имеющее большее число согласных. Поэтому оно не подпадает под общее правило образования таких имен существительных. Тем не менее новое слово легко узнается в контексте, подсказывающем его значение.

с целью завершения ее израилизации и евреизациі с целью завершения ее израилизации и евреизациі	с целью завершения ее израилизации и и с целью завершения ее израилизации и и
---	---

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ способов перевода специфических реалий общественно-политического и исторического дискурса АЛЯ показывает, что только точное знание значений реалий, т. е. внеязыковой действительности, связанной с жизнью, культурой и историей носителей ИЯ, позволит переводчику адекватно представить их читателю. Прежде всего необходимо осмысление незнакомой реалии в подлиннике, что позволит на следующем этапе найти адекватный способ ее перевода. В случае

отсутствия в ПЯ соответствий или аналогов этих реалий, в случае невозможности дословного перевода «сжатых» реалий, а также ввиду необходимости передачи их национально-исторической окраски переводчик прибегает к развитию содержания реалий различными средствами. Среди этих средств: описательный перевод; контекстуальный перевод или замена словарного соответствия контекстуальным; подбор функционального эквивалента; создание нового слова, словосочетания; объяснение, страноведческий комментарий, например, с помощью сноски.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Фёдоров А.В. Введение в теорию перевода. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958.
- 2. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012.

REFERENCES

- 1. Fedorov, A.V. (1958). Vvedenie v teoriyu perevoda = Introduction to the theory of translation. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh. (In Russ.)
- 2. Vlakhov, S. I., Florin S. P. (2012). Neperevodimoe v perevode = Untranslatable in translation. Moscow: R.Valent. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тюрева Людмила Семеновна

заслуженный профессор МГЛУ, старший преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tyureva Lyudmila Semenovna

Honorary Professor of MSLU, Senior Lecturer at the Department of Oriental Languages, Faculty of Translation and Interpreting, Modcow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 17.05.2022 одобрена после рецензирования 22.06.2022 принята к публикации 27.06.2022

The article was submitted 17.05.2022 approved after reviewing 22.06.2022 accepted for publication 27.06.2022

Научная статья УДК 811.531 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_98

Проблема перевода корейских эвфемизмов на русский язык

А. И. Чуб¹, Е. М. Жарова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Аннотация.

При изучении коммуникации как процесса необходимо учитывать актуальный контекст, в котором отражаются скрытые мысли и намерения участников коммуникации. В настоящее время эвфемистические выражения являются одной из важных лингвистических и переводческих проблем, так как по своей природе представляют собой социальные образования. Для того чтобы понять смысл эвфемизмов и найти эквивалентные выражения на переводном языке, требуется отдельно изучать культуру и общество его носителей, так как это необходимо для правильной прагматической адаптации текста. Данное исследование посвящено изучению явления эвфемии в корейском языке как переводческой проблеме.

Ключевые слова:

явление эвфемии, корейский язык, понятие, классификация, трансформация

Для цитирования: Чуб А. И., Жарова Е. М. Проблема перевода корейских эвфемизмов на русский язык // Вест-

ник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022.

Вып. 10 (865). С. 98-104. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_98

Original article

Challenge of Translating Korean Euphemisms into Russian

Alena I. Chub¹, Ekaterina M. Zharova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. Communication study demands to take into account the latest context consisted of hidden thoughts

> and intentions of communicators. Nowadays euphemistic expressions are one of the vital linguistic and translation issues as they are social formations in original. In order to understand the meaning of euphemisms and find the equivalents in translations it is vital to study the culture and society of their native speakers as it needs for the right pragmatic adaptation. This article is devoted to the

study of euphemia in Korean as a translation challenge.

Keywords: euphemia, Korean, term, classification, transformation

For citation: Chub A. I., Zharova, E. M. (2022) Challenge of translating Korean euphemisms into Russian.

Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(865), 98-104. 10.52070/2542-

2197_2022_10_865_98

¹heilige_engel@bk.ru,

²katzhara@gmail.com

¹heilige engel@bk.ru,

²katzhara@gmail.com

ВВЕДЕНИЕ

При изучении коммуникации как процесса необходимо учитывать актуальный контекст, в котором отражаются скрытые мысли и намерения участников коммуникации. По мнению В. В. Дементьева, непрямая коммуникация охватывает сразу несколько речевых явлений, при использовании и интерпретации которых недостаточно использовать одни лишь правила языка, если они задействованы в повседневной речи или в книжной или официально-деловой сферах общения [Дементьев, 1999].

Данное исследование посвящено изучению явления эвфемии в корейском языке как переводческой проблемы. Объектом исследования являются эвфемизмы корейского языка, а предметом – явление эвфемии в корейском языке. Материалом для исследования послужили эвфемизмы корейского и русского языков.

В настоящее время эвфемистические выражения – это одна из важных лингвистических и переводческих проблем, так как по своей природе они являются социальными образованиями. Для того чтобы понять смысл эвфемизмов и найти эквивалентные выражения на переводном языке, требуется отдельно изучать культуру и общество его носителей, так как это необходимо для правильной прагматической адаптации текста.

Понятие эвфемизма впервые было зафиксировано в Англии в 1656 году в Глоссографии Томаса Блаунта под определением: «положительная или благоприятная трактовка плохих слов» [Blount, 1656, с. 224]. Эвфемизм происходит от греческого слова *euphemismos* с префиксом «eu», означающим «хорошо», и корнем «phemi» — «речь».

Можно сказать, что сейчас межъязыковое исследование эвфемизмов находится в самом начале. На данный момент нет единых критериев для моделей образования эвфемизмов и определения для понятия «эвфемизм».

Беатрис Воррен связывает процесс эвфемизации с двумя видами изменений: первое касается формы слова или выражения (formal innovation), второе – его значения (semantic innovation) [Warren, 1992]. Формальные изменения Б. Воррен делит на три большие группы: с помощью словообразовательных средств (word-formation devices), фонетических изменений (phonemic modification) и заимствований (loan words). В группу семантических изменений, связанных с процессом эвфемизации, автор включает также приемы специализации и генерализации значения, метафору, метонимию, антифразис, литоту, гиперболу.

Позднее данная классификация была дополнена К. Хэм. В частности, в группу семантических изменений была введена прономинация, употребление собственного имени в значении нарицательного [Ham, 2005].

В отечественной лингвистике, как и в зарубежной, превалирует широкое толкование эвфемизмов, согласно которому к разряду эвфемизмов относятся как заменители табуированных наименований, так и слова и выражения, которые заменяют нежелательные и резкие слова в определенных контекстах.

В лингвистическом энциклопедическом словаре О. С. Ахманова определяет эвфемизмы как эмоционально нейтральные слова или выражения, которые употребляются вместо синонимичных им слов и выражений, которые представляются говорящему неприличными, грубыми или нетактичными [Ахманова, 1969].

И. Р. Гальперин определяет эвфемизм как слово или фразу, заменяющие неприятные слова или выражения на относительно приемлемые [Гальперин, 1981].

Корейский исследователь Юн Хичжу приводит три пункта, на которые переводчик должен обращать внимание при переводе эвфемизмов. Во-первых, перевод нужно осуществлять таким образом, чтобы эвфемизм на языке перевода не звучал обидно для референта. Во-вторых, во многих культурах такие темы, как война, смерть, секс, тело, физиология, расовая дискриминация и прочие темы являются предметом эвфемизации, однако существует разница в их восприятии представителями тех или иных народов, и прочувствовать эту разницу зачастую под силу только носителям. В-третьих, эвфемизмы – это отражение социальных явлений и с течением лет они могут потерять свое оригинальное значение, что требует постоянного наблюдения за языковыми реалиями как своей страны, так и страны специализации [Юн Хичжу, 2007].

Среди южнокорейских лингвистов исследованиями явления эвфемии и проблем ее перевода, а также изучением косвенных речевых актов занимались Ян Чжон, Чо Хэсон, Чон Чжэын, Ли Хичжу, Сон Хёнъик, Кан Пёнчхан, Ан Хёк, Квон Сонми и Ли Хэён¹.

В южнокорейской лингвистической традиции принято выделять три названия, связанных с термином эвфемии, а именно 완곡어법 [вангогопоп] — «эвфемия, способы образования эвфемизмов», 완곡어 [вангого] или «эвфемистический

¹ 양정, 조해성, 이희주, 송형익, 강병창, 안혁, 권선미, 이해영, 정재은, 이하늘. Ли Ханыль. Непрямой дискурс корейского языка как переводческая проблема: выпускная квалификационная работа магистра (переводческий факультет кафедра восточных языков). М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018.

язык, эвфемия, эвфемизм», а также 완곡표현 [вангокпхёхён], то есть «эвфемистическое выражение».

Исследователь Ян Чжон определяет эвфемизм как языковую деятельность и тип прагматики, которые приводят к положительному исходу коммуникации, избегая при этом прямой передачи намерения, выражая мысль косвенно [Ян Чжон, 2018].

По мнению исследователей Кан Пёнчхана и Ан Хёка, «эвфемизм – это техника умалчивания, которая становится словесным «щитом» для замены прямого табуированного выражения, и помогает защитить чувства окружающих» [Кан Пёнчхан, Ан Хёк, 2013, с. 6].

Е. А. Похолкова отмечает особенности понятия «эвфемизм» в корейском обществе: «Интересным фактом является то, что в корейской языковой действительности есть и термин «политкорректность» (정치적 올바름 [чончхочжок ольбарым]) и термин «эвфемизм» (완곡어 [вангого]) и, несмотря на то, что в большинстве российских и западных работ эти две темы всегда обсуждаются в одной связке, в корейских источниках эти две темы обсуждаются отдельно; и далее - термину «политкорректность» в южнокорейской языковой реальности до сих пор приписывается большая политическая функция, а эвфемии – бытовая, связанная с тактом и природным потенциалом корейцев и корейского языка говорить эвфемизмами, даже в тех ситуациях, когда в этом нет необходимости» [Pokholkova, 2016, c. 279 – 280].

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭВФЕМИЗМОВ

Среди южнокорейских лингвистов приняты разнообразные классификации эвфемизмов, разработанные как западными исследователями эвфемии, так и корейскими.

С нашей точки зрения, наиболее полная классификация для анализа корейских эвфемизмов представлена в работе исследователя Ян Чжона. По мнению автора, можно выделить два подхода к классификации эвфемизмов – по способам образования эвфемистических выражений и по их тематике.

Если рассматривать первый подход, то можно разделить способы выражения с использованием непрямой коммуникации на две подгруппы – образованные вербальным способом и невербальным способом [Ян Чжон, 2018].

Согласно Ян Чжону, вербальный способ включает трансформацию звукового оформления, трансформацию лексики, а также трансформацию грамматической структуры предложения [Ян Чжон, 2018]. В свою очередь невербальный способ

делится на жесты или выражение лица, а также использование интонаций.

На наш взгляд, применение вербального способа, представленного в данной классификации, поможет с разных сторон рассмотреть корейские эвфемизмы, являющих собой потенциальную переводческую проблему, поэтому в данной статье для анализа примеров мы остановимся именно на применении данного способа.

ТРАНСФОРМАЦИИ ЗВУКОВОГО ОФОРМЛЕНИЯ

Примером, когда при эвфемизации в корейском языке применяется трансформация звукового оформления, может служить стремление избежать произнесение некоторых звуков и слов, способных вызвать у собеседника неприятные ассоциации. Среди способов трансформации могут применяться такие способы, как изменение отдельных звуков, их пропуск или замена. Например, некоторые корни китайского происхождения могут вызывать нежелательные коннотации. Так, китайское числительное 사 [са] (четыре) имеет одинаковое произношение с корнем «смерть», поэтому, часто это слово в Корее при возможности стремятся заменить на числительное корейского происхождения, или же, если речь идет об этажах, заменить его на английское F (four). В русском языке слово «четыре» не вызывает подобных коннотаций, поэтому переводчику необязательно подбирать замену этому слову. Другим примером трансформации звукового оформления выступает китайский корень 성 [сон] (секс, пол), если встречается в выражениях, описывающих отношения между мужчиной и женщиной, затрагивает тему сексуальных отношений. Поэтому, например, выражение 성관계를 하다 [сонквангерыль хада] или 성 교하다 [сонгёхада] (вступать в интимную связь), может заменяться на 관계를 가지다 [квангерыль качжида] (иметь отношения), 교제하다 [кёчжэхада] (встречаться). Ввиду того, что в России так же, как и во многих других странах, тема сексуальных отношений является табуированной, переводчику необходимо подобрать аналог эвфемизма, который активно используется в русском языке.

ТРАНСФОРМАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Примером лексической трансформации в корейском языке могут служить слова, имеющие отношение к смерти, болезням, физиологии, физическим недостаткам людей, «туалетной темы», лексика,

выражающая формы дискриминации. Трансформация в таком случае осуществляется либо с помощью использования заимствований, либо с помощью метафор.

Лексика корейского языка характеризуется наличием пласта исконно-корейской лексики, пласта лексики китайского происхождения и лексики, заимствованной из других языков, и в зависимости от ситуации тот или иной пласт может служить эвфемизмом для другого. Так, например, считается, что исконно-корейское слово 죽다 [чукта] (умереть) выражает недостаточно почтения к умершему и часто заменяется на более возвышенный вариант с иероглифическими корнями, такими как 작고하다 [чаккохада] (завершить жизненный путь), 별세하다 [пёльсэда] (покинуть бренный мир) или метафорический вариант 하늘 나라로 가 다 [ханыль нараро када] (уйти на небо), 별이 되다 [пёри тведа] (стать звездой), 돌아가다 [торагада] (вернуться в прежний мир). Тема смерти во всех языках подвергается эвфемизации, поэтому при переводе эвфемизмы корейского языка также на язык перевода должны передаваться с помощью эвфемистических конструкций.

Такие выражения, как 똥이 마렵다 [тони марёпта] (большая нужда) 오줌이 마렵다 [очжуми марёпта] (малая нужда), представляющие пример «туалетной темы», также являются объектом эвфемизации в корейском языке и заменяются на китайский аналог 대변이 마렵다 [тэбёни марёпта] (большая нужда) и 소변이 마렵다 [собёни марёпта] (малая нужда) соответственно. В данном случае китайская замена таких понятий обусловлена тем, что слова китайского происхождения преобладают в научном дискурсе, и поэтому звучат не так обидно и помогают избежать неловкости хотя бы в какой-то степени. В некоторых ситуациях эти слова также могут быть заменены метафорически. Например, выражение 실수를 하다 [сильсурыль хада] дословно обозначает «допустить ошибку», а в качестве эвфемизма может обозначать, что ребенок «помочился», и при переводе на русский язык переводчику будет необходимо оценить. какой перевод будет адекватней - прямой или же с подбором эвфемистического аналога, например, «у ребёнка произошел казус».

Выражения, связанные с темой преступления или совершения греха ввиду сильного порицания в обществе, в корейском языке часто заменяются на метафорические выражения. Например, само выражение 죄를 짓다 [чверыль читта] (совершить преступление) часто эвфемизируется и заменяется на 빨간 줄을 긋다 [ппальган чурыль кытта] (подчеркнуть красным), выражение, которое отсылает к традиции подчеркивать в семейных реестрах

имена тех членов семьи, кто имел проблемы с законом. В русском обществе, как и в корейском, тема совершения преступления не является одобряемой, однако выражение «совершить преступление» не подвергается эвфемизации. Выражения же, связанные с отбыванием срока, заменяются на эвфемизмы, как в русском, так и корейском языках. Так, в корейском языке выражения «отбывать тюремный срок», «сидеть в тюрьме» заменяются на 콩밥을 먹다 [конпабыль мокта] (есть бобовую кашу). Возникновение такого выражения связано с реалиями жизни тюремных заключенных в Корее во второй половине XX века, когда основным рационом была как раз каша из риса и соевых бобов. Кроме того, существует выражение 두부를 먹다 [тубурыль мокта] (съесть тофу), которое, напротив, олицетворяет освобождение из мест лишения свободы. Связано это с белым цветом тофу, символизирующим новую жизнь и традицией угощать им отбывшего срок заключенного. Эквивалентным выражением в определенном контексте при переводе с корейского языка на русский может послужить «начать жизнь с чистого листа».

Следующим способом лексической трансформации является использование объяснения прямого выражения. Например, слово 이혼하다 [ихонхада] (разводиться) часто заменяется выражением 갈라서다 [калласода] (разойтись) или 남남이 되다 [намнами тведа] (стать чужими), которые с лингвистической точки зрения являются объяснением выражения или демонстрацией результата. Так, слово 낙태하다 [нактхэхада] (сделать аборт), которое вызывает негативные коннотации во многих странах, в том числе и в Корее. Смягчить возможное негативное восприятие может прямое объяснение 수술 (операция) или 임신중절 [имсинчунчжоль] (прерывание беременности).

Еще один способ лексической трансформации – употребление слов со сходным значением, но менее резким по восприятию. К группе слов, которые эвфемизируются именно таким способом, можно отнести слова, описывающие физические недостатки людей, какие-либо особенности их физического строения и внешности. Например, такие слова, оценивающие внешность людей, как 뚱뚱하다 [ттунттунхада] (толстый), неприемлемы и должны быть заменены на 통통하다 [тхонтхонхада] (полный) или 살집이 있다 [сальчиби итта] (упитанный). Кроме исключительных случаев, использование непосредственно слова 뚱뚱하다 [ттунттунхада] крайне нежелательно. Еще одним примером такого способа трансформации являются слова 맹인 [мэнъин] (слепой), 벙어리 [понори] (немой), 귀머거리 [квимогори] (глухой), которые считаются неполиткорректными, оскорбляющими чувства людей, поэтому принято использовать эвфемистические замены, содержащие слово 장애인 [чанъэин] (инвалид). То есть предпочтительным вариантами являются 시각 장애인 [сигак чанъэин] (инвалид по зрению), 청각 장애인 [чхонгак чанъэин] (инвалид по слуху), 언어 장애인 [оно чанъэин] (инвалид по речи). Однако под влиянием организаций, защищающих права таких групп людей, в обществе часто возникают волнения о приемлемых вариантах обозначения людей с физическими ограничениями, и нормы меняются. Поэтому при переводе необходимо ориентироваться на актуальные нормы таких обозначений на языке перевода.

Также Национальный институт корейского языка¹ опубликовал рекомендации, согласно которым принято выбирать эвфемистический вариант для обозначения некоторых профессий и категорий лиц. Так, согласно Ю. Н. Мазуру, при создании эвфемистических замен часто используется словообразовательная морфема (суффексоид) -사 [са], включенная в состав слов, обозначающих профессии, считающиеся престижными в корейском обществе, таких как 의사 [ыйса] (врач), 변호사 [пёноса] (адвокат), 교사 [кёса] (преподаватель) [Мазур, 2001]. Например, 운전수 [унчжонсу] (водитель, шофер) заменяется на 기사 [киса] (инженер по автотранcnopmy), 간호원 [кановон] (санитарка) на 간호사 [каноса] (медсестра, медбрат). Также имеет место эвфемизация таких слов, как 가정부 [качжонбу] (домработница) или 식모 [синмо] (кухарка).Данные слова заменяются на более «политкорректный» вариант 가사도우미 [касатоуми] (помощница по хозяйству). Кроме того, слово 백수 [пэксу] (безработный, досл. белоручка) используется только в простой разговорной речи, а в качестве политкорректной замены употребляются 구직자 [кучжикча] (соискатель, претедент на вакансию), 취업 준비자 [чвиоп чунбичжа] (соискатель, букв. человек, который готовится к поступлению на работу).

Одним из способов обозначения в корейском языке табуированных слов, касающихся неловких тем, является использование указательных местоимений. Например, в словосочетании 그 날 [кы наль] (те дни) местоимение 그 [кы] (тот, то, та) помогает избежать прямого указания на слово 생리 [сэнни] (тенструация), местоимение 거기 [коги] (там или то место) намекает собеседнику на 생기관 [сонгигван] (тениталии). При переводе таких эвфемизмов с помощью местоимений и в русском языке важно быть уверенным, что

такие намеки будут понятны аудитории и не исказят общий смысл контекста.

ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Явление эвфемии в корейском языке тесно связано с таким понятием, как непрямые дискурсивные стратегии, которые применяются носителями корейском языка для успешного осуществления коммуникации, построения с собеседником позитивных отношений и передачи своих намерений наиболее корректным образом. В данных ситуациях используют грамматические трансформации прямого коммуникативного дискурса в непрямой. Такие трансформации происходят благодаря использованию в предложении специальных слов или добавлению к предикативам аффиксов, не имеющих аналогов в западных языках. Поэтому такие трансформации очень сложно передать при переводе без дополнительных трансформаций в языке перевода. В частности переводчику необходимо думать, соответствуют ли языковые нормы и традиции русских корейским представлениям о вежливости и о коммуникативных ситуациях, в которых ее надо демонстрировать.

В корейском языке такие трансформации происходят посредством нескольких способов. Во-первых, в качестве вводной конструкции часто используется фраза, содержащая извинение, например 죄송합니다만 [чвэсонхамнидаман] (извините, но), 실례하지만 [силлехачжиман] (прошу прощения за бестактность, но), 미안하지만 [мианхачжиман] (простите, но). Добавление таких фраз обеспечивает собеседнику возможность комфортного отказа в случае, если к нему обратились с просьбой. При переводе с корейского языка переводчики могут сохранять прагматику оригинала, однако, на наш взгляд, в некоторых ситуациях эти фразы могут быть опущены или заменены словом «пожалуйста».

Другим способом трансформации грамматической структуры является использование в начале предложения конструкций, указывающих на выражение личной точки зрения, таких как 제가 보기에는 [чега погиэнын] (как мне кажется), 제가 생각하기로는 [чега сэнгакхагиронын] (по моему мнению). Такие конструкции смягчают высказывание и демонстрируют собеседнику тот факт, что это сугубо личное мнение говорящего, и он не высказывая при этом возражения. Другими словами, смягчающими высказывания, просьбы и вопросы выступают слова 잠시 [чамси] или 잠깐 [чамккан] (минутку), 조금만 [чогымман] или 좀 [чом] (немного, чуть-чуть), 혹시 [хокси] (быть может, случайно

¹ 국립국어원. 외국인을 위한 한국어 문법1, 커뮤니케이션북스, 2005. = Корейская грамматика для иностранцев. Сеул: Национальный институт корейского языка, 2005. Вып. 1.

не). Например, в предложении 제 부탁을 좀 들어 줄수 있을까요? [че путхагыль чом тырочжуль су исыльккаё] (Не могли бы вы выслушать мою просьбу) слово 좀 [чом] играет смягчающую роль, но в русском дословно никак не переводится. Для корейского языка является характерным употребление подобных выражений, смягчающих или преуменьшающих выражение намерения говорящего. При том их прямой перевод зачастую бывает затруднительным и не всегда необходимым.

Предположения придают высказыванию неясности, благодаря чему они подходят для формирования эвфемистических выражений. Предположительный характер образуется путем присоединения формы конечной сказуемости. Они обозначают предположение, псевдо-сомнение «похоже, что; вероятно, что; вероятнее всего; в силу того, что»: 것 같다 [кот катта], 것이다 [косида], 듯 하다 [тыт хада], 듯 싶다 [тыт сипта], (으) 다 보다 [(ы)нга пода], (으) 리 (ы)ль корё], (으)러나 [(ы)рёна], (을)테니 [(ыль)тхени] и пр.

Например, высказывание 오늘은 몸이 좀 안 좋아서 출근 못 할 것 같아요 [ОНЫРЫН МОМИ ЧОМ ан чоасо чхульгын мот халь гот катхаё] (Я сегодня не очень хорошо себя чувствую, поэтому, кажется, не смогу выйти на работу) благодаря использованию предположения, звучит мягче, и тем самым вызывает у собеседника больше симпатии, чем в случае с выражением 오늘은 몸이 안 좋아 서 출근 못해요 [онырын моми ан чоасо чхульгын мотхэё] (Я сегодня не очень хорошо себя чувствую, так что на работу не выйду). Аналогичным образом аффикс - 듯 싶다 [тыт сипта] звучит в предложении 내가 보기에는 그렇게 하는 게 아닌 듯 싶 다 [нэга погиэнын кырокхе ханын ге анин тыт сипта] (Мне кажется, так поступать не совсем верно) гораздо менее категорично, чем предложение 그렇 게 하지 마 [кырокхе хачжи ма] (Не веди себя так).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Под влиянием конфуцианских канонов в корейском языке исторически сформировались

несколько стилей вежливости (официальный или формальный, неофициально-вежливый, разговорный), грамматические, лексические, синтаксические и стилистические формы вежливости в корейском языке более разнообразны и развиты по сравнению с русским языком.

При переводе предложений с аффиксами глагола, в которые вложена вся модальность в корейском языке, нужно помнить, что для выбора эквивалентной грамматической трансформации необходимо учитывать отношения и ситуацию, в которой находятся участники диалога. Неправильно выбранный стиль высказывания может привести к тому, что цель коммуникации не будет достигнута.

Кроме того, необходимо учитывать, что корейскую культуру можно назвать высококонтекстной, поэтому улавливать верную коннотацию высказывания является первоочередной задачей переводчика.

Использование тех или иных эвфемизмов носителями корейского языка обусловлено культурными и историческими особенностями, понятными только им. Поэтому переводчику для адекватного перевода эвфемистического выражения необходимо сориентироваться, посредством чего будет достигнуто коммуникативное воздействие – заменой эквивалентным выражением в русском языке или добавлением дополнительного объяснения.

Различный культурный и исторический фон затрудняют понимание российской аудиторией непрямых выражений в корейском языке, и коннотации, понятные носителям корейского, передать очень нелегко. Кроме того, наличие в корейском языке трех пластов лексики, которые взаимозаменяются для эвфемизации, также могут осложнять процесс перевода.

Все эти факторы являются причиной того, что передача прагматического потенциала корейских эвфемизмов представляет особую сложность для переводчика и требует особого внимания и подготовки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Дементьев В. В. Вторичные речевые жанры: онтология непрямой коммуникации. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1999.
- 2. Blount T. Glossographia, or, A dictionary interpreting all such hard words of whatsoever language now used in our refined English tongue with etymologies, definitions and historical observations on the same: also the terms of divinity, law, physick, mathematicks and other arts and sciences explicated. London, 1656.
- 3. Warren B. C. What euphemisms tell us about the interpretation of words // Studia Linguistica. Vol. 46 (2). 1992. P 128 172
- 4. Ham K. Linguistics of euphemisms: A diachronic study of euphemism formation // Journal of Language and Linguistics. NY, 2005. Vol. 4. P. 227–263.
- 5. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969.
- 6. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Высшая школа, 1981.

- 7. 윤희주. 완곡어법과 위악어법의 번역원인 및 번역방법. 번역학연구. 한국번역학회, 2007 = Юн Хичжу. Способы передачи эвфемизмов. Сеул: Корейское общество переводчиков, 2007.
- 8. 양정, 한국어 완곡표현 연구, 2018 = Ян Чжон. Исследование эвфемизмов в корейском языке. Сеул: Пакмунса, 2018.
- 9. 강병창, 안혁. 완곡어법을 중심으로. 수사학 연구 제18호. 한국수사학회. 2013. = Кан Пёнчхан, Ак Хёк. Погружение в эвфемизмы. Сеул: Риторические исследования, 2013. Вып. 18.
- 10. Pokholkova E. Political correctness as part of language policy in South Korean mass media // Proceedings of the 15th CEESOK International Conference on Korean Studies «New Trends in Korean Studies» / ed. M. V. Soldatova. Poznan: Adam Mickiewicz University, 2016.
- 11. Мазур Ю. Н. Грамматика корейского языка (Морфология. Словообразование). Теоретический курс / Издание подготовлено Л. Р. Концевичем при участии Мун Хесук. М.: Международный центр корееведения МГУ; Муравей-Гайд, 2001.

REFERENCES

- 1. Dementyev, V. V. (1999). Vtorichnye rechevyie janry: ontologiya nepryamoy kommunikatsii = Secondary speech genres: an ontology of indirect communication. Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta. (In Russ.)
- 2. Blount, T. (1656). Glossographia, or, A dictionary interpreting all such hard words of whatsoever language now used in our refined English tongue with etymologies, definitions and historical observations on the same: also the terms of divinity, law, physick, mathematicks and other arts and sciences explicated. London.
- 3. Warren, B. C. (1992). What euphemisms tell us about the interpretation of words. Studia Linguistica, 46(2), 128–172.
- 4. Ham, K. (2005). Linguistics of euphemisms: A diachronic study of euphemism formation. Journal of Language and Linguistics, 4, 227–263.
- 5. Akhmanova, O. S. (1969). Slovar lingvisticheskih terminov = A dictionary of linguistic terms. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. (In Russ.)
- 6. Galperin, I. R. (1981). Ocherki po stilistike angliyskogo yazyika = Essays of English stylistics. Moscow: Vyisshaya shkola. (in Russ.)
- 7. 윤희주 (2007). 완곡어법과 위악어법의 번역원인 및 번역방법. 번역학연구. 한국번역학회 = Jun Hiju. (2007). Euphemization methods. Seul: Korean translators' community.
- 8. 양정 (2018). 한국어 완곡표현 연구 = Jan Jhon. (2018). Euphemism study in Korean. Seul: Pakmunsa.
- 9. 강병창, 안혁 (2013). 완곡어법을 중심으로. 수사학 연구 제18호. 한국수사학회 = Kan Penchan Пёнчхан. Ak Hen. Euphemism study. Seul: Declamation studies, 18.
- 10. Pokholkova, E. (2016). Political correctness as part of language policy in South Korean mass media. In M. V. Soldatova (ed.), Proceedings of the 15th CEESOK International Conference on Korean Studies «New Trends in Korean Studies». Poznan: Adam Mickiewicz University.
- 11. Mazur, Y. N. (2001). Grammatika koreyskogo yazyika (Morfologija. Slovoobrazovanie). Teoreticheskij kurs = Grammar of Korean (Morphology. Word formation). Theoretical course. Edition prepared by L. R. Kontsevich with the participation of Moon Hyesuk. Moscow: Mezhdunarodnyj centr koreevedenija MSU; Muravej-Gajd.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Чуб Алёна Игоревна

преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Жарова Екатерина Максимовна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Chub Alena Igorevna

Lecturer at the Department of Oriental Languages, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linquistic University

Zharova Ekaterina Maximovna

PhD student at the Department of General and Comparative Linguistics, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 17.05.2022 одобрена после рецензирования 22.06.2022 принята к публикации 27.06.2022

The article was submitted 17.05.2022 approved after reviewing 22.06.2022 accepted for publication 27.06.2022

Научная статья УДК 81.37 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_105

Эмотивный компонент семантики китайских глаголов смеха

А. А. Шахаева

Московский государственный лингвистический университет Москва, Россия shakhaevaal@qmail.com

Аннотация. В статье рассматривается группа глаголов смехового действия современного китайского языка.

Выявляются компоненты когнитивной структуры ядерного глагола поля смеха 笑 и устанавливаются эмотивные состояния, внешним признаком которых является смех. Так, было выявлено, что смех в китайском языке вербализует эмоции радости и горя-печали, при этом группа глаголов радостного смеха разнородна и включает в себя несколько подгрупп глаголов, объединенных общим компонентом, имеются в виду например, субъект действия, интенсивность звука и др., что говорит о лингвоспецифичных обозначениях смехового действия носителями китайского языка.

Ключевые слова: смех, эмотивность, эмотивные глаголы, глаголы смеха, семантическое поле, китайский язык

Для цитирования: Шахаева А. А. Эмотивный компонент семантики китайских глаголов смеха // Вестник Московско-

го государственного лингвистсического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 10 (865).

C. 105-111. DOI 10.52070/2542-2197 2022 10 865 105

Original article

Emotive Component in the Semantic Structure of Chinese "Laughing" Verbs

Alexandra A. Shakhaeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia shakhaevaal@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of modern Chinese "laughing" verbs. The components of the

cognitive structure of the nuclear verb笑of the field of laughter are revealed and the emotive states are established, the external sign of which is laughter. Thus, it was revealed that laughter in Chinese verbalizes emotions of joy and grief-sadness, while the group of verbs of joyful laughter is heterogeneous and includes several subgroups of verbs united by a common component, for example, the subject of action, sound intensity, etc., which indicates the linguo-specific designations of laughing

action by native Chinese speakers.

Keywords: laughter, emotivity, emotive verbs, "laughing" verbs, semantic field, the Chinese language

For citation: Shakhaeva, A. A. (2022). Emotive component in the semantic structure of Chinese "laughing" verbs.

Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(865), 105-111. 10.52070/2542-

2197_2022_10_865_105

ВВЕДЕНИЕ

Эмоциональный аспект языка появился в фокусе исследователей относительно недавно, и произошло это, по мнению В. М. Шаховского, из-за того, что «лингвистика позже всех осознала, что эмоции являются ее предметом» [Шаховский, 2009, с. 17]. По утверждению В. И. Шаховского отправной точкой явился доклад Ф. Данеша по эмоциональному аспекту языка на пленарном заседании XIV Международного конгресса лингвистов в 1987 г. в Берлине, где среди наиболее приоритетных современных лингвистических исследований была обозначена проблема «Язык и эмоции». С тех пор эмоциональный аспект языка не раз становился темой научных изысканий. На сегодняшний день существует ряд работ, рассматривающих эмотивную лексику разных языков, в том числе, и китайского. Например, О. А. Хо в рамках описания эмотивных глаголов китайского языка останавливается на организации лексикосемантического поля глаголов ментальной деятельности человека, в частности, глаголов психической деятельности и глаголов психического восприятия [Xo, 2021]. Авторы коллективной монографии «Язык. Этнос. Культура. Опыт лингвистических исследований», изучая национально-культурную специфику лингвистического и паралингвистического выражения эмоций в европейской и восточной культурах (русской, китайской, корейской и вьетнамской), также обращаются к изучению лексико-семантических полей эмотивной лексики [Язык. Этнос. Культура ... 2014].

Как мы можем видеть, исследования в основном сосредоточены на изучении больших групп формирующих лексико-семантическое поле определенной эмоции, но, как известно, в силу полисемантичной природы одно и то же слово может входить в разные поля, лексикализируюя разные, иногда противоположенные эмоции. Всем известно, что в русском языке плакать можно от горя, печали или радости и счастья, т. е. глагол плакать может входить в две разные лексико-семантические группы. Но ведь возможны языки, где глагол плакать будет вербализировать только печаль, а слезы радости будут передаваться другим глаголом. Таким образом, при изучении эмотивной лексики важным аспектом является изучение не только полевой организации лексики определенного эмотива в конкретном языке, но и пристальное внимание к лексическим единицам и синонимичным рядам, вербализующим определенные эмоции.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В данном ракурсе представляет интерес рассмотрение китайских глаголов, объективирующих

действие смеха с целью определения эмоций вербализующихся в данных глаголах, и установления лингвоспецифичных характеристик рассматриваемях единиц. В силу разных культурных традиций внешние проявления эмоций у носителей разных культур и языков различаются, и это несомненно, находит отражение и в языке.

В указанных выше работах при рассмотрении эмотивной лексики китайского языка глаголы группы смеха не попали в поле зрения исследователей. Например, авторы коллективной монографии «Язык. Этнос. Культура. Опыт лингвистических исследований» указывают на то, что русский глагол смеяться относится к эмоционально окрашенным словам, вербализующим состояние радости, а при описании лексико-семантическое поля эмотива 欢 喜 радость в китайском языке, называют только лексему 笑脸 улыбка, указывая на то, что она находится на периферии, а лексема 笑声 смех находится на периферии лексико-семантичесого поля эмотива интерес 兴趣. Немаловажно отметить и тот факт, что в монографии среди отобранных из словаря современного китайского языка 现代汉 语词典 эмотивов глаголы смеха не представлены совсем. Но, между тем, Е. П. Ильин, говоря о звуковых и речевых средствах экспрессии отмечает, что «смех является выразителем нескольких эмоций, поэтому он имеет разные оттенки и смысл [Ильин, 2001 с. 28]. То есть неоспорим тот факт, что смеховое действие тесно связано с эмоциональным состоянием субъекта смеха, что находит свою лексическую манифестацию в языке в глаголах смеха. В силу этого, на наш взгляд, глаголы смеха относятся к эмотивной лексике и требуют обращения к их семантике с целью выявления эмотивного компонента.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Для исследования группы глаголов смеха в китайском языке мы обратились к Тематическому словарю глаголов современного китайского языка 现代汉语动词分类词典 (1994) под редакцией Го Дафана (郭大方)¹. В данном словаре глаголы смехового действия входят в рубрику глаголов, выражающих психическую деятельность человека (心理类) и составляют достаточно многочисленную группу, куда входят сорок девять единиц. Большая часть глаголов в структурном плане представляет собой двусложные слова атрибутивного типа, где в качестве второго компонента выступает

¹ 现代汉语动词分类词典, 郭大方编著, 长春: 吉林教育出版社, 1994 = Тематический словарь глаголов современного китайского языка / составитель Го Дафан. Чанчунь: Цзилинь цзяоюй, 1994.

глагол 笑, из чего можно сделать вывод, что глагол является ядерным глаголом группы глаголов смеха в китайском языке. Следует отметить, что значения сложных глаголов группы смеха в словаре объясняются через глагол 笑, что также указывает на его центральное место в группе глаголов. Таким образом, первостепенную важность приобретает установление концептуальной структуры глагола 笑, так как компоненты структуры непосредственно участвуют в формировании значения и сложной глагольной единицы. Под когнитивной структурой мы вслед за Е. Г. Беляевской понимаем «своеобразную «внутреннюю форму», представляющую собой схематизированный ментальный образ» [Беляевская, 2005, с. 5].

Следует отметить, что для верификации полученных в ходе исследования данных предполагается обращение к корпусам современного китайского языка北京语言大学BCC语料库¹,北京大学中国语言学研究中心 CCL语料库²,现代汉语语料库检索³.

ИССЛЕДОВАНИЕ

В силу идеографической природы китайской письменности для рассмотрения концептуальной структуры глагола на первом этапе необходимо проанализировать этимологию и значение идеографического знака 笑. На основе данных онлайн-словаря пиктограмм 象形字典4, составленном на основе ведущих этимологических словарей китайского языка (汉语大字典, 书法字典, 甲骨文字 典 и др.), а также семантико-грамматологического анализа знака можно констатировать, что прототипическая эмоция, вербализованная в знаке 笑 это эмоция радости, которая на физическом уровне проявляется движениях и звуках «в результате физического или эмоционального воздействия быть в очень радостном состоянии (досл. *руки качаются в танце, ноги подпрыгивают), испытывать возбуждение и издавать радостные звуки»5.

В словарной статье словаря иероглифов Синьхуа⁶ представлено два значения зна-ка 笑: 1) 发出欢喜的声音; 脸上露出高兴的表情; 2) 嘲讽、讥笑. Таким образом, можно констатиро-

¹ URL: http://http://bcc.blcu.edu.cn/

вать, что на сегодняшний день знак вербализирует смеховое действие разных эмоциональных состояний: состояния радости и состояние презрения, которые проявляются через сарказм и усмешку, что позволяет говорить о том, что в семантике знака на ряду с определенным тоном голоса и мимикой выделяется и эмоциональный компонент.

Обращение к лексическому Словарю современного китайского языка⁷ показало, что глагольные значения в своих трактовках совпадают с трактовками из словаря иероглифов. Таким образом, на основе лексикографического материла можно сделать вывод о том, что концептуальная структура китайского глагола смеха 笑 представляет собой свернутую ситуацию смехового действия, где субъект эмоции X находится в определенном экспериенциальном состоянии, которое является результатом эмоциональной каузации, а вся ситуация обладает определенными признаками внешнего выражения - вербальными действиями, такими как мимика, звук, жесты. И мы можем говорить о «разных эмоциональных проявлениях, которые объективируются в глаголе 笑, это и радостный смех, и негативный, презрительный смех. В качестве основных комепонентов ситуации смеха можно выделить определенный тон голоса и мимику» [Шахаева, 2022, с. 68].

Следует заметить, что в силу того, что эмоции и их проявление присуще любому человеку в независимости от национальности глаголы смеха наблюдаются во многих языках мира, но эмоциональная каузация к определенному состоянию может иметь большие расхождения от культуры к культуре. Например, американский психолог К. Э. Изард пишет о том, что «хотя фундаментальные эмоции считаются врожденными и межкультурными феноменами, признается, что социокультурные факторы играют значимую роль в определении эмоциональной экспресии. ... каждая культура обладает своими собственными "правилами проявления" эмоций» [Изард, 1980, с. 84]. Так, мы видим, что в китайском языке на концептуальном уровне вербальное проявление смеха характерно для эмоции радости, но для более полной картины необходимо рассмотреть все глаголы поля смехового действия. Прежде чем мы перейдем к описанию всей группы глаголов смеха в китайском языке, отметим, что при квалификации эмотивного состояния, признаком которого является физиологический смех, мы ориентируемся

² URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/

³ URL: http://corpus.zhonghuayuwen.org/index.aspx

⁴ URL: http://www.vividict.com/Public/index/page/details/details. html?rid=9529

⁵ URL: http://www.vividict.com/Public/index/page/details/details. html?rid=9529

⁶ 新华大字典. 第3版. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2015. = Большой словарь иероглифов Синьхуа. 3-е издание. Пекин: Международная компания с ограниченной ответственностью издательство Шанъу Иньшугуань, 2015.

⁷ 现代汉语词典、第5版、北京: 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编商务印书馆, 2008. = Словарь современного китайского языка. 5-е издание. Пекин: лексикографическая редакция Института лингвистики Академии общественных наук КНР, издательство Шанъу Иньшугуань, 2008.

на десять фундаментальных эмоций, выделенных К. Э. Изардом: интерес-волнение, радость, удивление, горе-страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд и вина [Изард, 1980].

Как было указано выше, группа китайских глаголов смеха в основном представлена сложными единицами, где вторым компонентом выступает глагол 笑. При этом большая часть глаголов представлена атрибутивными комплексами, т. е. первый компонент характеризует второй, другими словами, первый компонент определяет характеристики смехового действия.

Анализ семантики глаголов, формирующих поле глаголов смеха в китайском языке, позволил разделить глаголы на две группы, исходя из эмотивных состояний, которые они вербализуют

- это эмоция радости и эмоция горя-страдания. Прототипической вербализованной эмоцией в глаголе 笑 является радость, поэтому группа глаголов радостного смеха многочисленна (включает 42 глагола), где общие компоненты значений глаголов позволили сгруппировать их в шесть подгрупп (см. табл. 1). В таблицу не вошло три глагола (发笑,谈笑,说笑), в семантике которых компонент эмотивности дефокусирован и глаголы выражают достаточно обобщенное значение смехового действия, поэтому, на наш взгляд, они находятся на периферии группы глаголов смеха. В структурном отношении периферийные глаголы также отличаются от остальных, они представляют собой слова, образованные по глагольно-объектной и сочинительной структурам.

Таблица 1.

КИТАЙСКИЕ ГЛАГОЛЫ СМЕХА

РАДОСТЬ РАДОСТНЫЙ СМЕХ					ГОРЕ	
Радость	Коллективный смех	Женский смех	Беззвучный смех	Странный смех	Злой смех	
笑乐噱笑噱笑笑笑笑笑笑	喧笑 哄笑 轰笑 哗笑	艳笑 娇笑 媚笑	微哑 淡 浅 笑 笑 笑 笑 笑 笑 笑 严 哂 栖	狂笑 怪笑 瘦笑 憨笑	暗窃狡恶狞奸佯冷谄暗哂笑笑笑笑笑笑笑笑笑笑笑笑	苦笑笑笑

Как видно из таблицы, глаголы смеха в китайском языке объективируют эмотивные состояния радости и горя, при этом палитра радостного смеха достаточно разнообразна. Так, центральное место среди глаголов радостного смеха занимает группа глаголов с наиболее обобщенным значением, приближенным к прототипическому значению смехового действия: 笑,乐,噱,大笑,笑噱,欢 笑, 嬉笑, 朗笑, 嗔笑, 嘻笑, 言笑. Все глаголы передают радостный и счастливый смех, на что указывают контексты с такими изобразительными словами и словами, усиливающими интенсивность смеха: 呵呵,哈哈,嘎嘎, 高声,敞声. Наряду с этими признаками радостного смеха, как мы писали ранее, «не удивительны контексты со словами, передающими мимику, но, интересно отметить, что в основном это описания мимики рта, а не губ, как в русском языке, например, 咧嘴声大笑 расхохотаться, растягивая рот, 张嘴大笑起来 растянуть рот

и рассмеяться. Основные жесты, которые сопровождают глаголы смеха – это движения головы: 仰首 запрокинуть голову, 摇头朗笑 покачать головой, 仰脸 запрокинуть лицо и др. Все это добавляет качественные характеристики внешним проявлениям эмоций» [Шахаева, 2022, с. 69].

Остальные глаголы также объективируют эмоциональное состояние радости, но объединяются в разные группы на основе общего компонента. Компонент СУБЪЕКТ смехового действия объединяет глаголы женского смеха, куда относятся глаголы 艳笑,娇笑,媚笑 и коллективного смеха – 喧笑, 哄笑,轰笑,哗笑.

Как показал анализ корпусных данных, глаголы женского смеха зачастую употребляются с прилагательными и наречиями степени, передающими семантику слабой интенсивности звука, т. е. для глаголов женского смеха не характерна высокая интенсивность звука: 她掩嘴娇笑, 轻轻地娇笑,

Языкознание

她银铃般娇笑着. Наряду с этим, данные глаголы частотны в сочетании с семантикой кокетства诱惑地媚笑, 羞答答地媚笑, что также позволяет отнести данные глаголы в отдельную подгруппу.

В отличие от глаголов женского смеха субъектом действия глаголов коллективного смеха выступает группа людей. Глаголы данной подгруппы в структурном плане представляют собой лексические комплексы, образованные по структуре звукоподражание + 笑, где первый компонент передает звуковую имитацию громкого звука, например, ф передает звукоподражание какому-либо удару (например, железных ворот) или ударам бегущей воды, 轰 звукоподражание раскатам грома или взрыву хлопушек. Данная группа глаголов легко сочетается с изобразительными словами, а также словами, усиливающими интенсивность звука, например, 哈哈 轰笑了起来, 同学们哗笑喧闹着.

Глаголы третьей группы, куда входят 微笑,哑笑,淡笑,浅笑,失笑,干笑,哂, объединяются на основе компонента СЛАБАЯ ИНТЕНСИВНОСТЬ ЗВУКА, причем среди глаголов самым «громким» является глагол 哑笑, который сочетается со словом 半声,а также встречается с изобразительными словами, передающими достаточно высокую интенсивность смеха – 嘎, 嘎, 怪声怪气地哑笑起来. Своего минимального проявления интенсивность звука данной группы глаголов достигает в глаголе 微笑, передающим беззвучное смеховое действие.

Следующая группа глаголов (狂笑, 怪笑, 痴 笑,傻笑,憨笑) выделяется на основе общего компонента ОТКЛОНЕНИЕ ОТ СОЦИАЛЬНОЙ НОРМЫ (СТРАННОСТЬ), который содержится в семантике первой части двусложного слова. Как правило, отклонение от нормы проявляется в несоблюдении определенных социальных правил поведения в силу определенных причин. Как известно, неуместное поведение или неуместный смех может вызывать недовольство и осуждение со стороны. Данные глаголы объективируют смеховое действие такого характера, т. е. неконтролируемый, несдержанный смех, который, как правило отличается высокой интенсивностью звука, поэтому активно сочетаются со словом 大声. Наряду с этим, глаголы могут содержать и положительную коннотацию, в этом случае в их семантике ярко проявляется оценочный компонент: 开心得憨笑.

Последняя группа глаголов радостного смеха (暗笑, 窃笑, 狡笑, 恶笑, 狞笑, 奸笑, 佯笑, 冷笑, 谄笑, 暗哂, 哂笑, 匿笑) объединяется на основе компонента АГРЕССИЯ и формирует группу глаголов злого смеха, который является физическим проявлением эмоции радости, но радости от предчувствия получения какой-то выгоды, или предвкушения чужого

невезения или неудачи, так как радость «возникает не только по поводу удовлетворения желания, достижения цели, но и по поводу предвидения удовлетворения желания (предвкушения). Впрочем, разница между этими двумя случаями небольшая» [Ильин, 2001, с. 161].

Негативные эмоции, как правило, контролируемые, отсюда явные отличия в наборе семантических компонентов в глаголах злого смеха, в частности, целесообразность проявления эмоций и скрытность (не показать другим), отсюда характеристика интенсивности звука – громкость – отличается своей слабостью, например, 闷声暗笑, 暗暗匿笑. Несмотря на сдержанность эмоций со стороны субъекта можем наблюдать и вербальные проявления – мимика и жесты: 张着一口大黄牙狞笑, 掩嘴窃笑.

Анализ китайских глаголов группы смехового действия показал, что смех является внешним выражением не только экспериенциального состояния радости, но и печали. Группа глаголов печального смеха немногочисленна; в ее состав входят четыре единицы: 苦笑,惨笑,强笑,悯笑. Здесь в качестве первых компонентов выступают прилагательные с семантикой горечи и печали. Таким образом, мы можем говорить о различных эмоциональных каузаторах радости и печали, которые приводят к внешне одинаковым выражениям - смеху, но, как показал анализ контекстов с данными глаголами, глаголы печального смеха в своем проявлении лишены активной мимики, жестов и характеризуются достаточно низкой интенсивностью звука. Следует отметить, что среди рассмотренных глаголов печального смеха глагол 惨笑 в зависимости от контекста может передавать и злой смех, что позволяет предположить, что в сознании носителей китайского языка злая радость находится в понятийном пространстве в непосредственной близости с печалью.

Также следует отметить, что не все рассмотренные глаголы можно отнести к частотным, например, глаголы 噱, 哂 характерны только для письменно-книжного языка и отличаются достаточно низкой частотностью.

вывод

В силу своей природы человек наделен эмоциями и чувствами, эмотивная лексика как никакая другая позволяет увидеть эмоциональную картину мира носителей того или иного языка, ведь эмоциональный опыт находит отражение в словах, обозначающих эмоциональные проявления, и каждый язык обладает своими уникальными средствами для концептуализации того или иного эмоционального состояния. «Можно утверждать, что эмотивные

смыслы, отображающие основные человеческие эмоции, универсальны, а их лексическая манифестация, с разной степенью глубины и в различных аспектах конкретизирующая их, имеет национальную специфику. Таким образом, все множество эмотивной лексики передает национальную картину чувств, а их группировка по исходным эмотивным смыслам – универсальную картину чувств» [Бабенко, 1989, с. 29].

Проведенный анализ семантики глаголов позволяет говорить о богатой палитре смысловых оттенков смехового действия в китайском языке, о чем говорят подгруппы глаголов радостного смеха, объединенные общим компонентом:

коллективный смех, женский смех, тихий смех, странный смех, злой смех. Это позволяет говорить о том, что в китайском языке РАДОСТЬ является эмоционально сложным концептом.

Исследование показало, что китайские глаголы смеха вербализуют два разных эмоциональных состояния – радость и печаль, т. е. содержат в своей семантике эмотивный компонент и занимают важное место среди эмотивных единиц китайского языка, что говорит не только о важности изучения глаголов данной группы, но и открывает перспективы для изучения эмотивного кода китайского языка и общей лингвистики эмоций.

список источников

- 1. Шаховский В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: учебное пособие по дисциплинам по выбору «Язык и эмоции» и «Лингвокультурология эмоций» для студентов, магистрантов и аспирантов Института иностранных языков Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград: Перемена, 2009
- 2. Хо О. А. К вопросу о классификации эмотивных глаголов (на материале китайского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 4 (450). Филологические науки. Вып. 124. С. 160–166.
- 3. Язык. Этнос. Культура. Опыт лингвистических исследований: коллективная монография / под общ. ред. Ю. О. Коноваловой. Владивосток: ВГУЭС, 2014.
- 4. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб: Питер, 2001.
- 5. Беляевская Е. Г. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (к вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1 (004). С. 5 14.
- 6. Шахаева А. А. Глаголы смеха в современном китайском языке // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. Вып. 2. С. 67–72.
- 7. Изард К. Е. Эмоции человека. М.: Изд-во Московского университета, 1980.
- 8. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989.

REFERENCES

- 1. Shakhovskii, V. I. (2009). Yazyk i emotsii v aspekte lingvokul'turologii = Language and emotions in the perspective of linguoculturology. Volgograd: Volgograd State University Publishing house. (In Russ.)
- 2. Kho, O. A. (2021). On classification of psychological (emotive) verbs as exemplified by the Chinese language. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 4 (450). Filologicheskie nauki. Vyp. 124. (pp. 160–166). (In Russ.)
- 3. Konovalova, Yu. O. (2014). Yazyk. Etnos. Kul'tura. Opyt lingvisticheskikh issledovanii = Language. Ethnos. Culture. Linguistic research experience. Vladivostok: VGUES Publishing house. (In Russ.)
- 4. Il'in, E. P. (2001). Emotsii i chuvstva = Emotions and feelings. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- 5. Beliaevskaya, E. G. (2005). Vosproizvodimy li rezul'taty kontseptualizatsii? (k voprosu o metodike kognitivnogo analiza) = Towards a uniform procesure of conceptual analysis. Voprosy kognitivnoi lingvistiki, 1(004), 5–14. (In Russ.).
- 6. Shakhaeva, A. A. (2022). Laughing" verbs in Chinese. Vestnik of Buriyat State University. Philology, 2, 67–72. (In Russ.)
- 7. Izard, C. E. (1980). Emotsii cheloveka = Human emotions. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)
- 8. Babenko, L. G. (1989). Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsii v russkom yazyke = Lexical devices for describe emotions in Russian. Sverdlovsk: Ural University Publishing house. (In Russ.)

Языкознание

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шахаева Александра Альбертовна

кандидат филологических наук доцент кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shakhaeva Alexandra Albertovna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 15.06.2022 одобрена после рецензирования 24.08.2022 принята к публикации 01.09.2022

The article was submitted 15.06.2022 approved after reviewing 24.08.2022 accepted for publication 01.09.2022

Научная статья УДК 821.411.21 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_112

Развитие арабской прозы в эпоху джахилии (V-VI вв. н. э.)

И. М. Альбеков

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия lbekovi@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена истории развития арабской прозы в доисламскую эпоху. Проза являет-

ся неотъемлемой частью мировой литературы. Арабская литература сформировывалась в V-VI вв. н.э. на территории Аравийского полуострова среди кочевых бедуинских племен. Арабская классическая литература сложилась в основном в стихотворной форме в виде касыды (твердая поэтическая форма) и различных видов прозы. Автор статьи затрагивает основные

виды арабской прозы доисламского периода.

Ключевые слова: джахилийя, арабская литература, арабская проза, рассказы, пословицы, завещания

Для цитирования: Альбеков Ильдар Мунирович. Развитие арабской прозы в эпоху джахилии (V-VI вв.н.э.). // Вест-

ник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022.

Вып. 10 (865). С. 112-119. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_112

Original article

The Development of Arabic Prose in the Era of Ignorance (V–VI A.D)

Ildar M. Albekov

Moscow State Linguistic University. Moscow, Russia albekovi@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the history of the development of Arabic prose in the pre-Islamic era. Prose

is an integral part of world literature. Arabic literature was formed in the 5th – 6th AD. on the territory of the Arabian Peninsula among the nomadic Bedouin tribes. Arabic classical literature has developed mainly in poetic form in the form of qasida (solid poetic form) and various types of prose. The author of the article touches upon the main types of Arabic prose of the pre-Islamic period.

Keywords: jahiliya, Arabic literature, Arabic prose, stories, proverbs, wills

For citation: Albekov I. M. (2022). The development of Arabic prose in the era of ignorance (V-VI AD). Vest-

nik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(865), 112-119. 10.52070/2542-

2197_2022_10_865_112

ВВЕДЕНИЕ

Арабский язык является одним из самых распространенных языков мира, на нем говорят свыше 400 млн человек. Помимо арабских стран, он пользуется популярностью в неарабских странах, таких как Турция, Мали, Чад, Сенегал, Эфиопия, Эритрея, Иран и южный Судан, Индонезия, Малайзия и др. [Сегаль, 1962].

В мусульманском мире, в отличие от арабских стран, арабский язык считается, в первую очередь, не средством общения, а священным языком. Так как на нем записан Коран, религиозные обряды и ритуалы совершаются только на арабском языке.

Распространение исламской религии оказало прямое и косвенное влияние на повышение статуса арабского языка среди новообращенных мусульман. А для нового поколения новообращенных мусульман из других народов в VII–VIII веках нашей эры арабский язык стал родным языком, который повлиял на языки многих африканских и азиатских народов. Он повлиял даже на языки немусульманских народов, и сейчас в языках европейских народов, в том числе и в русском языке, встречаются исконно арабские слова, заимствованные из арабского языка (алгебра, азимут, алмаз, амбар, алкоголь, висмут, сундук, казана, кофе, магазин и др.) [Сегаль, 1962].

В Средние века он стал языком не только религии, но и науки, литературы, культуры и политики в странах, управляемых мусульманами. Он по праву назывался «латынью Востока» [Теоретический курс арабского языка, 2004, с. 5].

Арабский язык прошел триумфальный путь языка победителя, выразителя новой религии и молодой мощной цивилизации, который почти восемь веков (711–1492 гг.) был государственным языком Аль-Андалусии – «мусульманской Испании», и через Испанию арабы внесли свою лепту в культурный подъем Европы эпохи Возрождения. Через арабский язык европейцы приобщились к античной и восточной науке – медицине, философии, математике, и астрономии [Фильштинский, 1985].

Кроме этого, арабский язык оказал большое влияние на ряд других языков во всем исламском мире, таких как персидский, турецкий, курдский, берберский, малайский, урду, албанский, индонезийский, и др. [Ковалев, Шарбатов, 1998].

Арабский язык считается одним из самых плодовитых языков с точки зрения лингвистического материала: в словаре Ибн Манзура (Лисан аль-Араб), составленном в XIII веке нашей эры, более 80 тыс. статей, что свидетельствует о его богатстве и широте. Арабский язык появился более двух тысяч лет назад. Считается, что он возник на Аравийском полуострове. На нем говорили бедуинские племена, живущие на северо-западных границах современной Саудовской Аравии, и это один из семитских языков, таких как: аккадский и иврит на севере, арамейский и ассирийский на востоке, абиссинский на юге, коптский в Египте и финикийский в Ливане, но в настоящее время многие из этих языков вымерли.

Основной причиной распространения арабского языка было перемещение бедуинских племен с одного места на другое, в дополнение к смешению арабов с коренными народами этих мест. Но и самой главной причиной распространения арабского языка были, арабские завоевания в VII в.н. э. [Ковалев, Шарбатов, 1998].

Арабские лингвисты, литературоведы и филологи разделили древние арабские тексты на две категории:

- 1. тексты, составленные с ритмом и рифмой, это поэтические тексты или, проще говоря, поэзия:
- 2. разрозненные тексты без ритма и рифмы, это проза.

Статья затрагивает проблемы развития прозы, а не поэзии, так как про арабскую поэзию писали многие советские востоковеды, такие как И. Ю. Крачковский (1883–1951), выдающийся советский востоковед, автор сотен работ по арабскому языку и арабской поэзии, И. М. Фильштинский (1918–2013), выдающийся советский и российский историк-арабист, автор Истории арабской литературы, и другие крупные арабисты и востоковеды.

С глубокой древности арабская поэзия и проза передавались устно, и первый этап их развития остается скрытым и неизученным. Преобладает мнение, что в VI в. н. э. арабская литература в виде поэзии окончательно сформировалась и достигла наивысшего расцвета.

Поэзия в эту эпоху пользовалась большим успехом, и у каждого арабского племени были поэты, которые в стихах воспевали своих героев или оплакивали своих погибших в междоусобных войнах собратьев, а также описывали трудности и прелести жизни в суровых условиях пустыни. Часто поэты в стихах побуждали своих соплеменников взяться за оружие и отомстить за воина своего племени, если его убило другое племя. Поэтому поэзия и поэты процветали в эту трудную эпоху становления арабской нации и развития ее литературы как средства, отражающего их образ жизни [Шауки Даик, 1960].

Проза в эту эпоху развивалась отдельно от поэзии и, если поэзия по-арабски называется «ши'ар»,

что значит *чувство* (слово образовано от арабского глагола «шаара» чувствовать), то проза называется «наср» и (образована от арабского глагола «ассара»), что значит *влиять*. То есть цель поэзии вызывать высокие чувства, а цель прозы повлиять на мышление, на восприятие реальности, и поэтому в прозе применялись различные приемы, для его влияния на общество [Шауки Даик, 1960].

ЗНАЧЕНИЕ И ВИДЫ ПРОЗЫ

Проза – это устная или письменная речь, которая не имеет рифмы и состоит из отдельных связных предложений. Слово «проза» образовано от латинского *prosus*, что означает «прямой, свободный». В отличие от стихов проза не делится на отрезки, в ней все целостно.

К прозе относятся множество жанров, например, роман, рассказ, повесть, биография, очерк, манифест, новелла и многие другие.

Роман – крупная форма эпоса, особенностью которой является сложно развивающийся сюжет и обилие героев. Повесть, в отличие от романа, имеет меньший размер, повествование ведется о событиях в жизни одного или двух главных персонажей.

Рассказ – малая форма эпоса, описывающая небольшое событие из жизни главного персонажа.

Сейчас нет достоверных источников и документов, указывающих на то, что арабы той эпохи писали романы, эпосы, повести и т. п. Но это совсем не значит, что они не умели писать и читать. Есть свидетельство из жизнеописания пророка Мухаммеда, что у арабов, жителей Мекки, была книга под названием «Лукман», которую арабы любили читать в больших собраниях. Эта книга не сохранилась, но известно, что она содержала притчи, рассказы о былых арабских героях – это доказывает нам, что арабы умели писать и читать [там же].

ПРИЧИНЫ НЕСОХРАННОСТИ АРАБСКОЙ ПРОЗЫ ДОИСЛАМСКОЙ ЭПОХИ

- 1. Легкость запоминания стихов по сравнению с прозой, потому что в стихах есть музыкальный ритм.
- 2. Интерес к гению поэта в племени больше, чем интерес к прозе, поскольку поэт защищает свое племя и гордится им.
- 3. Сложность выразительно изобразительных средств, используемых в прозе в литературных целях.

Арабы запоминали и передавали доисламскую прозу через устное повествование.

ВИДЫ ДОИСЛАМСКОЙ ПРОЗЫ

- 1. Публичное выступления или проповеди.
- 2. Сказания.
- 3. Пословицы.
- 4. Заветы.

Проповедь в доисламскую эпоху

Проповедью в доисламскую эпоху считалось, публичное выступление проповедника или какого-либо человека перед публикой - с целью дать советы, наставления и напутствия. Часто оратор, выступавший перед публикой, выражал несогласие с чем-то или призывал к миру между племенами, пытаясь остановить кровопролитие. Публичные выступления в доисламскую эпоху проводились на рынках, на различных собраниях во дворах и дворцах шейхов и эмиров. Нередко шейхи и эмиры сами выступали с проповедями перед своими соплеменниками или перед воинами, давая им напутствия перед битвой. Проповедь или публичное обращение, дошедшие до нас с доисламской эпохи, были рифмованы, чтобы они лучше усваивались и понимались слушателями.

Поэтому арабы прибегали к проповедям во время состязаний, скачек, решения спорных вопросов между различными племенами и во время религиозных обрядов. На проповедников возлагалась большая ответственность, и от успеха их проповеди часто зависел дальнейший ход действий. Например, один из поэтов того времени сказал:

Когда возникают недопонимания между нами, Мы идем к нашим проповедникам, Ведь только они в силах примирить нас!
[Шауки Даик, 1960, с. 411]

Проповедь в доисламскую эпоху процветала по следующим причинам:

- 1. Природа пустыни и кочевая жизнь.
- 2. Наличие фанатизма в арабском племени и гордости за свое племя.
- Отсутствие широко распространенной письменности, соответственно, расцвету этого вида искусства, для которого характерно устное выражение.
- 4. Наличие рынков в доисламскую эпоху, когда арабы собирались, чтобы продемонстрировать свои таланты с помощью риторики и других приемов.

Отличительные черты публичных выступлений среди арабов в доисламскую эпоху:

- Короткие фразы
- Быстрота речи
- Обобщение смысла
- Красноречивость

Типы публичных выступлений

- 1. Военные проповеди это проповеди, в которых проповедник разжигал чувства своего народа, побуждал их брать в руки оружие и приложить все усилия для защиты своего племени и народа. Оратор выступал перед своей публикой очень эмоционально и красноречиво.
- 2. Проповедь примирения это проповедь, которая произносится в разгар накала отношений между двумя противоборствующими сторонами или племенами, чтобы снизить напряжение, и для примирения сторон. Часто искусный оратор мог остановить кровопролитие и примирить злейших врагов.
- 3. Брачная проповедь это проповедь, которая произносилась при сватовстве. Оратор в отсутствие жениха при родственниках девушки в своей проповеди упоминал важные характеристики жениха. Он описывал богатства, которыми тот обладает, а также его храбрость, отвагу и смелость, его достоинства, честь и благородное происхождение.
- 4. Проповедь соболезнования это проповедь, которая произносилась после смерти соплеменника. Проповедник перед родственниками и близкими усопшего оплакивал умершего и выражал искренние соболезнования его семье, потерявшей самое ценное, что было в их жизни, а также призывал их проявить терпение в этот трудный час.

Сохранились некоторые проповеди доисламской эпохи, например, проповедь Касса ибн Саида, произнесенная им на рынке Указы в Мекке:

"أَيُّهَا النَّاسُ، اسْمَعُوا وَعُوا، مَنْ عَاشَ مَات، وَمَنْ مَات وَارزاق مَات قَات، وَكُلُّ مَا هُوَ آتِ آت. مطر ونبات وأرزاق وأقوات وآباء وأمهات وأحياء وأموات جمع وأشتات، لَيْلٌ دَاج، وَنَهَارٌ سَاْج، وَسَمَاءٌ ذَاتُ أَبْرَاجٍ، وأرض ذات فجاج، وبحار ذات أمواج، ومهاد موضوع، وسقف مرفوع، ونجوم تَمور، وبحار لا تغور، ونُجُومٌ تَزْ هَر، وَبِحَارٌ تَزْ خَر!"

О люди, слушайте и знайте: те, кто жил, умерли. А те, кто умер – сгинули, ведь каждый приходящий уходит. Все в этом мире рождается и умирает, приходит

и уходит: отцы и матери, братья и сестры, ночь и день, земля и небо, звезды и луна, реки и моря. Все не вечно и все уйдет [Мухаммад Абу Захра, 1932, с. 291].

Проповедь Хани бин Кубайса аль-Шайбани, который подстрекал свое племя против другого племени:

يا معشر بكر, هالك معذور خير من ناج فرور, إن الحذر لا يُنجِي من القَدر, وإن الصّبر من أسباب الظّفر, المنيّة ولا الدّنيّة, استقبال الموتِ خيرٌ من استدباره, الطّعنُ في ثُغَر النّحور أكرمُ منه في الأعجاز والظّهور, يا آل بكر قاتلوا فما للمنايا من بدّ

О, достопочтенное племя Бикр! Знайте: погибший на поле брани лучше, чем выживший после побега. Осторожность не спасает от судьбы, а терпение – одна из причин победы. Принять смертный бой лучше, чем повернуться к нему спиной [Мухаммад Абу Захра, 1932, с. 292].

Проповедь Кааб бин Луай своему народу в пятницу:

أمّا بعد: فاسمعوا وتعلموا، وافهموا واعلموا، ليل ساج، ونهار ضاح، والأرض مهاد، والسماء بناء، والجبال أوتاد، والنجوم أعلام، والأولون كالآخرين، والأنثى والذكر، والروح وما يهيج إلي بلي، فصلوا أرحامكم، واحفظوا أصهاركم، وثمّروا أموالكم، فهل رأيتم من هالك رجع؟ أو ميت نُشر؟ الدار أمامكم، والظن غير ما تقولون، حَرَمُكم زيّنوه وعظّموه

Вот мои слова: «Слушайте и учитесь, понимайте и знайте: ночь темна, а день ясен; земля – колыбель, а небо – крыша; горы – колышки, звезды – знаки. Будьте милостивы и берегите своих родственников и ваше имущество. Разве вы видели, чтобы мертвый вернулся или воскрес..? [там же].

Сказания в эпоху джахилии

Следующим распространенным видом прозы в доисламскую эпоху среди арабов были сказания и притчи. Темы рассказов были разнообразны. Целью сказаний были развлечение, обучение,

руководство к действию или мотивация. Они вращались вокруг: рыцарства, истории племени, героизма и славы.

Эти сказания затрагивали истории из повседневной и реальной общественной жизни. Они включали сказки или мифы, такие как истории о «Гуле и его доме в пустыне», а также многочисленные истории джинов (злых духов). Арабы черпали свои истории из жизни, своего положения, своих раздоров и культурного наследия [Шауки Даик, 1960].

В каждом рассказе был доминирующий элемент, который отличал его от других. Поэтому он оставлял свой след в душе человека. Эпические рассказы получили широкое распространение среди арабов доисламской эпохи.

Одним из самых известных сказаний среди арабов было сказание о войне аль-Бассуса, которая началась между племенами Талиб и Бакр в 494–534 н. э. В этом сказании говорится, что Вождь племени Талиб ранил белую верблюдицу, принадлежавшую женщине из племени Бакр.

Однажды Бассус, дочь Мункит, навестила сына своей почтенной сестры, Яссаса бин Марра. Она отпустила свою верблюдицу, которая пришла к колодцу племени Талиб, чтобы напиться. Когда Кулайб (вождь племени Талиб) узнал, что верблюдица из племени Бакр пасется и пьет воду из их колодца без его разрешения, рассердился, взял свой лук и убил верблюдицу.

Когда Бассус узнает, что ее верблюдицу убил вождь племени Талиб, она призывает своего племянника Яссаса отомстить за убийство верблюдицы, так как были затронуты ее честь и достоинство ее племени. Яссас устраивает засаду на вождя племени Талиб и жестоко убивает его.

Люди племени Талиб, узнав об убийстве вождя, решают отомстить и напасть на племя Бакр. Вскоре два родственных племени погружаются в сорокалетнюю междоусобную войну.

Результатом войны Аль-Бассуса является победа племени Талиб над племенем Бакр. Аль-Мухалхил (брат вождя племени Талиб) убивает Яссаса. Но эта война унесла множество невинных человеческих жизней. Историю этой войны арабы передавали из уст в уста как сагу о древних героях, где они восхищались их мужеством, порицали трусость и предательство и оплакивали погибших.

Пословицы в эпоху джахилии

Пословицы также являются одним из видов прозы. В пословицах заключается мудрость народа, накопленная в течение многих веков. Они содержат в себе глубину народных мыслей и

жизненного опыта, передающегося из поколения в поколение. Арабы, как и все народы, преуспели в использовании пословиц в различных ситуациях и событиях из-за практической потребности в них людей [там же].

Примеры арабских доисламских пословиц:

العين بصيرة و اليد قصيرة Аль-айну басыратун ва-ль-йаду касыратун Глаз видит, да рука коротка

من جد و جد Ман джадда ваджада Кто старается, тот найдет

رجع بخفي حنين Раджаа бихуфай хунайн Он вернулся с пустыми руками

إنك لا تجني من الشوك العنب Иннака ла таджни мин шаки инаба Ты не соберешь виноград из шипов.

Эта пословица приводится как пример того, что от дружбы с плохим человеком ничего хорошего не получится.

عين الحب عمياء Айну-ль-хубби амйа Глаз любви слеп

Похожа на русскую пословицу «Любовь слепа».

Рифмованная проза жрецов и предсказателей

Аравийский полуостров в доисламскую эпоху был центром язычества, и несмотря на то, что некоторые арабские племена, особенно жившие на Ближнем Востоке, исповедовали христианство, все же большая часть арабских племен были язычниками, поклоняющимися пантеону богов и идолов и видимо, по этой причине среди арабов были распространены суеверия и вера в сакральные и тайные знания. Посредниками между людьми и этими знаниями являлись жрецы и предсказатели.

Предсказатели имели большой авторитет среди арабов – их чтили, их боялись, и к ним обращались за помощью в трудные минуты, с целью узнать, что ждет человека в будущем, что уготовано ему богами и как избежать трудности и задобрить богов.

Предсказатели и жрецы, впадая в некий транс как шаманы, сообщали людям, что их ждет, что с ними произойдет в будущем и что им нужно сделать для того, чтобы с ними ничего дурного не произошло. Также к ним обращались за советом, на ком жениться, или за кого выйти замуж, или как найти себе вторую половину, или стоит ли в этом

году идти войной против соседнего племени и т. п. Арабы искренне верили, что предсказатели и жрецы обладают скрытыми знаниями и что на них нисходит небесное откровение во время их ритуалов [Шауки Даик, 1960].

Предсказатели беседовали с людьми, которые обращались к ним используя سَجَعٌ садж'а – рифмованную прозу [Баранов, 1996].

Предсказатели в своих речах часто использовали непонятные обычному человеку слова, которые звучали как заклинания – этим придавали им таинственность и сакральность.

Пример سَجَعٌ садж'а – рифмованной прозы, обращенной Сатыхом аз-Зи'би, одним из известных арабских предсказателей, к правителю Йемена, когда тот спросил его, что будет с его царством в будущем.

Под камнями затаилась змея, ваши земли захватят эфиопы и раздробят вас на части.

В этом предложении слова *змея, эфиопы и раз- дробят* оканчиваются на букву «ш» – *ханаш, хабаш и джараш* – поэтому она так и называется рифмованной прозой, т. е. слышится она как стих, но это не стих.

Распоряжения в эпоху джахилии

Следующим видом арабской доисламской прозы являются распоряжения. Распоряжения или заветы были широко распространены среди арабов в доисламскую эпоху.

Распоряжения – это то, что человек приказывает другим сделать. Например, человек просит своих родственников или друзей таким-то образом распорядиться его имуществом после его смерти, часть разделить между наследниками, а другую часть раздать бедным как пожертвование и т. п.

Распоряжения обычно передавались устно языками мудрецов и старцев. Такими мудрецами и старцами в доисламскую эпоху были: Зухаир бин Джанаб аль-Кальби, Амер бин аз-Зарб и Хусн ибн Худхайфа аль-Фазари. Среди женщин – Умама бинт аль-Харит¹.

Виды заветов и распоряжений

Большинство заветов было адресовано родителями их детям, а некоторые из них – другим

¹ URL: https://almaqalat.blogspot.com/2016/08/blog-post 84.html

соплеменникам. Распоряжения можно разделить на два типа:

- 1. Социальные заветы. Такие заветы и распоряжения были связаны с браком, имуществом, дружбой, заботой о родственниках и лошадях, строились на таких высоких моральных принципах, как великодушие, щедрость, призыв к честности, жертвенности.
- 2. Политические заветы. Такие заветы были связаны с призывом к войне или миру и могли быть предостережением от конфликтов.

Примеры доисламских арабских заветов

Завет Зухайра ибн Джанаба аль-Кальби, который однажды сказал своим сыновьям:

قال: يا بني قد كبرت سني وبلغت حرضاً من دهري، فأحكمتني التجارب والأمور تجربة واختبار. فاحفظوا عني ما أقول و عوه إياكم والخور عند المصائب، والتواكل عند النوائب، فإن ذلك داعية للغم وشماتة للعدو، وسوء الظن بالرب، وإياكم أن تكونوا بالأحداث مغترين، ولها آمنين، ومنها ساخرين، فإنه ما سخر قوم قط إلا ابتلوا، ولكن توقعوها، فإن الإنسان في الدنيا غرض تعاوره الرماة، فمقصر دونه ومجاوز لموضعه، وواقع عن يمينه وشماله ثم لا بد أن يصيبه.

О мой сыны, я состарился и достиг почтенного возраста. Жизненные испытания сделали меня стойким и сильным. Запомните, то, что я вам скажу: Будьте стойкими, при бедах, не бойтесь испытаний, будьте дружны и едины, всегда выполняйте свои обещания, не предавайте свои друзей. Будьте верны друг другу, и знайте, что жизнь может принести вам любые испытания².

- Завет Сухбана ибн Ваиля:

إن الدنيا دار بلاغ، والأخرة دار قرار، أيها الناس فخذوا من دار ممركم إلى دار مقركم، ولا تهتكوا أستاركم عند من لا تخفى عليه أسراركم. وأخرجوا من الدنيا قلوبكم قبل أن تخرج منها أبدانكم، ففيها حبيتم، ولغير ها خلقتم. إن الرجل إذا هلك.. قال الناس: ما ترك؟ وقالت الملائكة: ما قدم؟ فقدموا بعضاً يكون لكم، ولا تخلفوا كلاً يكون عليكم

² URL: https://almaqalat.blogspot.com/2016/08/blog-post 84.html

Этот мир – мимолетный, а потусторонний мир – постоянный. О люди, готовьтесь к потустороннему миру. Поистине вы не скроете свои тайны от того, кому все ведомо. Выведите свои сердца из этого мира, прежде чем ваши тела выйдут из него. потому что в нем вы жили, а для других вы были созданы. После смерти человека люди говорят: «Он ничего не оставил?» А ангелы говорят: «Он ничего не принес?» Так оставьте в этом мире только хорошее, а в потусторонний мир заберите только благостное. 1

Завет Зуль-Исба аль-Адавани:

وأوصى ذو الإصبع العدواني، لما حضرته الوفاة، ابنه فقال: "يا بُني، إن أباك قد فَنِيَ و هوَ حيُّ، وعاشَ حتَى سَئِمَ العَيشَ. وإنِّي مُوصيكَ بما إنْ حفظته بَلغتَ في قَوْمكَ ما بَلغتُه: ألِنْ جانبَك لقَومك يُحبُوك، في قَوْمك يُحبُوك، وتواضعُ لهُمْ يرفَعوكَ، وابسُطْ وجْهَكَ يُطيعوكَ، ولا تستأثَّر عليهمْ بشيءٍ يسوِّدوكَ، وأكْرم صغارَ هُمْ كما تكُرمُ كبارَ هُمْ، يُكْرمكَ كبار هُم، ويَكبُرُ على مودَّتكَ صِغارَ هُمْ، واسْمحُ بمالكَ، وأعززُ جارَكَ، وأعنْ من استعانَ بِكَ، وأكرم ضيفكَ، وصئنْ وجهكَ، عنْ مسألِة استعانَ بِكَ، وأكرم ضيفكَ، وصئنْ وجهكَ، عنْ مسألِة أحدٍ شيئاً، فَبذلِكَ يَتمُّ سُؤُدُدُكَ"

Зуль Исба аль Адавани перед смертью сказал своему сыну: «Сын мой, твой отец умер, пока был жив, и жил, пока не устал от жизни. Если ты сделаешь, то, что я тебе завещаю, то ты достигнешь, того, что достиг я. Будь всегда внимателен к соплеменникам.

Будь мягок с ними, и они полюбят тебя. Почитай старших, прислушайся к младшим, и тебя зауважают и старшие и младшие. Будь щедр к ним и всегда помогай им, и они всегда помогут тебе.²

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сказать, что проза в арабском мире в доисламскую эпоху развивалась наряду с классической арабской поэзией. Она стала эффективным средством, с помощью которого люди передавали свои мысли, опыт, радость, переживания, огорчения, чаяния и надежды.

Проза, в отличие от поэзии, была приземленной, простой и понятной для всех слоев населения. Поэтому она получила широкое распространение среди простого населения. Но из-за того, что письменная фиксация литературных памятников арабов началась в середине VIII в. н. э., к сожалению, многие виды прозы были утеряны. И до нас дошли лишь сохранившиеся памятники доисламской поэзии в виде муаллаки — стихотворения самых значительных арабских поэтов той эпохи, чьи строки записывали на козьих шкурах, а потом вывешивали на стенах Каабы — отсюда и название «муаллака» (подвешенный).

Арабские и отечественные арабисты и филологи в значительной мере изучили арабскую поэзию доисламской эпохи, но изучение прозы остается еще незавершенным. Эта статья немного прольет свет для тех, кто профессионально изучает восточную литературу и, в частности, арабскую, расширит его представления об арабской прозе, которая прошла непростой путь становления и развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Сегаль В. С. Начальный курс арабского языка. М.: Международные отношения, 1962.
- 2. Теоретический курс арабского языка: учебник. М.: Военного университета МО РФ, 2004.
- 3. Фильштинский И. М. История арабской литературы V начало X века. М.: Главная редакция восточной литературы, 1985.
- 4. Ковалев А. А, Шарбатов Г. Ш. Учебник арабского языка. 3-е изд., исправленное и дополненное. М.: Восточная литература РАН, 1998.
- 5. ص قوقي ضيق. تاريخ الأدب العربي في العصر الجاهلي. دار المعارف. القاهرة. ص الكربي في العصر الجاهلي. دار المعارف. القاهرة. ص الاстория арабской литературы эпохи джахилийя. Каир: Дар аль-Маариф, 1960.
- 6. ص المعارف. القاهرة. ص 1932 = Мухаммад الدكتور شوقي ضيق. تاريخ الأدب العربي في العصر الجاهلي. دار المعارف. القاهرة. ص Абу Захра. История арабской проповеди. Каир: Дар аль-Маариф, 1932.
- 7. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. М.: Русский мир, 1996. Т. 1.

¹ URL: https://almaqalat.blogspot.com/2016/08/blog-post 84.html

 $^{^2\,\}text{URL:}\,\text{https://almaqalat.blogspot.com/2016/08/blog-post}\,\,84.\text{html}$

REFERENCES

- 1. Segal, V. S. (1962). Nachalnyi kurs arabskogo yazyka = Beginner course of the Arabic language. Moscow: Publishing house "International relations." (In Russ.)
- 2. Teoreticheskii kurs arabskogo yazyka (2004) = Theoretical course of the Arabic language. Textbook. Moscow: Voennogo universiteta. (In Russ).
- 3. Filshtinsky, I.M. (1985). Istoriya arabskoi literatury V nachalo X veka = History of Arabic Literature 5th beginning of the 10th century. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. (In Russ.)
- 4. Kovalev, A. A., Sharbatov, G. Sh. (1998). Uchebnik arabskogo yazyka = Arabic textbook. 3rd ed., corrected and supplemented. Moscow: Publishing company "Eastern Literature." (In Russ.)
- 5. ص .قاهرة. المعارف. القاهرة. ص .1960 = Shawky Dayik (1960). History of Arabic literature in the pre-Islamic era. Cairo: Knowledge House.
- 6. ص .أعارف. القاهرة. ص 1932 الدكتور شوقي ضبق. تاريخ الأدب العربي في العصر الجاهلي. دار المعارف. القاهرة. ص Abu Zahra. (1932). Rhetoric origins from its history in the brightest Arab eras. Cairo.
- 7. Baranov, Kh. K. (1996). Arabsko-russkii slovar = Arabic-Russian dictionary (vol. 1). Moscow: Russkii mir. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Альбеков Ильдар Мунирович

старший преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Albekov Ildar Munirovich

Senior Lecturer, Department of Oriental Languages,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 16.06.2022 одобрена после рецензирования 24.08.2022 принята к публикации 01.09.2022

The article was submitted 16.06.2022 approved after reviewing 24.08.2022 accepted for publication 01.09.2022

Научная статья УДК 821 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_120

Антропонимикон исторической новеллы Б. Ринчена «Мужественная Ану»

Д. В. Дашибалова¹, Д. Н.-Д. Васильева²

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, Улан-Удэ, Россия,

Аннотация: В работе рассматриваются антропонимы исторической новеллы известного монгольского ученого

и писателя, академика Б. Ринчена «Ану хатан» («Мужественная Ану»). Имена собственные как ценный эстетический компонент в системе художественно-изобразительных средств характеризуют творческий почерк автора, реконструируют исторические реалии и становятся предметом лингвистического анализа. В настоящей статье через призму ономастического пространства произведения анализируются своеобразие авторского стиля, закономерности функционирования онимов в произведении, а также предложена их семантическая и частично этимологическая интерпретации.

Ключевые слова: антропонимическая система, поэтонимы, ономастическое пространство, художественное произ-

ведение, историческая новелла

Благодарность: *Работа выполнена в рамках государственного задания — проект «Письменные традиции наро-

дов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней

Азии» (номер госрегистрации: 121031000263-3).

Для цитирования: Дашибалова Д. В., Васильева Д. Н.-Д. Антропонимикон исторической новеллы Б. Ринчена «Мужест-

венная Ану» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 10 (865). С. 120–125. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_120

Original article

Anthroponymycon of B. Rinchen's Historical Short Story "Courageous Anu"

Darima V. Dashibalova¹, Dugvema N.-D. Vasileva²

¹Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS, Ulan-Ude, Russia dardash3@gmail.com

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia dug-vema@mail.ru

Abstract. The article deals with the anthroponyms of a historical short story "Ahy хатан" ("Courageous Anu") writ-

ten by a famous Mongolian scientist and writer, academician B. Rinchen. The usage of proper nouns is a valuable aesthetic component in the system of artistic means of expression which characterize the author's creative style and reconstruct historical realities. The uniqueness of the author's style as well as the patterns of onyms' functioning is being analyzed through the lens of the work's onomastic space.

Besides, semantic and partially etymological interpretations are being proposed as well.

Keywords: anthroponymic system, poetonyms, onomastic space, a work of fiction, historical short story

Aknowledgements: *The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000263-3 'Writing

Traditions of Baikal Peoples in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia'.

For citation: Dashibalova, D. V., Vasileva, D. N.-D. (2022). Anthroponymycon of B. Rinchen's historical short sto-

ry "Courageous Anu". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(865), 120-125.

10.52070/2542-2197_2022_10_865_120

² Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹dardash3@gmail.com, ²dug-vema@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ

В языковом пространстве художественного текста ономастическая лексика становится ярким экспрессивным средством, особым авторским приемом. Поэтонимы (литературные имена) формируют «пространство и время» отдельного художественного произведения и осуществляют важную текстообразующую функцию в построении композиции текста. Автор нагружает каждое имя смыслом, выражает через имена отношение к происходящему, свои мировоззренческие установки и категории.

Ономастикон художественного произведения может «нести ярко выраженную смысловую нагрузку и обладать скрытым ассоциативным фоном» [Горбаневский, 1988, с. 4]. Кроме того, «в силу своей семантической емкости литературный антропоним – это весьма экономичное средство непосредственной и косвенной характеристики, которая обычно раскрывается в контексте, либо этимологически» [Фролов, 1994, с. 163].

Актуальность темы исследования заключается в том, что литературные имена (поэтонимы), являющиеся уникальным эстетическим компонентом в художественном произведении, отражают взгляды и стиль мастера и дают ключ в решении многих литературоведческих проблем, и издавна становятся объектом лингвистического анализа.

Антропонимический мир художественного текста гармонично входит во «внутренний мир художественного произведения, знаки которого служат для образного отражения действительности и соединяются друг с другом в некоей определенной системе, живут в своем художественном времени и пространстве» [Фонякова, 1990, с. 38-39].

Цель настоящего исследования – комплексное исследование антропонимической системы исторической новеллы Б. Ринчена «Мужественная Ану». В ходе работы мы проанализируем особенности антропонимических моделей именника, определим грани реального и вымышленного миров поэтонимов в произведении, выявим функциональную составляющую имен персонажей, а также рассмотрим семантику и частичную этимологию так называемых «говорящих» имен новеллы.

В многогранном наследии Бямбын Ринчена (1905–1977) – выдающегося монгольского ученого-филолога, академика, переводчика, классика монгольской литературы ХХ в., особое место занимают исторические новеллы. Его усердные штудии и исследования монгольской лингвистики, фольклора, национальной истории и этнографии, переводческая практика (перу Б.Ринчена принадлежит

перевод более ста крупных литературных произведений с двадцати языков мира) позволили воссоздать в новеллах картину исторического прошлого Монголии в неповторимой художественной манере и стилистике. Б. Ринчен – автор первого монгольского исторического романа-трилогии «Үүрийн туяа» («Утренняя заря»), киноповести «Цогт тайж», пьесы «Бэр цэцэг» («Цветок невесты»), исторических новелл «Ану хатан» («Мужественная Ану»), «Богд таалал болсон нь» («Кончина Богдо»), «Гар» («Рука богини»), «Гүнж» («Принцесса»), «Нууцыг задруулсан захиа» («Роковое письмо»), «Шухэрч Буниа» («Летатель Буниа») и др.

Новелла «Мужественная Ану» погружает читателей в воспетую в легендах и преданиях эпоху героической борьбы западных монголов (ойратов), объединившихся к середине XVII в. в Джунгарское ханство, против жестоких завоевателей маньчжурской империи Цин. Б. Ринчен выбрал форму поэтичной легенды, действующие герои которой как исторически реальные, так и вымышленные. В композиционном отношении новелла «Мужественная Ану» отличается стройностью и последовательностью: «границы каждой композиционной единицы четко определены автором: новелла состоит из эпиграфа и шести глав. Эпиграф представляет собой четверостишие из назидательного сборника «Улигерун далай» («Сутра о мудрости и глупости»): «Как ни копи сокровища - истратятся, как высоко ни возносись - низвергнешься; за встречей вечно следует разлука, за появленьем на земле – уход». Шесть глав - это внутренняя (содержательная) композиция, которая определяется особенностями конфликта и развертыванием сюжета, системой образов и т. д.» [Дашибалова, 2020, с. 85]. В авторском послесловии, своего рода художественном «колофоне» Б. Ринчен пишет: «Создавая эту новеллу, я по мере сил моих стремился воплотить слышанные от старцев легенды, желая побудить современных монгольских писателей к воссозданию в литературе героических страниц из истории борьбы четырех ойратов за свою свободу; показать героические подвиги предков, которые сражались с чужеземными завоевателями и не покорились, хотя и потерпели поражение в последнем бою. Завершая свое повествование в лето года обезьяны, обещаю осуществить свою давнюю мечту и написать когда-нибудь, если только хватит сил, исторический роман о мужественной Ану - решительной, отважной монгольской женщине, рассказать о ее светлой любви и благородной душе, чтобы добавить хоть каплю в море монгольской литературы» [Бямбын Ринчен, 1972, с. 57].

АНАЛИЗ АНТРОПОНИМОВ

Исследуемый материал представляет собой антропонимическую систему данной исторической новеллы Б. Ринчена. Одним из важных стилистических средств в раскрытии авторского замысла, создании сюжетных коллизий, исторических реалий в новелле «Мужественная Ану» являются антропонимы. В качестве материала исследования были взяты как оригинал новеллы «Ану хатан», так и ее русский перевод (в переводе Т. А. Бурдуковой). В работе мы будем обращаться к текстам оригинала [Ану хатан, 2005] и перевода [Бямбын Ринчен, 1972].

Личные имена персонажей (поэтонимы) являются неотъемлемой частью выражения творческого почерка автора. В произведениях на исторические сюжеты они занимают промежуточное положение между мирами реальных людей и вымышленных героев.

Из текста оригинала методом сплошной выборки были выписаны 26 личных имен, функционирующих в новелле: орос цэргийн Хабаров, орос жанжин Толбузин, Энх-Амгалан хаан (Тэнгэрийн хөвгүүн, Хуандий, их Хуандий, Богдо-хан Цинской империи), Христос, Ар монголын Түшээт хаан Чихундорж, Лигдэн хаан (Лигдэн хутагт хаан), Маккиавел Николло, их эрдэмтэн Күнз, Айсин Гиоро овог, Иехенара овог, Йесустэн лам нар, наран ван гэж цоллулдаг арван дөрөвдүгээр Луй ван, орос цагаан хаан Петер, Цэцэн хаан, Эебээр засагч хуандий, Сяншен (Учитель Же [Мужественная Ану (перевод Т. А. Бурдуковой)], Йесүстэн Жербильон), Дөрвөн Ойрадын удирдагч Галдан Бошгот, Бурхан Шигемуни, ойрадын удирдагч Сартваахи (в переводном тексте «Мужественная Ану» он безымянен - предводитель ойратов, с. 44), Ану хатан, Зая бандида Огторгуйн далай, Махакала, Сэнгээ хаан, шадар сэнгүн ноён Чимбай (Чимбай сэнгүн зайсан), Зунхава, Бор (воин Бор).

При изучении антропонимической системы настоящей новеллы следует сказать об особой экстралингвистической функции социальной легализации, включающей в себя знания о сословном происхождении нареченного, его социальном положении и т. д. Согласно А. В. Суперанской [Суперанская, 2007, с. 276], "она экстралингвистична, служит социальным целям, но базируется на языковом материале, который согласно определенным критериям сортируется и отбирается". В новелле встречаются составные имена, где первое – это личное имя, второе - титул, звание или прозвище, позволяющий читателю мгновенно определить социальный статус нареченного: багш «учитель», лам «лама; священнослужитель», хаан «хан», хатан

«ханша; княгиня; императрица», ноён «князь, господин», ван «император», жанжин «полководец», шадар түшмэл «придворный министр», зама «уважительное обращение к повару», хуандий от кит. «император», удирдагч «предводитель».

В ономастиконе художественного произведения необычайно важен аспект мотивировки именования персонажа. Согласно этому онимы разделены на группы ономастических разрядов: а) типичные антропонимы (личные имена собственно монгольского происхождения): Галдан Бошгот, Энх-Амгалан, Чимбай, Ану, Цэцэн, Бор; б) нетипичные антропонимы, указывающие на национальную принадлежность: Хабаров, Толбузин (русские), Жербильон (француз); - имена исторических деятелей, реальных людей: францын наран ван гэж цоллулахдаа дуртай арван дөрөвдүгээр Луй ван (пер. Васильевой Д. «король Франции Людовик XIV, любящий когда к нему обращались «Король Солнце»), Түшээт хаан Чихундорж, Лигдэн хаан (Лигдэн хутагт хаан, Ликдан-хан), Маккиавел Николло (Никколо Макиавелли - итальянский мыслитель, политический деятель, философ, писатель), Энх-Амгалан хаан (монгольское имя второго императора династии Цин в Китае (1644-1911), правившего под девизом Канси с 1662 по 1722 гг.; также известен в исторической литературе под китайскими именами Сюань Е и Шен-цзу; маньчжурское имя Элхе Тайфань) и др.; - «говорящие» имена: Бор, Сартваахи.

Важную роль в новелле играют имена и именования основателей религий и учений, божеств и религиозных деятелей (в скобках дублируем онимы из переводного текста) – Христос, Күнз (Конфуций), Йесүстэн (иезуиты), Бурхан Шигемуни (Будда Шигемуни), Зая бандида Огторгуйн далай (Зая-Пандита), Зунхава (Дзонкапа), Махагала (Махаала), орос лам (русский лама, русский священник). Как мы указали, действия новеллы разворачиваются в XVII в. на обширной территории бескрайней Азии, где проживают представители различных конфессий, упоминаются европейские страны, правители которых направляли ордены миссионеров-католиков.

В тексте оригинала не единожды упоминаются *Йесустэн* (иезуиты, представители мужского духовного ордена Римско-католической церкви, ставшие в тексте новеллы именем собственным). Маньчжурский двор второго цинского императора Канси в Пекине использовал у себя на службе миссионеров-иезуитов. Они стали его самыми доверенными советниками: помогали ему в искусстве ведения артилерийского боя, астрономии, математике, в переводах с иностранных языков и во внешней политике. Например:

...арван дөрөвдүгээр Луй вангийн явуулсан хэдэн Йесүстэн хэдэн лам нар зогсоцгоож... [Ану хатан, 2005, с. 66] – ...стояли несколько священников-иезуитов, отправленные Людовиком XIV... (Пер. Д. Васильевой).

Кроме того, в XVII в. на территории расселения монгольских племен началось активное распространение буддизма; в тексте часты упоминания учения Будды и божеств буддийского пантеона [Ану хатан, 2005; Бямбын Ринчен, 1972]: «Бээжин Махагалын цүм гэж Лигден хааны үеэс алдартай...» («Пекинский храм Махакалы, известный еще со времен Ликдан-хана»). Махакала (досл. 'Великий Черный') – буддийское божество, считавшееся покровителем ламаисткого учения.

В новелле автор пишет и о том, что «заботясь о душах погибших и стремясь облегчить живым горечь утраты, полководец, наряду с шаманским обрядом, разрешал также и обряд последователей учения Дзонкапы» [Бямбын Ринчен, 1972, с. 41]. Веротерпимость были одним из главных постулатов у монгольских племен и народов.

2) исторические деятели:

Хабаров, Толбузин, Энх-Амгалан хаан (император Канси), Түшээт хаан Чихундорж, Лигдэн хаан, Айсин Гиоро овог, Иехенара овог (аристократы – представители маньчжурского двора), Маккиавел Николло, арван дөрөвдүгээр Луй ван, орос цагаан хаан Петер, Цэцэн хаан, Эебээр засагч хуандий, Галдан Бошгот хаан, Ану хатан, Сэнгээ хаан;

3) имена вымышленных героев:

Сяншен «Учитель Же», шадар сэнгүн ноён, жанжин Чимбай «придворный министр, полководец Чимбай», Бор, ойрадын удирдагч Сартваахи «предводитель ойратов Сартваахи».

Особое место занимают поэтонимы, которые в полной мере отражают авторский замысел и погружают читателя в тот или иной литературный жанр. К данным поэтонимам относятся онимы, носители которых являются реально существовавшими историческими лицами (классифицированные нами в группы 1 и 2). Как известно, писатель наделяет их образы дополнительными характеристиками; личное имя приобретает дополнительные ономастические коннотации, становясь положительным, либо отрицательным. Наряду с летописями, историческими документами, художественное произведение в тесном ключе с национальной

ономастикой через личные имена героев несет всю полноту существовавших и приобретенных характеристик персонажей.

Каждый поэтоним, а в новелле это имена исторических личностей, несет важную смысловую нагрузку, определяя границы исторической эпохи в целом и ономастикона произведения в частности (например, имена Энх-Амгалан хаан, Лигдэн хаан, Цэцэн хаан, Түшээт хаан, Галдан Бошгот хаан, Ану хатан и т.д. вносят особую атмосферу, вводят читателя во времена именно той эпохи). Кроме того, прослеживается некая закономерность в именовании вымышленых персонажей, являющихся верными сподвижниками главных героев (например, шадар сэнгүн ноён Чимбай (Чимбай сэнгүн зайсан)). Сама фонетическая коннотация имени Чимбай рисует образ национального героя, верного поверенного Галдан Бошогту хана: «...глубоко почитал этого мужественного военачальника, друга его отца, умного и осмотрительного советчика в государственных и военных делах» [Бямбын Ринчен, 1972, с. 39]. Здесь уместно провести параллели и вспомнить Хубилай хана и его ханшу Чимбай, ставшую ему советником и верным помощником [Галданова, 2010].

Следующий антропоним *Бор* – имя воинателохранителя Ану хатан. Автор использует данный прием, когда именует слуг и простых людей. Ср. в переводе *х.-монг*. бор – «смуглый (*о цвете лица*); *перен*. невзрачный». Не меньший интерес с исследовательской точки зрения вызывает антропоним *Сартваахи*, предводителя ойратов, который в русском переводе стал безымянным воином. Сартваахи в переводе с санскрита обозначает «знаток местности» (например, *х.-монг*. мэргэн сартваахи – «мудрец сартвахи», бүгдийг мэддэг сартваахи – «всезнающий сартвахи»).

Ономастическое пространство художественного произведения на историческую тему представляет собой обязательное включение географических названий и личных имен реальных исторических личностей. В произведениях на данную тематику, в частности, в новелле «Мужественная Ану», подмена реальных имен на вымышленные может привести к искажению и неверному толкованию исторической действительности, что в дальнейшем приведет к недостоверности описываемых событий и снижению ценности художественного текста.

Помимо собственных имен героев новеллы мы выделяем персонажей, «играющих эпизодические роли» в повествовании, через которых автор смог передать переживания героев и неповторимый дух той эпохи. В данном случае происходиттак называемый переход имени нарицательного в собственное. Например, өвгөн орос лам (старик-священник) говорит старухе:

Христос тэнгэр хүмүүн бидний төлөө зовлон эдлээд, биднийг бас тэсвэрлэж бай! гэж айлдсан шүү дээ. Хатуужиж л үз! – Будь стойкой. Господь терпел и нам велел [Бямбын Ринчен, 1972, с. 14].

В переводе Т. А. Бурдуковой «Мужественная Ану» этого же священника называют именем-прозвищем: *Русский лама, Бородач*.

Следующие действующие лица – повара, кормящие нищих – далай зама «главный повар», где зама – уважительное обращение к повару (в переводном тексте функционирует как повар-чахар, что, на наш взгляд подтверждается диалектными особенностями его речи жүгээр жангууд биш, жүсээ буруулсан албаны чагдаа... «это вам не какой-нибудь торговец, а переодетый торговец» [там же, с. 20]). Чахары – подгруппа монголов, говорящих на чахарском монгольском языке и преимущественно живущих в юго-восточной Внутренней Монголии, Китай. Для их речи характерно звучание палатализованной [ж'] вместо взрывной аффрикаты [дз].

В данных отрывках автор через образы простых людей смог передать дух того времени, когда шла борьба против завоевателей. Безымянные

герои через прием перехода имени нарицательного в собственное становятся важными элементами ономастического пространства новеллы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье мы затронули только малую часть всего лингвистического материала новеллы писателя, драматурга, великого ученого, этнографа Бямбын Ринчена. Богатство и многообразие монгольского языка в полной мере представлены в настоящей новелле «Ану хатан». Изученные поэтонимы разнообразны, автор использует различные антропонимические модели, так как главные и второстепенные герои новеллы являются представителями разных национальностей, конфессий и сословий. Большинство антропонимов новеллы представлены именами реальных исторических персонажей, что усиливает стилистику произведения, и они становятся важным художественно-изобразительным средством. Вымышленные имена второстепенных героев с их образами органично вплетены в повествование и создают полную картину событий в исторической новелле.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Горбаневский М. В. Ономастика в художественной литературе. Филологические этюды. М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1988.
- 2. Фролов Н. К. Функции антропонимов в художественном тексте // Духовная культура Сибири. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 1994.
- 3. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990.
- 4. Дашибалова Д. В. К вопросу об архитектонике исторических новелл Б. Ринчена // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2020. Вып. 13. С. 82–91.
- 5. Бямбын Ринчен. Принцесса и другие новеллы. М.: Художественная литература, 1972.
- 6. Ану хатан // Бямбын Ринчений Ойрад судлалын бүтээл туурвил. Улан-Батор: Соёмбо принтинг, 2005 = Мужественная Ану // Сочинение Бямбын Ринчена по ойратоведению. Улан-Батор, 2005.
- 7. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: URSS, 2007.
- 8. Галданова А. Антропонимы в монгольском романе Ж. Пүрэва «Хубилай хаан» // Вестник БГУ. Филология. 2010. Вып. 10. С. 129–132.

REFERENCES

- 1. Gorbanevskii, M. V. (1988). Onomastika v khudozhestvennoi literature. Filologicheskie ehtyudy = Onomastics in fiction. Philological studies. Moscow: Izdatel'stvo Universiteta druzhby narodov. (In Russ.)
- 2. Frolov, N. K. (1994). Funktsii antroponimov v khudozhestvennom tekste = Functions of anthroponyms in a literary text. In Dukhovnaya kul'tura Sibiri. Tyumen: Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)
- 3. Fonyakova, O. I. (1990). Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste = Proper name in a literary text. Leningrad: LGU. (In Russ.)
- 4. Dashibalova, D. V. (2020). To the question of the architectonics of historical short stories by B. Rinchen. Culture of Central Asia: written sources, 13, 82–91. (In Russ.)

- 5. Byambyn Rinchen. (1972). Printsesa i drugie novelly = The princess and other novels. Moscow: Hudozhestvennaja literatura. (In Russ.)
- 6. Anu khatan = Courageous Anu. (2005). In Byambyn Rinchenii, Oirad sudlalyn bγtehehl tuurvil. Ulaanbaatar: Soyombo printing, 2005.
- 7. Superanskaya, A. V. (2007). Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo = General theory of proper name. Moscow: URSS. (In Russ.)
- 8. Galdanova, A. (2010). Antroponimy v mongol'skom romane Zh. Pureva "Khubilai khaan" = The anthroponomy in the Mongol novel of Zh. Purav "Khubilai khan." Bulletin of the Buryat State University. Philology, 10, 129–132. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дашибалова Дарима Владимировна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН

Васильева Дугвэма Натар-Доржиевна

кандидат филологических наук, доцент доцент кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dashibalova Darima Vladimirovna

PhD (Philology), Senior Researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Vasileva Dugvema Natar-Dorzhievna

PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Oriental Languages, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 16.06.2022 одобрена после рецензирования 24.08.2022 принята к публикации 01.09.2022

The article was submitted 16.06.2022 approved after reviewing 24.08.2022 accepted for publication 01.09.2022

Научная статья УДК 82.12:82.193 (575.2) (04) DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_126

Художественная модель времени и пространства в поэзии Н. Гургубаевой

У. Б. Култаева

OcOO Высшая авторская школа Умут Култаевой «Языковая компетенция", Бишкек, Киргизская Республика Kultaeva-U@yandex.com

Аннотация. В статье рассматривается творчество Н. Гургубаевой, выносится на научное обсуждение

художественная модель времени и пространства в стихах поэта и влияние этих физических категорий бытия на человеческие судьбы и психологию во взаимосвязи с теорией относительности А. Эйнштейна. В статье анализируются творческие поиски Н. Гургубаевой в создании новой художественной модели хронотопа за счет расширения масштаба пространства до бесконечности, которая оценивается как новое слово в современной национальной киргизской поэзии.

Ключевые слова: время, пространство, художественная модель, судьба, психология, солнце, путь, одиночество, кон-

цепт, теория относительности

Для цитиирования: Култаева У. Б. Художественная модель времени и пространства в поэзии Н. Гургубаевой // Вест-

ник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022.

Вып. 10 (865). С. 126-133. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_126

Original article

Artistic Model of Time and Space in N. Gurgubaeva's Poetry

Umut B. Kultaeva

LLC Higher author's school by Umut Kultaeva "Language competence", Bishkek, Kyrgyz Republic Kultaeva-U@yandex.com

Abstract. The article analyzes the work of N. Gurgubaeva, the artistic model of time and space in the poet's

poems and the influence of these physical categories of existence on the human destinies and psychology in connection with A. Einstein's theory of relativity are brought to scientific discussion. The article analyzes N. Gurgubaeva's creative work in creating a new artistic model of the chronotype of the chronotope by expanding the scale of space to infinity, which is evaluated as a new word in

modern national Kyrgyz poetry.

Keywords: time, space, artistic model, fate, psychology, sun, path, loneliness, concept, theory of relativity

For citation: Kultaeva, U. B. (2022). Artistic model of time and space in N. Gurgubaeva's poetry. Vestnik of Moscow

State Linguistic University. Humanities, 10(865), 126–133. 10.52070/2542-2197_2022_10_865_126

ВВЕДЕНИЕ

Поэту нужна не карьера, нужна судьба А. Блок

В годы независимости среди молодых поэтов, пришедших в киргизскую поэзию, силой своих внутренних переживаний, широтой масштабов мышления, охватывающего Вселенную, сразу же покорила читателей Нарсулуу Гургубаева. К счастью, поэтесса сразу же уверенно вошла в души читателей со своим голосом, устоявшимся стилем, острыми мыслями, глубокими знаниями и интеллектом, подчеркивающими природный талант. Это достаточно редкое художественное явление в отношении к современному литературному процессу, так и в отношении к индивидуальному творчеству.

Сейчас национальная литературная общественность отмечает, что Нарсулуу Гургубаева отличается «лица необщим выраженьем». Если это так, что привнесла она в киргизскую поэзию? Попробуем поискать ответ на этот вопрос.

ТВОРЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ Н. ГУРГУБАЕВОЙ

Сразу же бросается в глаза, что от коллег по поэтическому цеху Нарсулуу отличается отношением к хронотопу, внутренним взаимосвязям пространства и времени в своих стихах. Говоря точнее, она сумела в национальной лирике усилить драматизм, расширить масштаб пространства до бесконечности и, соответственно этому, то укорачивая, то удлиняя время, смогла создать новую художественную модель хронотопа в национальной киргизской поэзии. Творческие эксперименты Н. Гургубаевой в этом направлении были положительно восприняты литературной общественностью. Поэтесса легко и свободно, словно парящая птица, использует полифункцию пространства и времени. В новой художественной модели, созданной Нарсулуу, слова, обозначающие пространство и время: вселенная, мир, море, небо, остров, восток, запад, север, юг, далеко, дорога, поле, город, дом, улица, снаружи, во дворе, в моей стороне, твоей стороне; сегодня, вчера, рано, сумерки, весна, зима, лето, осень, великое утро, день, ночь, век обретают новую содержательную силу.

Экзистенциальный кризис человеческой судьбы в эпоху глобализации стал объектом пристального перманентного внимания поэта. Суровый лик жестокого переходного времени, пришедшегося на смену тысячелетий, стремительный охват глобализацией всего мирового пространства, потеря на этом фоне ценности

знаний, да и самой жизни человека подверглись острому художественному препарированию в ее произведениях. Значительный слой читательской общественности – интеллигенция страны – сквозь «магический кристалл» поэзии Нарсулуу увидели свою нелегкую судьбу во время кардинальных перемен. Стихи поэта о собственной судьбе обрели характер типичности.

На темном нескончаемом пути, Проклятье, с каждым шагом новый человек. О-о, не знаю я тебя, а ты меня, Ищи меня, любимый, средь толпы.

Узнай меня, не спрашивай имен, Не пожалей моей невытертой слезинки. И спой мне песню о ветрах морей, Об островах, зеленых круглый год. Зеленый остров до тебя – без моря, Достойных мало, поражений тьма. Кто пожалели, слезы вытирая, Потом слезами умыться заставили меня (Н. Гургубаева. На темном нескончаемом пути).

Такое настроение поэта: с одной стороны, жизнь на чужбине, на волне миграций, с другой стороны – «невытертые слезы» – живут сейчас параллельно, обусловливая внутреннее единство пространства и времени. Единственный выход из такого положения – мечты о «ветрах морей и островах, зеленых круглый год», острая необходимость очистить светом радости свою душу «на темном нескончаемом пути». Но нет пока реальных условий для этого, таков лейтмотив стихотворения.

Особое значение из поэтических средств, олицетворяющих время и пространство, Нарсулуу придает слову *солнце*:

Солнце просыпается там, где ты живешь, В моей сторонке Солнце гаснет, умирая. Я знаю, любишь ты всегда встречать рассвет, Меня же мучает столь долгий путь заката. Восток и Запад... Путь длиною в век, Мой мир поделен на две половинки... И если я живу с обидою на Бога, Зачем ты для меня, как Бог, един?

(Н. Гургубаева. Солнце просыпается там, где ты живёшь)

Безусловно, выделенное нами в начале стихотворения слово солнце вовсе не находка Нарсулуу. В мировой, да и в нашей национальной литературе легко можно найти великолепные, многогранные его художественные интерпретации. Однако «Солнце» Нарсулуу (в значении «планета») принадлежит только ей.

Обычно в рамках вселенной значение концепта «солнце» – объект целого ряда научных дисциплин. В художественной же литературе оно употребляясь в полисемантическом значении, постепенно обратилось в средство передачи тысячегранных мыслей [Панасова, 2007]. Солнце - бог, существование, жизнь, тепло, высота, радость, вечность, любящий и любимый человек, недостижимость, время, надежда, мощь, пламя, центр мироздания, основа вселенной, разрушительная сила и др. Образ Солнца из перечисленных выше функциональных значений моделируется конкретным автором на свою судьбу, мировоззрение, уровень знаний, способности мыслить, на идею, которую он хочет передать в своем произведении. И в стихах Нарсулуу Солнце - многозначное понятие: то оно – прошедшая жизнь, то – символ жизни и любви – сердце, то оно – время, то – жизнь без смысла, то – бессмертие, то – смерть. В приведенных выше строках стихотворения солнце одновременно время - некий период - явление природы, противоречия образа жизни лирического героя, время его бесприютного существования; одновременно оно в бесконечности Вселенной: восток - запад, бездонность неба, где виден лик Солнца, художественно смоделированные властителем мира, Всевышним.

В реальной жизни солнце просыпается (всходит), но не гаснет и не умирает. У акына же «угасание и смерть» солнца - остановка потока времени, а значит, – бессмысленность ее существования (көргөн күнү). В ментальном понимании киргизов выражение «көргөн күн» (видеть солнце, жить) и жизнь, и суть жизни. Для лирического героя (я) «незаходящее солнце (долгий путь заката)» – ее мучительное состояние, нескончаемые заботы и тревоги, ведь движение времени замедлилось донельзя (когда человек счастлив, время быстротечно), и ее мятущаяся душа не вмещается в бесконечность пространства. Ведь с помощью такой противоречивой сложной связи времени и пространства Нарсулуу и добивается глубины мысли стихотворения. Ее внутренний импульс художественного моделирования времени полностью соответствует гениальному открытию А. Эйнштейна - теории относительности [Эйнштейн, 2008]. Время каждый использует по-своему, по-своему чувствует и проводит. И время по-разному влияет на судьбы людей.

Конечно, если Эйнштейн, как физик, доказывает, что движение времени в пространстве определяется соответственно притяжением земли, то Нарсулуу утверждает, что движение времени рассчитывается соответственно состоянию психологии человека, обстоятельствам судьбы, создавая в киргизской поэзии новую модель хронотопа.

В киргизском мировоззрении Вселенная воспринимается в цифровом выражении, и этот показатель «мир без одного (необходимого)» [Жумабаев, 2010, с. 35] и «четыре угла (земного) шара» [там же, с. 91], т. е. определяется с помощью (пространственной) философии. Соответственно философии «мир без одного (необходимого)», мир лирического героя, «разделенный на две половинки», героя, отвернувшегося от Бога в обиде на свою судьбу, и воспринимающего дистанцию между востоком и западом в категории времени «длиною в век» это метафора навеки прерванной взаимосвязи. Ибо век, если мерить его жизнью человека, то это время с момента его зачатия до кончины. Однако только человек, которого лирический герой воспринимает в качестве «Бога единого», в силах соединить в пространстве разорванную связь. Несмотря на то что разорванную связь разъединяет вековая дистанция, человек, воспринимаемый как «Бог единый», живет в душевном мире любящей его женщины нераздельный; и именно он способствует ее «угасанию и умиранию».

Только человек, сильный духом и наделенный даром люботь, может встретить настоящую любовь, гореть в огне ее мук и леденеть от безответности. Нарсулуу обладает способностью определить и держать нерв многомерного времени, равного пространству. Время для нее: зима – весна – лето – осень, жизнь – смерть, леденеть от холода – гореть в огне:

...На улице снег... Как занавес белый невесты – Земля пуста.

Знаю, в белом мы завершим свой жизненный путь. Твоя судьба, как снег колючий, холодна, Зачем с тобой я столько в холоде жила?! Зачем я мерзла? Свое пламя не гася, Зачем сгорела? Что еще сказать? Жизнь для меня – подлунное пустое поле, С далеким небом, с волнами моря...

(Н. Гургубаева, На улице снег...)

Перипетии судьбы, укравшей время, и жизнь – игра, нет смысла уже в ней, вновь автор оказывается в плену бесконечного пространства «пустое поле, освещаемое луной», «далекое небо», «волнистое море», она обретает художественную модель. Дух человека не ведает остановки, он переходит от одного содержания к другому – это закон жизни.

В глубине сознания Н. Гургубаевой – бесконечность духа человека, готовая вступить в спор со всей Вселенной, с Солнцем в небе, с бесконечностью земных морей; время, напротив, ассоциируется с краткостью человеческой жизни. Время и пространство, с одной стороны, представляют

единство, с другой стороны, бесконечность одного сжимает до предела длительность другого:

Огонь любви принес лишь счастья половинку, Мой мир ведь море, мир – близнец, мир слов... Жила я вопреки предопределенью, Его смирив с моей мятежною судьбой.

С вершин меня ведет на новые вершины, Круша мой бренный мир, мой светлый мир, мир Солнца...

Любовью месяц пьян, и Мир наш ею создан, И все равно я не успею счастливо прожить...

(Н. Гургубаева, Огонь любви)

В соответствии с киргизской мудростью «в мире всегда чего-то одного недостает», несмотря на бесконечность духа, любви, принесшей «лишь счастья половинку», проигрывает и время, и жизнь, уменьшается счастье «...я не успею счастливо прожить» (Н. Гургубаева. Огонь любви). Слово «половинка», передавая незаполненность чаши счастья лирической героини, обуславливает судьбу, в которой нет полноты, ведя героиню «с вершин на новые вершины», круша ее «мир Солнца», в котором даже холодная Луна попадает в сети любви.

Подобная «половинчатость» счастья, одиночество с печалью отмечалась практически всеми крупнейшими поэтами мира, не избежала феномена одиночества и Нарсулуу. Одиночество каждый поэт воспринимает по-своему. Для Нарсулуу одиночество – жизнь без любви, без пары.

Считая правильной ошибку нашей жизни, На разных берегах мы *одиночество* влачим. Чтоб жили мы сейчас как некое единство, Не хватит даже целостности Мира...

(Н. Гургубаева. Считая правильной ошибку нашей жизни].

Одиночество – не только потеря, это мучения духа, окунувшегося в тоску и печаль, болезнь души.

Болею я, болею... И не могу вместить себя В такой огромный и счастливый мир, Я прячусь, как в сиротство, в одиночество, Сижу без слов, в молчании с собой

(Н. Гургубаева. Я болею...).

Соответственно психологии человека, согласно предопределению его судьбы, замедляется и останавливается не только бег времени, но сжимается до предела и бесконечность пространства. Формула в строке стиха «в молчании с собой» – мастерство автора в передаче поэтической

мысли, стиль Нарсулуу в донесении до читателя своей идеи. Мысли акына всегда четки и ясны, она умеет «играть» словами и мыслями, иногда становясь рабой слов, а чаще заставляя их работать, как рабов.

В следующем стихотворении «Мое ты сердце Солнце» слово солнце употребляется совершенно в ином значении – как любимый человек, однажды осветивший ее жизнь, затем прощание с ним, но тепло того света навечно сохранилось в груди, «образом счастья приходя в сны», – это оригинальная находка Нарсулуу. Ибо если «желтый занавес осени» – печаль, изранившая чувства, то смена ее на «весну с зеленью распускающихся почек» – вечное движение времени и соответственно ему приходящий в сны человек «такой далекий» в бесконечности пространства:

То как желтый занавес осенний,
То зеленый с почками весенний.
Часто ты такой, такой далекий,
Образ счастья мне приходит в сны...

Лишь мечты, пусть только сны пустые, А правда за стеной – там вьюга и буран. *Мое ты сердце Солнце*, я все еще в дороге, В дороге жизнь иль отберут, иль украдут!

(Н. Гургубаева. Желтый занавес осенний)

В следующих строках стиха настроение автора резко меняется. Уже не во сне, а в реальной жизни переходного периода, жизнь в пространстве пути уничтожает вечность чувств начальных строк, вьюжные, буранные дни лишают жизнь всякого смысла.

Кто только не пробовал свое перо по теме любви... Иногда встречаются стихи, совершенно принижающие это чувство, которые не хочется читать. Н. Гургубаева не нисходит до мелочных описаний мук и счастливых мгновений любви. Потерю этого великого дара человечеству она воспринимает равной смерти:

Привет тебе из севера с ветрами, Мой самый терпеливый жизни Свет. Ко мне сегодня новый день пришел, Больной, в надежде видеть нас вдвоем...

И с небом пасмурным так схожие минуты Так долго тянутся, а сумрака все нет. Твоей не став любимою навечно, Хочу уйти – земля ведь и не столь тверда

(Н. Гургубаева, Привет тебе)

Больна не сама поэт, болен *день*, пришедший к ней – *время* краха любви, лишающее жизнь

смысла, приводит лирического героя в экзистенциальное заключение. Восприятие такого состояния как своей гибели определяет, насколько важна любовь для автора. Оказывается, такое качество феномен, доступный далеко не каждому человеку. Если опираться на данные интеллектуала-философа Э. Нурушева [Нурушев, 2018], то следует согласиться с результатами выводов профессоров-нейробиологов Института Стони Брука в Нью-Йорке о том, что лишь в редких людях чувство негасимой любви живет вечно. В сердца этих редких людей входят стрелы Амура, вводя их в состояние бытия / небытия, останавливая бег времени. Вот и Нарсулуу, подобно этим редчайшим людям, глазами своего лирического героя всматривается в темное небо, а время остановилось. Невозможность стать «любимою навечно» приводит к мысли провалиться сквозь землю, которая «не столь и тверда». Вот так на своей художественной площадке автор создает и свой образ. Только человек, высоко несущий свое достоинство, не сворачивающий с намеченного пути, принципиальный, наделенный великодушием и совестливостью может так относиться к любви, вознести на огромную высоту ее художественную интерпретацию. Любовь ценнее жизни – она равна чудесной мощи Бога, и лишь редкие души наделены свыше испытать ее.

Нарсулуу использует концепт солнце не только как атрибут собственной судьбы, хорошо понимая, что его невозможно присвоить. «Смерть» Солнца, то, что оно «погасло» поэт рассматривает как превращение своей жизни в бессмысленную пустоту, все проблемы эпохи она раскрывает как свои. В ее берущем за душу стихотворении «Груз – 200» тоже «гаснет Солнце». Но здесь это не судьба лирического героя, это горькая правда судьбы народа – национальная трагедия! Строки стихов сопровождаются горючими слезами, иглами вонзаются в сердце читателя:

Груз – 200... Сто? А может быть и тысяча? Проклятие, какой по счету гроб?! Чей смех сейчас прервется беззаботный, И для кого сейчас *погас Солнца свет*?

Кто был ты? Отец ли чей? Иль мать? Быть может сын единственный в дому... Чья нестерпимо грудь горит сейчас, За то, что жив он, а тебя уж нет?

Ошибка тех ты, кто в Большой игре Вершит людей судьбами неустанно. ... Счастливы, кто раскаянья не знают. Те, кто внизу, считают низость благом

(Н. Гургубаева. Груз – 200)

В современной киргизской поэзии много стихов на тему миграции. Но никто до Нарсулуу не смог столь пронзительно показать страшную трагедию народа, чьи сыновья и дочери на родину вынуждены возвращаться из вынужденной миграции в гробах. Кто виноват в этом, кто за это должен нести ответ?!

Нарсулуу в своем относительно недавно написанном стихотворении «Запоздалое письмо», посвященном недавно безвременно ушедшему из жизни талантливейшему акыну-импровизатору Эльмирбеку Иманалиеву, смогла вывести на новую эстетическую высоту глубину содержания понятия «век»:

В ком крыльев нет, тому не править миром, Так мало тех, чьих ран не видел свет... ...Мой принц, акын, кто свой нам, кто чужой? Изведена ль твоя душа этим вопросом? (Н. Гургубаева. Запоздалое письмо)

В поставленных здесь вопросах можно заметить некую чистую, слабо заметную близость чувств и ощущений в духовном мире двух талантливых людей (Эльмирбека и Нарсулуу). Эту близость ощущений автор передает с помощью местоимения множественного числа второго лица «мы». В вопросительном предложении «Мой принц, акын, кто свой *нам*, кто чужой?» на мой взгляд, заключена перекличка схожести их природы, судеб, глубины чувств, высоты интеллектуального уровня. О необъяснимой связи, близости, которая существует не только между отдельными людьми, но и между человеком, зверями и животными, много раз говорил наш великий писатель Ч. Айтматов... Рука не поднимается сократить даже одну строку этого стихотворения, в котором они так тесно «пригнаны» друг к другу, словно близость природы и судеб, духовных миров двух акынов. Однако объем статьи вынуждает нас «резать по-живому», оставляя лишь те фрагменты, в которых содержатся слова «мы» и «век».

В том *ремесле*, отпущенном нам Богом (Теңир), Лишь половина – счастье, остальное – муки, кто поймёт. Многих песни обветшали, не достигнув *века*, А многие золу своих очагов рассыпали по свету.

Многие сломались под грузом Слов великих, Многие продали и честь свою, и песни! ...Создавая свои стихи единственно из любви, Разве легко жизнь добавить к веку своему?..

Жизнь эпохи слово удлиняет, слово ускоряет. Вперед ведет эпоху правда таких людей, как ты! Когда ты пел, свой *век целуя, прославляя*, Разве не расцветал от радости твой *век*?

(Небу подобный, красноречивый, мой мудрец, Ты корень, ты и ветви древних слов...Когда-нибудь и в *нашем* чистом небе, Полетят ли журавли, клин свой не ломая?...)

С упрямством душу одиночеству не отдавая, Мой грустный соловей и мой дулдул^{1*}. Свою судьбу ты только сам мог вынести, И этот век не сможет ничего в ней изменить. (Н. Гургубаева. Запоздалое письмо)

Неповторимый образ акына-импровизатора Эльмирбека Иманалиева, которого знал и любил каждый киргиз, Нарсулуу Гургубаева создает с помощью метафоры вечности века, достигая этим особого концепта бессмертия того духовного мира, который тот сумел создать. Высокие мечты о «Журавлях, плывущих клином в киргизском небе» сохранятся надолго. «Целование» акыном века, удлинение его жизни – вторая вечная жизнь Эльмирбека в национальной литературе. А в полном печали, пессимистическом подтексте последней строки стихотворения, предлагающем читателю размышлять, спрятано множество проблем.

Как бы то ни было, нельзя закрывать глаза на тот факт, что Нарсулуу сама себе создала образ упрямицы, остро и смело высказывающей в лицо собеседнику свои «несвоевременные» мысли. Бунтарское недовольство, живущее в душе и иногда выражающееся прямыми обращениями к Богу, вероятно, происходят в силу того, что становление творчества акына происходило в эпоху слома всего и вся. Подобные настроения – следы пылкой юности, временные краски и лики тяжелых лет. Ибо сама Нарсулуу прекрасно понимает, что жизнь и судьба не выстроены только на любви.

Сижу молчу, совсем не вспоминая, Печаль любви, так мучившей давно. Теперь в дальнейшем с мстительностью ярой, Пусть Бог меня с самою мной разлучит! Лишь от меня... И никогда, и никого, Пусть не дает, не отнимает Бог!

Или своим:

Лишился, бледный, прежнего величья, Твой бог давно не говорит с тобой (Н. Гургубаева. Лишился, бледный, прежнего величья)

(Н. Гургубаева. Сижу молчу...)

Художественные выводы последних строк звучат несколько односторонне, «горько» и жестко. Будто киргизское мировосприятие напоминает молодому поколению, что каждое слово материально

и рано или поздно исполнится. Острые мысли – это прекрасно, но не стоит забывать, что конфронтация с Богом не приведет к добру.

Уж коли здесь мне счастье не к лицу, И жить, наверное, я тоже недостойна...

И Бог (Теңир) меня не гладил по лицу, Да и сама я лик ему не подставляла... (Н. Гургубаева. Бог меня не гладил по лицу)

Мечта моя тернистая ей кажется большой, Мечту мою тернистую она так ненавидит, Мечте моей тернистой глаз не дает открыть, Жизнь моя – высокая могильная ограда (Н. Гургубаева. Жизнь моя).

Я верю, что в жизни Нарсулуу придет время, когда она забудет о подобных пессимистических мыслях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

У Нарсулуу солнце (кстати, в киргизском языке и *солнце*, и *день* обозначаются одним словом *күн*) – жизнь бродяг поневоле, вынужденных проводить ее в трудовой миграции. Поскольку пространство жизненного пути мигранта наполнено «тоской и печалью», его время – «годы безголосья». Но грядут века, когда этому времени будет дана беспристрастная оценка.

Н. Гургубаева смогла внести определенные изменения и в концепт «дорога», часто используемый в поэзии. Если этот концепт весьма характерен для поэзии Востока, где дорога – место духовных поисков, пространство обитания дервишей, то у Нарсулуу дорога – символ тяжелой жизни вынужденных бродяг, жизнь в миграции. Пространство дороги мигранта «наполнено тоской», а время его – «годы безголосья». Но впереди века, которые дадут свою оценку нынешнему времени.

Н. Гургубаева, вопреки своей по большей части безрадостной судьбе, твердо верит в будущее своих стихов. Она хорошо знает, что хотя сама она и проиграла времени, но ее поэзия, наполненная крылатыми мыслями, переживет века:

С этих дорог, наполненных тоскою, Где вьюги и буран грозят морозом мне... Внимательно смотря на годы безголосья, Меня узрят грядущие, мне незнакомые века. (Н. Гургубаева. С этих дорог, наполненных тоскою...)

Сколько бы поэт не горевал о «потерянном в дороге» времени своей жизни, разрушающем личность одиночестве, он видит свое будущее

¹ Дулдул – миф. Сказочный неутомимый скакун.

и судьбу своих творений в бесконечности пространства и вечности времени:

Когда я осенью уйду из этой жизни... Немногим будет горе, но горе от души. И среди них, себя считая умершим, Будет один, горюющий больше всех.

А я же, хоть и уйду из этой жизни, Останусь в строчках множества стихов. И глядя с нежностью на этот мир неровный, В глазах Тенира (Создателя) светиться буду я (Н. Гургубаева. Хоть и уйду из этой жизни).

Одно замечание: не стоит поэту торопиться с уходом из этой жизни, свою душу и талант он должен посвящать иным темам, и тогда его стихи переживут века. И пусть светится Нарсулуу в очах Создателя, освещая киргизскую поэзию лучистым светом своих творений!

список источников

- 1. Панасова Е. П. Концепт СОЛНЦЕ в русском языке и речи: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.
- 2. Эйнштейн А. Работы по теории относительности. М.:Амфора, 2008.
- 3. Жумабаев Б. Кыргыз дүйнө таанымы = Киргизское миропознание. Бишкек: Бийиктик, 2010.
- 4. Нурушев Э. Акындардын арзуусу. Эростон эсхатологияга аттуу адабий-философиялык эсселерден = Любви поэтов (из литературно-филосовских эссе). 2018. URL: http://ruhesh.kg/ky/category/show/news/2758/esenbay-nurushev-mahabatka-maktal-soz

REFERENCES

- 1. Panasova, E. P. (2007). Konsept SOLNTSE v russkom yazike i rechi = Concept of the sun in Russian language and speech: PhD in Philology. Ekaterinburg. (In Russ.)
- 2. Einstein, A. (2008). Raboty po teorii otnositel'nosty = Theory of special relativity. Moscow: Amphora, 2008 (In Russ.)
- 3. Jumabayev, B. (2010). Kirghiz duino taanymy = Kyrgyz worldscience. Bishkek: Byiyktyk.
- 4. Nurushev, E. (2018, December 9). Ruhesh = Love of poets. From eros to eschatology. http://ruhesh.kg/ky/category/show/news/2758/esenbay-nurushev-mahabatka-maktal-soz.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Култаева Умут Баймуратовна

доктор филологических наук, доцент почетный профессор Киргизский государственный университет имени И. Арабаева (Киргизская Республика), почетный профессор Цинцянского педагогического университета (КНР) директор Высшей авторской школы Умут Култаевой «Тил билги» («Языковая компетенция")

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kultaeva Umut Baimuratovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor, Honourable Professor of I. Arabaev Kyrgyz State University (Kyrgyzstan), Honourable Professor of Zhejiang Pedagogical University (China), Director of "Til bilgi" authorical high school

Статья поступила в редакцию 13.05.2022 одобрена после рецензирования 24.08.2022 принята к публикации 01.09.2022

The article was submitted 13.05.2022 approved after reviewing 24.08.2022 accepted for publication 01.09.2022

Научная статья УДК 82-95+82-995 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_133

Был ли Лукьян Якубович автором рецензии на «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя?

Д. М. Никитина

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия acizmexx@mail.ru

Аннотация. Одна из первых рецензий на «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя вышла в 1831 году

в газете А. Ф. Воейкова «Литературные прибавления к Русскому инвалиду». Рецензия подписана Л. Якубовичем, но есть основания сомневаться в том, что она была написана именно им. В статье выдвигается предположение, что автором этого отклика был сам редактор «Литературных прибавлений» – Воейков – и приводятся достаточно веские аргументы в пользу этой версии.

Ключевые слова: А. Ф. Воейков, Л. А. Якубович, «Литературные прибавления к Русскому инвалиду», Н. В. Гоголь,

«Вечера на хуторе близ Диканьки», атрибуция текста

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта

№ 20-312-90045.

Для цитирования: Никитина Д. М. Был ли Лукьян Якубович автором рецензии на «Вечера на хуторе близ Диканьки»

H. В. Гоголя? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 10 (865). С. 133–140. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_133

Original article

Was Lukyan Yakubovich the Author of the Review of "Evenings on a Farm near Dikanka" by N. V. Gogol?

Dinara M. Nikitina

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia acizmexx@mail.ru

Abstract. The review of "Evenings on a Farm near Dikanka" by N. V. Gogol was one of the first reviews. It was

published in 1831 in the newspaper "Literary Supplement to Russky Invalid" by A. F. Voeykov. The review is signed by L. Yakubovich, but we think that Yakubovich was not the author of the review. We think that Voeykov, the editor of Literary Supplement to Russky Invalid, was the author of the review.

We give quite strong arguments in favor of this version.

Keywords: A. F. Voeykov, L. A. Yakubovich, Literary Supplement to Russky Invalid, N. V. Gogol, Evenings on a Farm

near Dikanka, attribution of text

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research

within the framework of the scientific project No. 20-312-90045.

For citation: Nikitina, D. M. (2022). Was Lukyan Yakubovich the author of the review of "Evenings on a Farm near

Dikanka" by N. V. Gogol? Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(865), 133-

140. 10.52070/2542-2197_2022_10_865_133

ВВЕДЕНИЕ

Имя Н. В. Гоголя на страницах изданий А. Ф. Воейкова – «Русского инвалида» и «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» (далее – ЛПРИ) – упоминается часто и в положительном ключе. В числе прочего в ЛПРИ вышли три рецензии на гоголевские произведения: «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород» и «Ревизор». Нас интересует первая из них. Она была подписана Л. Якубовичем, но ее содержание дает основание усомниться в том, что текст был написан им самим. Ряд признаков, на наш взгляд, указывает на то, что ее автором был редактор ЛПРИ.

Литературно-критическое наследие Воейкова до сих пор не выявлено полностью, поскольку он часто использовал псевдонимы или не подписывал свои публикации, как и многие журналисты, писатели и поэты его времени. Более того, он выдавал свои произведения за чужие¹. Актуальность исследования состоит в дополнении библиографии работ Воейкова и в раскрытии реального автора одной из первых рецензий на гоголевские «Вечера...».

Цель исследования – определить, кто был реальным автором рецензии на первый цикл повестей Гоголя. Цель достигается решением следующих задач: проанализировать отклики на гоголевские «Вечера...» в воейковских изданиях 1831 года, проанализировать историко-журнальный контекст этого времени, биографию Якубовича и возможности выступить ему рецензентом «Вечеров...», рассмотреть гипотезу об авторстве самого Воейкова.

Для решения поставленных задач были использованы историко-литературный, биографический и сравнительно-типологический методы исследования, а также метод целостного анализа текста.

ОТКЛИКИ НА «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» ГОГОЛЯ В «РУССКОМ ИНВАЛИДЕ» И «ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРИБАВЛЕНИЯХ К РУССКОМУ ИНВАЛИДУ»

Как известно, в сентябре 1831 года А. С. Пушкин написал Воейкову письмо, в котором поделился своими впечатлениями от прочитанной первой части гоголевских «Вечеров...» и попросил редактора «Русского инвалида» заступиться за молодого писателя, если на него с критикой нападут журналисты: «Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! <...> Ради Бога, возьмите его (Гоголя. – Д. Н.) сторону,

если журналисты, по своему обыкновению, нападут на *неприличие* его выражений, *на дурной тон*, и проч.» (ЛПРИ. 1831. Ч. 4. № 79. 3 октября. С. 623; курсив здесь и далее в цитатах – по оригиналу)².

Письмо было получено Воейковым после 10, но – до 18 сентября³. Он отреагировал на просьбу Пушкина немедленно. Не дожидаясь появления в печати каких-нибудь отзывов о «Вечерах...», уже 20 сентября в «Русском инвалиде» он опубликовал библиографическую заметку, в которой сообщал о выходе новой книги и советовал ее читателям. Кроме сведений о продаже, цене и т. д. повестям была дана литературная оценка: «Легкий и приятный слог, веселость и остроумие - есть неотьемлемые достоинства сей книги» (Русский инвалид. 1831. № 239. 20 сентября. С. 956). По сути, это был первый печатный отклик на цикл повестей молодого автора (в «Северной пчеле» рецензия вышла 29 и 30 сентября). Объявление, как и большинство материалов такого жанра в «Русском инвалиде» и в периодике этого времени, не было подписано, но скорее всего его автором был сам Воейков. В этом небольшом отклике он охарактеризовал книгу в общих чертах: «Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности». По смыслу это высказывание повторяет отзыв Пушкина: «Легкий и приятный слог, веселость и остроумие - есть неотъемлемые достоинства сей книги».

Через две недели после появления заметки в «Русском инвалиде» в ЛПРИ вышел уже более развернутый и весьма лестный отзыв о книге Гоголя с включением в него пушкинского письма. В этом отзыве исследователей всегда интересовало именно пушкинское высказывание о «Вечерах...». Поскольку сама рецензия никогда подробно не рассматривалась и в научной литературе полностью не печаталась⁴, воспроизведем ее целиком:

«Вечера на хуторе близ Диканьки». Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Первая книжка. С. П. б. 1831.

¹ Достоверно известен, по крайней мере, один такой прецедент [см.: Балакин, 2022, с. 231–245].

 $^{^2}$ Автограф этого письма неизвестен. Впервые оно было опубликовано в ЛПРИ (1831. Ч. 4. № 79. 3 октября. С. 623). В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания 1855 года (под редакцией П. В. Анненкова). Историю републикаций см.: [Модзалевский, 1935, с. 406]. Мы цитируем текст по первой публикации.

³ Дату получения письма мы установили, опираясь на даты выхода «Вечеров...» – «около 10 сентября» [Дмитриева, 2003, с. 611] – и получения цензурного разрешения на выпуск «Русского инвалида» № 239 – 18 сентября 1831 г.

⁴В новейшем академическом издании Гоголя Е. Е. Дмитриева цитирует пушкинское письмо Воейкову как один из первых читательских откликов на «Вечера...». Исследователь обращает внимание на то, что рецензия Якубовича, в которую было включено письмо, «явно соотносилась с пушкинским отзывом», и для наглядности приводит небольшой фрагмент текста [Дмитриева, 2003, с. 632].

Вот книга, которая приносит большую честь автору и верно принесет ему большое спасибо со всех сторон святой Руси. - Может быть, сии слова покажутся читателям нашим немного странными; однако ж они справедливы. Потрудитесь развернуть роспись книг почтенного нашего А.Ф.Смирдина и просмотреть все повести в стихах и прозе: сравните все сии литературные изделия с упомянутою нами книгою - право, мало, очень мало найдется из них таких, которые выдержат сие испытание. От чего же это? От того, милостивые государи, что повести свои рассказывает пасичник Рудый Панёк без вычур, без хитрости, без требований на ученость и славу. Лица его не подмалеваны; нет общих мест, пошлых и томных; происшествия не притянуты за волосы, веселость не поддельная, остроумие не выкраденное: в них все просто - и потому все прекрасно! - ибо первое условие истинно прекрасного - простота.

Вот что говорит А. С. Пушкин в письме своем к издателю Литер<атурных> прибавлений о сей книге: «сей час прочел Вечера близ Диканьки. Они изумили меня. Вот настоящая весёлость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился. Мне сказывали, что когда издатель вошел в типографию, где печатались Вечера, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая рот рукою. Фактор объяснил их веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смеху, набирая его книгу. Мольер и Филдинг, вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков. Поздравляю публику с истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнейших успехов. Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновению, нападут на неприличие его выражений, на дурной тон и пр. Пора, пора нам осмеять Les précieuses ridicules (смешных жеманниц. – Д. Н.) нашей словесности, людей, толкующих вечно о прекрасных читательницах, которых у них не бывало, о высшем обществе, куда их не просят, и все это слогом камердинера профессора *Тредьяковского*».

Рецензент, будучи совершенно согласен со знаменитым поэтом, радуется, что великий талант, умея постигать все прекрасное – отдает полную справедливость юному таланту:

Мы не хотим делать никаких замечаний на книгу сию, по примеру литературных щепетильников; но просим автора *Вечеров* не замедлить изданием 2-й части своего прекрасного сочинения, обещаясь со

своей стороны поговорить, при случае, побольше о повестях вообще и, в особенности, о повестях русских; в числе которых *Вечера* занимают одно из мест почетнейших.

Л. Якубович»

(ЛПРИ. 1831. Ч. 4. № 79. 3 октября. С. 623)

АТРИБУЦИЯ А. Ф. ВОЕЙКОВУ РЕЦЕНЗИИ НА ГОГОЛЕВСКИЕ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

Как мы видим из начала отзыва и двух его последних абзацев (в середине - письмо Пушкина к издателю ЛПРИ, оно занимает практически половину рецензии), текст написан уверенной рукой критика. Между тем Лукьян Андреевич Якубович (1805-1839) в момент выхода этой рецензии был молодым поэтом. До переезда в 1831 году из Москвы в Санкт-Петербург его стихи печатались в журналах «Атеней» М. Г. Павлова и «Галатея» С. И. Раича. С 1831 он сотрудничал с петербургскими изданиями, в том числе и с ЛПРИ, публикуя в них свои стихотворения. До октября 1831 года, то есть до выхода рецензии на Гоголя, своих критических суждений о литературе в печати Якубович не высказывал. Маловероятно, что такой опытный издатель и редактор, как Воейков, мог доверить рецензирование - и, между прочим, напомним, «взять сторону» Гоголя по просьбе Пушкина, к которому относился с большим уважением, - такому человеку, который еще не заявил себя в литературной критике, не написал ни одной рецензии.

После выхода отзыва о «Вечерах...» Якубович лишь однажды выступил рецензентом. В 1832 году в «Северной пчеле» вышел его отзыв о сборнике стихотворений А. И. Полежаева, в котором он отметил «звучность, плавность и гибкость стиха», «поэтический взгляд, сильные чувства, энергию», «оригинальность» и «звучные рифмы» (Северная пчела. 1832. 24 сентября. № 222. С. 1), но, по сути, это была оценка поэтического творчества Полежаева Якубовичем-поэтом. С критикой на прозаические произведения он больше не выступал, в том числе ничего не писал о творчестве Гоголя. Воейков же, наоборот, под псевдонимом А. Кораблинский, который был известен еще в те годы, часто высказывался о Гоголе, приводил его в пример, высоко оценивал его произведения и т. д. В «Русском инвалиде» в 1832 году в заметке о литературном обеде у А. Ф. Смирдина, опубликованной без подписи, Гоголь назван «остроумным сказочником» (Русский инвалид. 1832. 22 февраля. № 46. С. 183). В 1833 году в объявлении

о выходе «Рассказов прадеда» украинского писателя В. Н. Забеллы гоголевские повести выступили эталоном художественного произведения: «Что сказать об этой книге? Она далеко ниже книги: Вечера на хуторе близ Диканьки» (Русский инвалид. 1833. 17 июня. № 153. С. 608). Наконец, в библиографической заметке, посвященной выходу «Миргорода», сообщалось, что Гоголь «известен как приятный, веселый рассказчик малороссийских повестей; как один из лучших живописцев малороссийской природы и сельских картин ее» (Русский инвалид. 1835. 4 мая. № 112. С. 448). Этим не исчерпывается перечень откликов Воейкова о Гоголе.

Между тем, отзыв о «Вечерах...», кажущийся лаконичным и простым, на деле содержит ряд намеков на конкретных людей и обстоятельства. Так, обращают на себя внимание выпады рецензента в адрес редакторов и журналистов – Н. А. Полевого и Ф. В. Булгарина.

Намек на Полевого видится в следующей формулировке: «Повести свои рассказывает Пасичник Рудый Панёк без вычур, без хитрости, без требований <u>на ученость и славу</u>» (подчеркнуто нами. -Д. Н.). Якубович никогда не участвовал в спорах с Полевым, хотя, по воспоминаниям И. П. Сахарова, «до гроба не мог терпеть Полевого Николая за старую московскую ссору» (*Русский архив.* 1973. № 6. C. 955). Воейков постоянно критиковал Полевого, в частности, упрекал журналиста в его «учености». Эти нападки начались с 1828 года, хотя сначала появление «Московского телеграфа» журналист принял радушно. Дело в том, что в первые три года своего существования журнал вел критику «торгового направления», выступал против Булгарина и Греча. С ним сотрудничал П. А. Вяземский, и редактор ЛПРИ воспринимал «Телеграф» как союзника. В 1825-1826 годы Воейков сам иногда критиковал в «Русском инвалиде» Булгарина, а после того как начал издавать журнал «Славянин» (1827-1830), стал делать это постоянно, завел специальную рубрику «Хамелеонистика», в которой представлял читателям переменчивость суждений Булгарина.

Отношение Воейкова к редактору «Телеграфа» изменилось после разрыва последнего с прежними союзниками (конец 1827 года), после ухода из редакции Вяземского и сменой направления журнала, который начал выступать против «литературных аристократов». Выход же в 1829 году «Истории русского народа» Полевого Воейков, как и многие его современники, воспринял как вызов, брошенный Н. М. Карамзину, автору «Истории государства Российского». В «Славянине» появились критические отзывы С. В. Руссова на первую и вторую части «Истории...» Полевого.

А после выхода третьей части уже в ЛПРИ в разделе «Пересмешник» Воейков под псевдонимами Погремушкин и Побрякушкин напечатал цикл пародий под названием «Литературные диковинки». Сделанные Воейковым выписки из «Истории русского народа» демонстрировали «познания» Полевого в географических, арифметических и исторических науках (ЛПРИ. 1831. Ч. 4. № 18. 4 марта. С. 137–138; ЛПРИ. 1831. Ч. 4. № 19. 7 марта. С. 147).

В рецензии на «Вечера...» обращает на себя внимание и следующий пассаж: «...не хотим делать никаких замечаний на книгу сию, по примеру литературных щепетильников» (подчеркнуто нами. -Д. Н.). Слово «щепетильник» в то время означало торговца мелкой галантереей¹. Скорее всего, и в этом случае рецензент намекает на Полевого. Не секрет, что редактор «Телеграфа» был купцом, и его предпринимательские способности часто обыгрывались в полемике. В 1838 году Воейков, описывая литературную ситуацию 1825-1830-х годов, писал: «Не отнимаю у Н<иколая> А<лексеевича> природного дарования, обширной памяти, начитанности, легкости писать живо и пылко. Но Истории русского народа, издатель Московского телеграфа, не литератор, а торгаш. Прежде, нежели приступает он к изданию журнала, к сочинению книги, высчитывается, сколько барыша это предприятие принесет ему?» (ОР РНБ. Ф. 151. Ед. хр. 10. Л. 12). Можно было бы предположить, что в число «литературных щепетильников» Воейков включил и Булгарина. Но этому предположению противоречат следующие обстоятельства. В 1831 году журналист практически не упоминал в печати его имени, в явную полемику с ним не вступал. Вероятно, причины тому можно усматривать в истории с известной заметкой Пушкина «О записках Видока» (Литературная газета. 1830. № 20. 6 апреля. С. 162). В ней поэт дал неприглядную характеристику Булгарину и раскрыл его связь с III отделением. Эта заметка наделала много шума, и когда, в начале ноября 1830 года, Воейков представил в цензуру статью «Два слова об истории Видока, писанной им самим», ее не разрешили к печати, увидев в ней намеки на Булгарина и его роман «Иван Выжигин» (см. текст рукописи статьи и историю запрещения ее к печатанию [Замков, 1918]). И либо Воейков решил переждать какое-то время, прежде чем выступать в печати против Булгарина, либо он отдал на рассмотрение в цензуру какие-то материалы, но их не пропустили (к сожалению, сохранилась малая часть архива, и потому мы можем лишь предположить). Но интересно, что ша-

¹См.: Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 4. P-V. СПб.-М.: Тип. М. О. Вольфа, 1882. С. 675.

раду, в которой был намек на Булгарина, Воейков опубликовал под криптонимом «Ш.» лишь спустя два года после того, как ее разрешили к напечатанию. Он подал ее на рассмотрение 9 декабря 1830 года, а цензор П. И. Гаевский одобрил ее 12 декабря (*OP PHБ. Ф. 831. On. 1. Ед. хр. 8. Л. 52*). Намек содержится в шараде: «Мой первый слог в числе имен / <u>Видоку</u> и Картушу <...>» (ЛПРИ. 1833. 4.9. № 9.1 февраля. 6.72) — и в ответе к ней: <u>плут</u>-он (подчеркнуто нами. — 6.72 — 6.720

Интересна аллюзия на литературные отношения В. А. Жуковского-поэта с молодым Пушкиным, свидетелем развития которых, безусловно, был Воейков: «Рецензент, будучи совершенно согласен со знаменитым поэтом, радуется, что великий талант, умея постигать все прекрасное - отдает полную справедливость юному таланту». Дело в том, что Жуковский познакомился с Пушкиным-лицеистом в сентябре 1815 года. Своими впечатлениями от первой встречи с поэтом он поделился в письме к Вяземскому от 19 сентября: «Это надежда нашей словесности. <...> Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет. <...> Он написал ко мне послание, которое отдал мне из рук в руки - прекрасное! Это лучшее его произведение! Но и во всех других виден талант необыкновенный! Его душе нужна пища! Он теперь бродит около чужих идей и картин. Но когда запасется собственными - увидишь, что из него выйдет!» [Пушкин в неизданной переписке... 1952, с. 33]. Описывая отношение старшего поэта к младшему, П. А. Плетнев отметил, что «с нежным, отеческим участием Жуковский радовался блестящим успехам Пушкина, снисходил к его увлечениям, прощал его заносчивость, берег его, заботился о нем» [Бартенев, 1854, с. 41]. Анненков со слов Плетнева записал, что Жуковский «нарочно ездил в Царское село осведомляться о занятиях даровитого питомца лицея и прочитывать ему свои стихотворения» [Анненков, 1855, с. 48]. А 26 марта 1820 году Жуковский после прочтения Пушкиным шестой, заключительной, песни поэмы «Руслан и Людмилы» подарил молодому поэту свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокоторжественный день, в который он окончил свою поэму Руслан и Людмила. 1820 марта 26 Великая Пятница» [Летопись жизни и творчества... 1999, т. 1, с. 174].

Безусловно, Воейков был посвящен в подробности этих отношений. За год до знакомства Жуковского с Пушкиным он получил должность ординарного профессора в Дерптском университете и в феврале 1815 года [Кафедра русского языка... 1900, с. 43] вместе со своей семьей, в том числе и

Жуковским (Воейков был женат на его племяннице – А. А. Протасовой), переехал в Дерпт. В 1815—1816 годы Жуковский наведывался в Петербург, где познакомился, а потом и сблизился с Пушкиным [Цявловский, 1962, с. 113–115], и по возвращении в Дерпт несомненно делился своими впечатлениями от этих встреч.

Вместе с тем сложно поверить в то, что это замечание – «рецензент, будучи совершенно согласен со знаменитым поэтом <...>» – мог себе позволить написать молодой поэт об уже признанном поэте. Якубович и Пушкин познакомились около 22 января 1831 года. Об этом знакомстве Якубович написал П. И. Вонлярлярской: «Я познакомился с... Пушкиным, который на днях женится. Напрасно говорят, что в нем не видно поэта, – решительно скажу вам: весь гений, все пламя жреца муз горит в его прекрасных глазах. Я читал "Годунова" раз 30 сряду, – превосходно. Я без ума восхищен им – вот поэзия, вот жизнь, вот сила!» [цит. по: Летопись жизни и творчества... 1999, т. 3, с. 294].

Напротив, для Воейкова Пушкин был младшим собратом по Арзамасу, а арзамасцами участники кружка оставались до самой старости. Как писал В. А. Кошелев, в центре этого братства «оказывалосьто ощущение особенного сообщества, которое ценил Пушкин, выдвинувший в качестве идеала такое единение людей, "Где дружбы знали мы блаженство, / Где в колпаке за круглый стол / милое равенство..."» [Кошелев, 2015, с. 17]. В 1892 году Л. Н. Майков опубликовал в «Русской старине» письмо Вяземского к Воейкову. В этом письме Вяземский дал развернутый анализ воейковского «Послания к моему другу-воспитаннику о пользе путешествия», опубликованного в «Вестнике Европы» (1818. Т. 99. № 12. С. 265-278). Это длинное, остроумное письмо, наполненное замечаниями, подробным разбором стихотворения, вместе с тем проникнуто заботой и любовью к собрату по перу: «Каково идет твоя поэма? («Искусства и науки». -Д. Н.) Пришли мне что-нибудь из нее на закуску. Обязываюсь разобрать ее, когда она появится в свет, то есть мне хочется расхвалить ее. Ты покажешь новое явление в нашей поэзии, уже приготовленное твоими "Садами". Иди дорогою, которую ты пробил себе <...>» (Русская старина. 1892. Т. 76. № 12. C. 661–662).

При этом пушкинское письмо оказалось в отзыве о «Вечерах...» неслучайно. В комментарии к этому письму: «великий талант, умея постигать все прекрасное – отдает полную справедливость юному таланту» – рецензент подчеркивал, что настоящий талант не завидует, а наоборот – радуется достижениям молодого писателя. Воейков не раз подчеркивал небеспристрастность критики

Булгарина, по сути, обвиняя его в зависти ко всему талантливому. Под маской А. Кораблинского он писал о характере булгаринской критики так: «В No 98-м Северной пчелы почтеннейший Фаддей Венедиктович *Булгарин* поместил преблагонамеренный и самый беспристрастный критический разбор комедии *Ревизор*, соч. *Гоголем-Яновским*. Этот разбор напоминает рецензии г. *Булгарина* на *Юрия Милославского*, на *последнюю главу Онегина*, на сочинения *Шевырёва*» (ЛПРИ. 1836. Ч. 23. № 54. 4 июля. С. 431).

Между тем возникает вопрос: если рецензия была написана не Якубовичем, то почему она была подписана его фамилией? По предположению Р. В. Иезуитовой, которая не ставила под сомнение авторства отзыва, интерес к повестям Гоголя у Якубовича возник благодаря тематическому родству его стихотворений с гоголевским циклом [Иезуитова, 1969, с. 81]: в поэзии Якубовича одну из отчетливых линий составляли стихотворения в фольклорном стиле, в частности в украинском. Однако тематическое родство с «Вечерами...» есть в прозе и О. М. Сомова (автора малороссийских преданий, былей и повестей «Русалка», «Юродивый», «Гайдамак» и др.) и А. А. Перовского (автора повести «Двойник, или мои вечера в Малороссии», более известного под псевдонимом А. Погорельский). К тому же они были опытными критиками. Но Воейков не стал обращаться к ним. И вот, как нам кажется, почему.

Подчеркнем еще раз, что отзыв о «Вечерах...» связан с просьбой Пушкина. И тут важно оценить сложные обстоятельства, в которых оказался редактор ЛПРИ. Во-первых, ему нужно было в довольно короткие сроки найти рецензента, последнему - прочитать повести и написать рецензию, которую в итоге должны были одобрить и редактор газеты, и ее цензор, а время было ограничено - уже 25 сентября 1831 года подписано цензурное разрешение на выход номера. Во-вторых, чтобы исполнить пушкинскую просьбу и защитить Гоголя от нападок журналистов, нужно было найти такого человека, которого литературные противники не смогли бы упрекнуть в необъективности отзыва. Булгарин не раз отмечал, как, в частности, он сделал это в рецензии на «Ревизора» Гоголя, что «похвала друзей не есть справедливая оценка» (*Северная пчела*. 1836. 1 мая. № 98. С. 392). Полевой же и вовсе выступал против «литературной аристократии», считая, что они монополизировали литературу и журналистику. Во второй части неопубликованной статьи «Взгляд на некоторые журналы и газеты русские», которую Полевой отказался печатать, так как ее очень сильно урезала цензура, он писал: «"Литературная газета" была

для союза знаменитых последним средством, где истощено все: и дарования их, и неистовые брани против других писателей, и даже вся возможная неблагонамеренность, где главных сотрудников своих (Пушкина, кн. Вяземского, гг. Сомова, Погорельского и других) превозносят, унижая всех, решительно всех других». Мы видим, что если бы автором рецензии был Сомов, Перовский или сам Воейков, который хоть и не назван, но тоже был «литературным аристократом» и входил в пушкинское окружение, это только раздражило бы литературных противников Воейкова и Пушкина, и в первую очередь - Полевого. И тем самым навредило бы и Гоголю. Якубович, несмотря на свой пиетет к Пушкину и сотрудничество с «Литературной газетой», не принадлежал ни к какой литературной партии - он печатался также и в «Северной пчеле», и в «Сыне отечества», и в «Телескопе», а потому идеально подходил на роль «беспристрастного» рецензента «Вечеров...».

И, наконец, обратим внимание на заключительную часть отзыва. Рецензент обещает «со своей стороны поговорить, при случае, побольше о повестях вообще и, в особенности, о повестях русских». Сложно поверить в то, что Якубович, впервые взявшийся за литературную критику, мог так переоценить свои силы и знания, чтобы пообещать читателям «поговорить, при случае, побольше о повестях вообще», показать становление, эволюцию этого жанра, его место в отечественной литературе.

Из биографии Воейкова и Якубовича известно, что редактор ЛПРИ поддерживал молодого поэта, печатал его в своей газете. Вероятно, сложившиеся между литераторами теплые отношения позволили Воейкову обратиться к Якубовичу и попросить у него разрешение на то, чтобы использовать его имя.

Неоспоримым доказательством нашей версии были бы архивные документы. В фонде 831 «Цензурные материалы» ОР РНБ есть подшивка статей и материалов, скопившихся в ходе службы Гаевского цензором «Славянина» и ЛПРИ. Среди этих документов есть его «секретный журнал» (ОР РНБ. Ф. 831. On. 1. Ед. хр. 7. Л. 57-67 об.). Он интересен не только своим содержанием, но и отсылками в нем к другим документам. Гаевский, внося в книжку разные записи, указывал в ее конце номер приложения к ней. Отсылки сделаны с января 1831 года по сентябрь 1833 года практически к каждому номеру ЛПРИ, включая номер, в котором была опубликована рецензия на гоголевские «Вечера...». Однако где эти приложения к «секретному журналу» - неизвестно. А между тем, они содержали описи авторов и, вероятно какую-то дополнительную информацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, содержательный анализ рецензии на «Вечера...» Гоголя, подписанной Л. Якубовичем, позволил

нам усомниться в его авторстве. Достаточно веские аргументы, приведенные в статье, позволяют с большой долей уверенности утверждать, что реальным автором рецензии был редактор ЛПРИ – А. Ф. Воейков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Балакин А. Ю. Стихотворение «Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года» и его автор (История одной мистификации) // Балакин А. Ю. Близко к тексту: Разыскания и предположения. СПб.; М.: RUGRAM_Пальмира, 2022. С. 231–245.
- 2. Модзалевский Л. Б. Примечания // Пушкин А. С. Письма. М.; Л.: Academia, 1935. Т. 3. С. 119-672.
- 3. Дмитриева Е. Е. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Комментарий // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. М.: Наука, 2003. Т. 1. С. 589–676.
- 4. Замков Н. К. К истории Пушкинской заметки о «Записках Видока» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг.: Типография Российской академии наук, 1918. Вып. 29/30. С. 71–77.
- 5. Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Гл. ред. А. М. Еголин. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
- 6. Бартенев П. И. Александр Сергеевич Пушкин. Материалы к его биографии. Глава 2: Лицей. М.: в Университетской типографии, 1854.
- 7. Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Сочинения Пушкина. СПб., 1855. Т. 1. С. 1–432.
- 8. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 т. / Сост. М. А. Цявловский М.: Слово, 1999-.
- 9. Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете / Сост. Е. В. Петухов. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1900.
- 10. Цявловский М.А. Послание «К Жуковскому» («Благослови, поэт!..») // Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 105 130.
- 11. Кошелев В. А. «Арзамасское общество безвестных людей» и традиции «нравственного братства» // Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Арзамас Нижний Новгород: Растр, 2015. С. 11–22.
- 12. Иезуитова Р. В. Пушкин и эволюция романтической лирики в конце 20-х и в 30-е годы // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1969. Т. 6. С. 60–97.

REFERENCES

- 1. Balakin, A. Ju. (2022). Stihotvorenie "Perehod russkih vojsk cherez Neman 1 janvarja 1813 goda" i ego avtor (Istorija odnoj mistifikacii) = The poem "The passage of Russian troops through the Neman on January 1, 1813" and its author (The story of a hoax). Blizko k tekstu: Razyskanija i predpolozhenija (pp. 231–245). St. Peterburg; Moscow: RUGRAM_Pal'mira. (In Russ.)
- 2. Modzalevskij, L. B. (1935). Primechanija = Comments. Pushkin A. S. Pis'ma (vol. 3. Pis'ma, 1831–1833, pp. 119–672). Moscow: Academia. (In Russ.)
- 3. Dmitrieva, E. E. (2003). <Vechera na khutore bliz Dikan'ki> Komentarij = <Evenings on a Farm Near Dikanka> Comments // Gogol N. V. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: in 23 vols (vol. 1, pp. 589–676). Moscow: Nauka. (In Russ.)
- 4. Zamkov, N. K. (1918). K istorii Pushkinskoj zametki o "Zapiskah Vidoka" = To the history of Pushkin's notes on the "Notes of Vidocq". Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovanija (issue 29/30, pp. 71–77). Petrograd: Tipografija Rossijskoj Akademii nauk. (In Russ.)
- 5. Egolin, A. M. (Ed.). (1952). Pushkin. Lermontov. Gogol' = Pushkin. Lermontov. Gogol. Moscow: Izd-vo AN SSSR. (In Russ.)
- 6. Bartenev, P. I. (1854). Aleksandr Sergeevich Pushkin. Materialy k ego biografii. Glava 2. Litsej = Alexander Sergeyevich Pushkin. Materials for his biography. Chapter 2: Lyceum. Moscow: v Universitetskoj tipografii (In Russ.)
- 7. Annenkov, P. V. (1855). Materialy dlja biografii Aleksandra Sergeevicha Pushkina = Materials for the biography of Alexander Sergeevich Pushkin. Sochinenija Pushkina (vol. 1, pp. 1–432). St. Peterburg. (In Russ.)
- 8. Tsjavlovskij, M. A. (Comp.). (1999). Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina = Chronicle of the life and work of Alexander Pushkin: in 4 vols. Moscow: Slovo. (In Russ.)
- 9. Petuhov, E. V. (Comp.) (1900). Kafedra russkogo jazyka i slovesnosti v Jur'evskom (Derptskom) universitete = Department of Russian Language and Literature at the Yuriev (Dorpat) University. Yuriev: Tipografija K. Mattisena. (In Russ.)

- 10. Tsjavlovskij, M. A. (1962). Poslanie "K Zhukovskomu" ("Blagoslovi, poet!..") = The message "To Zhukovsky" ("Bless, poet!"). Stat'i o Pushkine. Moscow: Izd-vo AN SSSR. (In Russ.)
- 11. Koshelev, V. A. (2015). "Arzamasskoe obschestvo bezvestnyh ljudej" i traditsii "nravstvennogo bratstva" = "Arzamas Society of Unknown People" and traditions of "moral brotherhood". Literaturnoe obschestvo "Arzamas": istorija i sovremennost' (pp. 11–22). Arzamas Nizhniy Novgorod, Rastr. (In Russ.)
- 12. Iezuitova, R. V. (1969). Pushkin i evolutsija romanticheskoj liriki v kontse 20-h i v 30-e gody = Pushkin and the evolution of romantic lyrics in the late 20s and 30s. In Pushkin: Issledovanija i materialy (vol. 6, pp. 60–97). Leningrad: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитина Динара Маратовна

научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikitina Dinara Maratovna

Research Scientist, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 13.05.2022 одобрена после рецензирования 24.08.2022 принята к публикации 01.09.2022

The article was submitted 13.05.2022 approved after reviewing 24.08.2022 accepted for publication 01.09.2022

Научная статья УДК 821.581 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_141

«Печальный странник в мире людей»: особенности авторского стиля Налань Синдэ в стихотворениях жанра цы

А. В. Шуклина¹, Мэй Чуньцай²

 1 Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, shuklina av@qmail.com

Аннотация. Статья посвящена поэзии Налань Синдэ (маньчж. Нара Синде, 1655–1685), маньчжурского писа-

теля времен династии Цин. В Китае многие филологи и литературоведы считают его одним из выдающихся мастеров поэтического жанра *цы* в XVII веке, однако русскоязычных исследований его литературного наследия практически нет. В статье дается общая характеристика творчества Налань Синдэ, выявлены отличительные черты его художественного стиля. Исследование проводится на основе наиболее репрезентативных стихотворений, написанных поэтом в жанре *цы*.

Ключевые слова: творчество Налань Синдэ, поэзия жанра цы, эпоха династии Цин, китайская литература, концепт

Для цитиирования: Шуклина А. В., Мэй Чуньцай. «Печальный странник в мире людей»: особенности авторско-

го стиля Налань Синдэ в стихотворениях жанра μ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 10 (865). С. 141–146. DOI

10.52070/2542-2197_2022_10_865_141

Original article

"A melancholy Wanderer in the World": Peculiar Features of the Writing Style in Nalan Xingde's Ci-poems

Anastasia V. Shuklina¹, Mei Chuncai²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, shuklina_av@gmail.com ²Jilin Normal University, Sipin, China, meichuncai@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the poetry of Nalan Xingde (Manchu. Nara Xingde, 1655–1685), a Qing Dynas-

ty Manchu writer. In China, many philologists and literary critics consider him one of the most prominent masters of the Ci (song lyric) genre in the 17th century, however there are practically no Russian-language studies of his literary heritage. The article provides a general description of Nalan Xingde's literary work, reveals distinctive features of his artistic style. The study is based on the most

representative of his ci-poems.

Keywords: Nalan Xingde's literary work, ci poetry, the era of the Qing Dynasty, Chinese literature, concept

For citation: Shuklina, A. V., Mei, Chuncai. (2022). "A melancholy wanderer in the world": peculiar features of the

writing style in Nalan Xingde's ci-poems. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities.

10(865), 141-146. 10.52070/2542-2197_2022_10_865_141

 $^{^{2}}$ Цзилиньский педагогический университет, Сыпин, Китай, теісhuncаі@yandex.ru

ВВЕДЕНИЕ

Китайская поэзия в лирическом жанре цы зародилась еще во времена правления династии Тан (618–907), в эпоху Пяти династий она утвердила свои позиции в литературной среде, а в Сунском Китае этот жанр достиг своего рассвета и получил наибольшее распространение. Стихотворения цы слагались на различные песенные мотивы, а их тексты были очень тесно связаны с мелодической основой. Название мотива всегда указывалось в заглавии к стихотворению, мелодия определяла структуру поэтического текста: количество строф, длину строк, ритмический рисунок и т. д.

Интерес к поэзии в жанре цы вновь возник через столетия после заката Сунской империи, в период правления династии Цин (1636–1911), наиболее яркими ее представителями того времени были такие поэты, как У Вэйе, Чэнь Вэйсун, Чжу Ицзунь, Гу Чжэньгуань и др. Налань Синдэ (маньчж. Нара Синде, 1655-1685) занимает особое место среди этих выдающихся мастеров, многие исследователи считали его главным литератором той эпохи. В «Истории развития китайской литературы» поэт и литературовед Лю Дацзе выразил такое мнение о поэте: «Рассказывая о писателях династии Цин, необходимо начинать с Налань Синдэ. Его стихотворения в жанре цы самые известные, а он сам занимал первое место среди литераторов династии Цин» [刘大杰, 1982]. Исследованием литературного наследия этого автора также занимались такие ученые, как Ван Говэй, Чжан Цзюйлин, Ли Хунюй, Тянь Пин и многие другие.

В данной статье проведен общий анализ творчества Налань Синдэ, на основе отобранного материала, представленного стихотворениями жанра цы, выявлены главные особенности авторского стиля этого поэта. Необходимо отметить, что при достаточно большой популярности поэзии Налань Синдэ в Китае, читатели в России и европейских странах практически не знакомы с его произведениями. В настоящее время в переводе на русский и английский языки существует относительно небольшое количество стихотворений этого поэта, в русскоязычных источниках содержится крайне мало информации о его жизненном и творческом пути. Этот факт обусловливает актуальность данного исследования: существует необходимость восполнения информационных пробелов о Налань Синдэ как о крупном литераторе своей эпохи.

Основная цель написания статьи – дать комплексную характеристику творчеству Налань Синдэ, выявить отличительные черты его художественного стиля. Для достижения поставленной цели были выполнены следующие задачи: дана краткая

информация биографического характера, проведен анализ стилистических особенностей на материале наиболее репрезентативных стихотворений, написанных поэтом в жанре цы, выявлены основные концепты его лирики.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ НАЛАНЬ СИНДЭ

Для того, чтобы лучше понять, в чем заключается своеобразие авторского стиля Налань Синдэ, благодаря которому он добился известности, необходимо познакомиться с его биографией. Налань Синдэ (纳兰性德), также известный под своим вторым именем Жунжо и прозвищем «Уроженец горы Лэнцзя», родился в Пекине, в семье высокопоставленного маньчжурского чиновника, в одиннадцатом году правления Шуньчжи в двенадцатый день двенадцатого месяца по лунному календарю (15 января 1655 г.). Синдэ с детства отличался блестящим умом и незаурядным талантом, уже тогда мальчик изучал канонические книги и исторические сочинения, а с возрастом он стал особенно искусен в написании литературных произведений. В 22 года молодой человек, сдав дворцовый экзамен, был удостоен степени неклассного цзиньши (ученая степень доктора второго разряда) и поступил на службу в придворную стражу императора Канси. Куда бы ни ездил правитель, поэт везде следовал за ним до самой своей смерти. В течение этого периода он написал более шестидесяти цы, посвященных служебным поездкам в пограничные крепости [Сюэ Байчэн, 2021].

На протяжении всей жизни поэту не везло в любви, этот травмирующий опыт оказал сильнейшее влияние на его стихотворения. С ранних лет Синдэ был привязан к своей кузине по материнской линии. Он полагал, что непременно возьмет ее в жены, однако вопреки его ожиданиям, девушка была выбрана императорской наложницей, молодые люди были вынуждены расстаться навсегда. Когда Синдэ исполнилось 20 лет, он по воле родителей связал себя узами брака с девушкой из рода Лу, дочерью шаншу (чиновник, ведавший канцелярией императора династии Цинь) Лу Синцзу. Через три года супружеской жизни Лу умерла при родах. Это стало неожиданным ударом для литератора, который с головой погрузился в воспоминания о ней, тоска по жене преследовала его почти всю жизнь [张菊玲, 李红雨, 2013].

Осенью в двадцать первый год правления Канси, когда Синдэ было двадцать восемь лет, ему было приказано отправиться в Солон (Солунь) в провинции Хэйлунцзян, чтобы умиротворить дауров (дахуэр) — этнические меньшинства

в приграничной зоне. За успешно выполненное задание Канси собирался повысить Синдэ и предложить ему ответственный пост, но Налань заболел простудой и умер, не протянув и семи дней, в Пекине 30 мая 24-го года правления Канси (1 июля 1685 г.) в возрасте 31 года [Сюэ Байчэн, 2021].

Маньчжурское происхождение Налань Синдэ, опыт несчастной любви, служба в пограничных крепостях и тяготы постоянных скитаний – все этапы его жизненного пути непосредственным образом повлияли на построение богатой поэтической картины мира и формирование неповторимого авторского стиля литератора.

ЕСТЕСТВЕННОСТЬ И ЛАКОНИЧНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Поэзия цы произошла от народной песни, стихотворения складывались на популярные в народе мотивы и исполнялись под аккомпанемент различных музыкальных инструментов. Однако, в последствии этот лирический жанр претерпел значительные трансформации, незадолго до окончания правления династии Сун, среди поэтов «стали модными словотворчество, вычурная образность, изощренность техники стиха. Цы теперь не распевались повсюду и постепенно становились поэзией для узкого круга витий» [Голос яшмовой флейты ..., 1988, с.10].

В своих произведениях Налань Синдэ вернул присущую народной песне простоту, при чтении стихотворений невозможно не отметить естественность и легкость этих стихотворений, будто автор напрямую выражает свои настоящие и искренние мысли и чувства. Эту технику лаконичного описания китайские исследователи творчества маньчжурского поэта часто сравнивают с контурным рисунком, в котором используются простые кисть и тушь, свободными штрихами, без какого-либо приукрашивания, очерчивается яркая и живая основная мысль или образ [纳兰性德, 2013]. Чтобы проиллюстрировать эту особенность, приведем в пример стихотворение Налань Синдэ, написанное на мотив «Пуса мань»:

萧萧几叶风兼雨,离人偏识长更苦。欹枕数秋天, 蟾蜍下早弦。

Редкие листья засохли, на голых ветках шуршат, Ветер и дождь единым порывом их унести хотят. В горькой разлуке силюсь долгую ночь скоротать, Лег на подушку, осеннее небо взором хочу объять. Жаба-луна неполна, прошла только четверть пути, Тонкой одежде от холода ночи, увы, уже не спасти

[Налань Синдэ, 2013]

В этом стихотворении при помощи емких, понятных, и вместе с тем достаточно ярких образов передается эмоциональное состояние героя, все вокруг обостряет чувство одиночества, даже «жаба-луна» еще неполна, и он напрямую говорит о своих мыслях, смысл абсолютно прозрачен, словно это обычная речь.

В цы, написанных Налань Синдэ, часто встречаются бытовые зарисовки, благодаря которым переживания выглядят еще более натуральными, а главные герои становятся ближе читателю:

半月前头扶病,剪刀声、犹在银釭。忆生来、小胆 怯空房。

Всего лишь прошло две коротких недели, С тех пор, когда ты, отбросив тяжелый недуг, Хлопотала по дому, поднявшись с постели, Нагар с того фитиля убирала, не покладая рук. Я словно все еще слышу, как шуршит нож, И будто бы вижу легкую тень у лампы из серебра. Вдруг вспомнил робость твою, твою дрожь, И как боялась остаться одной средь пустого двора [Налань Синдэ, 2013].

В своих цы поэт исключительно простыми средствами, избегая усложненных литературных намеков, описывает эмоции лирического героя. Один из крупнейших ученых-филологов XX века Ван Говэй (1877–1927) такими словами охарактеризовал его творчество: «Налань Жунжо смотрит на все вокруг чистым взором, говорит о чувствах естественным языком. Маньчжуры, оказавшись на китайских землях, в самом начале еще не подверглись влиянию ханьского литературного стиля, что и послужило причиной подобной естественности. Со времен династии Северная Сун не было другого такого поэта» [Ван Говэй, 1970, с. 526].

ОСОБАЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ И ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ ЛИРИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В эпоху правления династии Цин возникли предпосылки к новому расцвету жанра цы. Зачастую наблюдавшееся в распространенной в то время поэзии ши возобладание рассудочного начала над чувствами порождало потребность в жанре цы для эмоционального самовыражении [Серебряков, 2008]. Одной из самых ярких особенностей поэтических произведений Наланя по праву считается его умение виртуозно описывать эмоции, тонко и вместе с тем ярко передавать переживания героя.

Мастера поэзии цы того периода, отказывались следовать старым традициям, считали, что поэт должен проявлять свой талант, а не подражать другим

литераторам, достигшим успеха. Так Налань Синдэ в своих стихотворений использовал новые техники для выражения чувств, самой репрезентативной из которых является детальное описание сенсорных ощущений, которое делает лирические переживания более объемными и реальными [Wang Shiyu, 2020]. В результате через такие каналы сенсорного восприятия, как обоняние, осязание, слух и зрение, между внутренним миром героя и внешним окружающим миром возникает прочная связь.

Так в цы, написанном на мотив «Пуса мань», почти все чувства, слух, зрение, осязание, предельно обострены:

梦回酒醒三通鼓,断肠啼鴂花飞处。新恨隔红窗, 罗衫泪几行。

В ночи раздался третьей стражи громкий бой, Я протрезвел, с очей стряхнул сон тяжкий свой; Терзает меня все: и этот крик кукушки за окном, И эти лепестки, свет красной лампы за стеклом. Тревожной ночью этой я не увижу других грез, На шелке моем темнеют блестящие капли слез [Налань Синдэ, 2013]

Слово «酒» («вино») связано с вкусовыми ощущениями: герой, протрезвев, просыпается, возможно, он до сих пор чувствует вкус и запах хмеля. Слух и зрение героя раздражают громкий бой третьей стражи, крик кукушки и красный свет лампы, принося физические и душевные страдания, он чувствует влагу слез на своей одежде. Все вышеперечисленное в комплексе позволяет читателю составить более полное представление об эмоциональном состоянии, благодаря связи с окружающим миром переживания главного героя выглядят настоящими, неподдельными.

В другом стихотворении Налань Синдэ, написанном на мотив «Шань хуацзы» («Горные цветы») при помощи той же техники удивительно ярко описывается противоположное по характеру переживание – радость и упоительное счастье:

昨夜浓香分外宜,天将妍暖护双栖。桦烛影微红玉软,燕钗垂。

Прошлой ночью густой аромат так пьянил, Словно птицы на ветке, мы парой сидели. Теплый воздух вечерний нам радость дарил, В небо ясное мы с тобой вместе смотрели. Лег на мягкую кожу красный свет той свечи, Как цветок ты нежна, как рубины сияешь. Шпилька с ласточкой тонкой сверкает в ночи, Пряди длинных волос ты ей закрепляешь

[Налань Синдэ, 2013].

Чувства лирического героя и сенсорные ощущения дополняют друг друга, сюжет этого цы, словно картина, написанная яркими, сочными красками. Таким образом, автор добивается эффекта достаточно сильного эмоционального воздействия на читателя.

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТЫ ЛИРИКИ НАЛАНЬ СИНДЭ

Одной из наиболее очевидных особенностей лирических произведений Налань Синдэ является преобладание таких концептов, как «скорбь» и «печаль». Этого маньчжурского писателя часто называют поэтом «вечной скорби», а сам он в стихотворении, написанном на мелодию «Хуань си ша» (Стирая шелк в горном ручье) говорит о себе: «Я печальный странник в мире людей» («我是人间 惆怅客») [纳兰性德, 2013]. Причиной тому в первую очередь стала преждевременная смерть первой жены поэта, которая оказала глубокое влияние на лейтмотивы и стиль его цы. С момента смерти первой жены и до собственной смерти Налань написал более пятидесяти цы о скорби по покойной возлюбленной. Он писал подобные стихотворения всю оставшуюся жизнь, формируя свой уникальный стиль, отличающийся особым печальным настроением и горестными сетованиями.

Согласно подсчетам в 348 сохранившихся цы Налань Синдэ иероглиф «愁» («тоска», «печаль») встречается около 90 раз. Литератор мог с исчерпывающей полнотой, разнообразными способами выразить это чувство, которое пронизывает его поэтическую картину мира на всех уровнях. Так тоска терзает главного героя изнутри, уподобляется болезни: «愁多成病» («скорби так много, я словно болен тоской»), «只看愁损翠罗裙» («просто взгляни, как ее терзает тоска, юбка зеленая уж велика для легкого тела»), «愁无限,消瘦尽» («грусть бесконечна, изнуряет меня, все сильнее худею я день ото дня»). Эта печаль настолько сильна, что вырывается наружу и окрашивает окружающий мир в мрачные краски: «愁痕满地» («зеленый мох завладел всей землей, как сердцем моим владеет печаль»), «那更夜深清露, 湿愁红» («ночью глубокой, когда ледяная роса выпадает, от капель тяжелых печально красный цвет опадает»).

Концепт «печаль» в произведениях Налань Синдэ часто соседствует с концептом «одиночество». Из-за служебных поездок в приграничные крепости поэт часто находился вдали от дома и семьи, поэтому постоянно чувствовал себя одиноким, а после смерти жены это ощущение только

Литературоведение

обострилось: «倚花愁不语» («некому душу излить, эту грусть доверяет цветам»), «此愁知向谁说» («кому я могу о горе поведать, о той грусти сказать?»), «新月才堪照独愁» («новая луна озарила томление одинокой тоски»).

Кроме «愁» Налань Синдэ использует другие слова для описания меланхолии лирического героя, например «伤» — «страдание», «мука» (从此伤春伤别: с тех пор в разлуке страдаю, весной тоскую всегда), «苦» — «горечь» (心比秋莲苦: больше, чем осенью семена лотоса, чувства горчат) «悲» — «горе», «скорбь» (那更乱蛩悲咽: сверчки поют вразнобой, будто скорбно рыдают в тиши ночной), «恨» — «досада», «сожаление» (到眼芳菲都惹恨: вижу цветы, но от них лишь досада горька).

Когда Синдэ сопровождал императора Канси в качестве придворного стражника, ему посчастливилось побывать во многих местах, куда другие поэты не могли добраться. Он путешествовал по живописным горам, рекам, озерам и морям своей родины. Благодаря опыту жизни в пограничных крепостях поэт получил богатый материал для создания им цы о служебных походах. Этот факт из биографии поэта также обусловил существование другого важного концепта его творчества -«неприкаянность». Лирический герой в своих скитаниях часто с нетерпением ждет возвращения домой, чтобы обрести душевный покой и уми-«便是欲归归未得,不如燕子还家» ротворение: («как жаль, что не могу я, как ласточки, свободно вернуться домой), сравнивает себя с ряской, безвольно плывущей по воде, или с ивовым пухом, который носит по свету ветер:

«半世浮萍随逝水» («будто ряска, судьба полвека с водою плывет»), «生来柳絮飘零» («всю жизнь как пух ивовый скитаюсь вместе с ветром»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье была предпринята попытка дать общую характеристику поэтическому творчеству Налань Синдэ, описать ключевые особенности языка его лирики, выявить ,какое место занимает его литературное наследие в истории развития китайской литературы и поэзии жанра цы в частности. В результате исследования были сделаны следующие выводы:

- можно утверждать, что Налань Синдэ считается одним из лучших маньчжурских литераторов и одним из крупнейших писателей среди представителей национальных меньшинств Древнего Китая. Особенно редким и ценным достижением можно считать то, что маньчжурский писатель добился такой искусности в использовании ханьских иероглифов;
- его творчество можно назвать второй вехой в истории развития поэтического жанра цы после первого периода расцвета в эпоху правления династии Сун;
- он унаследовал и развил присущие маньчжурской культуре простоту и искренность и впитал сущность ханьской культуры, что стало основной для формирования его уникального авторского стиля, основными отличительными чертами которого являются естественность и лаконичность, особая выразительность и эмоциональность;
- Налань Синдэ в своих произведениях демонстрирует особое мастерство в репрезентации таки концептов, как «печаль», «одиночество», «неприкаянность».

Творчество этого поэта, безусловно, заслуживает дальнейшего более глубокого изучения, а материалы данного исследования могут послужить основой для дальнейших изысканий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. 刘大杰. 中国文学发展史. 上海: 上海古籍出版社,1982. = Лю Дацзе. История развития китайской литературы. Шанхай: Древняя книга, 1982.
- 2. Сюе Байчэн. Исследование семейной истории Ехэнара / пер. Мэй Чуньцай. М.; СПб.: Нестор-История, 2021.
- 3. 张菊玲,李红雨. 清代词人身世探赜. 北京大学学报. 哲学社会科学版. 2013. 50 (04). 85–93页 = Чжан Цзюйлин, Ли Хунюй. Исследование тайн жизненного пути поэта в жанре цы Цинской эпохи // Вестник Пекинского университета. Философия и общественные науки. 2013. Вып. 50 (04). С. 85–93.
- 4. Голос яшмовой флейты: из китайской классической поэзии в жанре цы / пер. [со вступ. ст. и примеч.] М. Басманов. М.: Художественная литература, 1988.
- 5. 纳兰性德. 纳兰词全集鉴赏. 田萍注解. 北京: 中国画报出版社,2013 = Налань Синдэ. Полное собрание «Налань цы» с комментариями / примеч. Тянь Пин. Пекин: Китайское издательство иллюстрированных журналов, 2013.
- 6. 王国维. 人间词话[M]. 涂经诒译. 台北: 台湾中华书局,1970 = Ван Говэй. Разные суждения о поэзии жанра цы / примеч. Сюй Цзини. Тайбэй: Китайское книгоиздательство Тайваня, 1970.

Literary Studies

- 7. Серебряков Е. А. Новые веяния в поэзии: конец эпохи Цин (XIX начало XX вв.) // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 2008. Т. 3. Литература. Язык и письменность. С. 72–75.
- 8. Wang Shiyu. Affect, Chou and Nalan's Ci // Proceedings of the 2nd International Conference on Literature, Art and Human Development. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2020. P. 566–569.

REFERENCES

- 1. 刘大杰. 中国文学发展史. 上海:上海古籍出版社,1982 = Liu Dajie (1982). The development history of Chinese literature. Shanghai: Shanghai Classics Publishing House.
- 2. Xue, Baicheng. (2021). Issledovaniye semeynoy istorii Yekhenara = Research on Yehanar's family history / transl. Mei Chuncai. Moscow; Saint-Petersburg: Nestor-History. (In Russ.)
- 3. 张菊玲,李红雨. 清代词人身世探赜. 北京大学学报. 哲学社会科学版. 2013. 50 (04). 85–93页. = Zhang Juling, Li Hongyu. (2013). An exploration into the life experience of Nalan Xingde. A ci-poet of the Qing dynasty. Journal of Peking University. Philosophy and Social Sciences. 50 (04), 85–93.
- 4. Basmanov, M. (Transl.). (1988). Golos yashmovoy fleyty. Iz kitayskoy klassicheskoy poezii v zhanre tsy = The voice of the jade flute. Chinese Classical Ci Poetry. Moscow: Fiction literature. (In Russ.)
- 5. 纳兰性德. 纳兰词全集鉴赏. 田萍注解. 北京:中国画报出版社,2013 = Nalan Xingde (2013). Collection of all the works of Nalan Xingde / notes Tian Ping. Beijing: China Pictorial Press.
- 6. 王国维. 人间词话[M]. 涂经诒译. 台北: 台湾中华书局,1970. = Wang Guowei (1970). Notes on ci poems in the world / notes Xu Jingyi. Taibei: Chung Hwa Book Company.
- 7. Serebryakov, Ye. A. (2008). Novyye veyaniya v poezii: konets epokhi Tsin (XIX nachalo XX v.) = New trends in poetry: the end of the Qing era (19th early 20th century). In M. L. Titarenko ed. Intellectual culture of China: encyclopedia in 5 vols. (Vol. 3. Literature. Language and writing). Moscow: Eastern literature. (In Russ.)
- 8. Wang, Shiyu. (2020). Affect, Chou and Nalan's Ci. Proceedings of the 2nd International Conference on Literature, Art and Human Development. Advances in Social Science, Education and Humanities Research (pp. 566–569).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шуклина Анастасия Вадимовна

старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

Мэй Чуньцай

доктор исторических наук, профессор, заслуженный преподаватель, директор Института исследований Северо-Восточной Азии при Цзилиньском педагогическом университете

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shuklina Anastasia Vadimovna

Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Political Sciences, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University

Mei Chuncai

Doctor of History (Dr. habil.), Professor, Honored Lecturer, Director of the Institute of Northeast Asian Studies at Jilin Normal University

Статья поступила в редакцию 14.05.2022 одобрена после рецензирования 24.08.2022 принята к публикации 01.09.2022

The article was submitted 14.05.2022 approved after reviewing 24.08.2022 accepted for publication 01.09.2022

Научная статья УДК 008 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_147

Идеи социального неравенства в творчестве южнокорейского режиссера Пон Чунхо

Е. А. Похолкова¹, Т. С. Мозоль²

1,2 Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия ¹pokholkova@gmail.com, ²yoondanhee@gmail.com

Аннотация.

Работа посвящена анализу кинотворчества известного южнокорейского режиссера Пон Чунхо, в частности лингво-культурологическому анализу кинодискурса одного из основных его фильмов, ставшего обладателем Золотой пальмовой ветви Каннского кинофестиваля и лауреатом четырех премий «Оскар» в 2020 году, а также фильму «Сквозь снег». В настоящей статье анализируется авторский стиль Пон Чунхо с точки зрения сценария и режиссуры, выявляются элементы индивидуального, культурнообусловленного и глобального смысла, которые отражают идеи классового неравенства, социальной стратификации и социальной мобильности, свойственные южнокорейскому обществу. Кроме того, выдвигаются гипотезы о том, что делает кинематографический стиль Пон Чунхо особенным, а что делает его универсальным и понят-

ным массовому зрителю во всем мире.

Ключевые слова:

социальное неравенство, южнокорейский кинематограф, кинодискурс, Пон Чунхо, «Паразиты»

Для цитирования: Похолкова Екатерина Анатольевна, Мозоль Татьяна Сергеевна. Идеи социального неравенства в творчестве южнокорейского режиссера Пон Чунхо // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 10 (865). С. 147-153. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_147

Original article

Ideas of Social Inequality in Films Directed by Bong Joon-ho

Ekaterina A. Pokholkova¹, Tatiana S. Mozol²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia ¹pokholkova@gmail.com, ²yoondanhee@gmail.com

Abstract.

The article deals with the analysis of the films, directed by famous South Korean film director, producer and screenwriter Bong Joon-ho, sociolinguistic and cultural analysis of the film discourse of his main films, with the emphasis on "Parasite", which earned the Palme d'Or and also became the first South Korean film to receive four Academy Award nominations in 2020 and "Snowpierser". This article analyzes film discourse created by Bong Joon-ho from the perspective of his individual characteristics of style, culturally motivated and global elements of meaning, that reflect the ideas of class inequality, social stratification and social mobility in South Korean society. The article puts forward the hypothesis on what makes the cinematic style of Bong Joon-ho special, and what makes it universal and understandable to the mass audience around the world.

Keywords:

social inequality, South Korean cinema, film discourse analysis, Bong Joon-ho, "Parasites"

For citation:

Pokholkova, E. A., Mozol, T. S. (2022). Ideas of social inequality in films directed by Bong Joon-ho. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(865), 147-153. 10.52070/2542-

2197_2022_10_865_147

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы мир все чаще слышит о южнокорейских фильмах, уделяющих внимание реализму и гиперреализму с элементами гротеска и символизма. Картины, отражающие реальную действительность, не ограничиваются такими темами, как бизнес и экономика, и не стремятся лишь удовлетворять эстетическую потребность зрителей в прекрасном. Они отражают жестокую действительность и оголяют не только локальные, но и глобальные социальные проблемы, заставляя зрителя задуматься о структурных противоречиях общественных классов и о возможных способах разрешения конфликтов. На Каннском кинофестивале 2020 года с большим отрывом пальмовую ветвь получил фильм Пон Чунхо «Паразиты». Несмотря на то, что фильм позиционируется как триллер с элементами комедии, он гиперболизировано и метафорично отражает разницу между тем, как выглядит жизнь людей, принадлежащим разным социальным классам. Сочетание тематической наполненности и эстетики реализма составляет основную художественную ценность киноработ данного режиссера. При том, что режиссер уделяет немало внимания техническим аспектам съемки и художественному языку кино, они вступают со зрителями в диалог, заставляя считывать имплицитные смыслы, касающиеся социальной проблематики.

«Паразиты» стали не только самой успешной картиной режиссера Пон Чунхо, но и самым успешным южнокорейским фильмом в истории фестиваля. Предыдущие работы Пон Чунхо, такие как «Токио!», «Мать» и «Окча» также были представлены на Каннском кинофестивале. Фильмы южнокорейского режиссера говорят не только о сложности сосуществования на равных людей из разных социальных слоев - это и не возможно, ведь классовое неравенство существовало веками и тысячелетиями, в фильма Пон Чунхо как социолог рассуждает о причинах, вынуждающих людей пользоваться социальными лифтами (будь то горизонтальными или вертикальными), приводящих к тому, что одни люди паразитируют на других (вне зависимости от их возраста и социального статуса).

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

П. А. Сорокин определяет социальную стратификацию, как дифференциацию определенной совокупности людей на классы в иерархии [Сорокин, 2005].

Социальную стратификацию можно разделить на три основные формы - экономическую, политическую и профессиональную, которые тесно переплетены. Люди, принадлежащие к высшему слою в каком-то одном отношении, обычно принадлежат к тому же слою и по другому параметру, и наоборот. Однако, по мнению Сорокина, взаимозависимость трех форм социальной стратификации не может считаться полной, так как различные слои каждой формы совпадают друг с другом лишь частично. Это явление ученый впервые назвал статусным несовпадением. Человек может занимать высокое положение в одной стратификации и низкое положение в другой. Такое несовпадение болезненно переживается людьми и может служить для некоторых стимулом изменить свое социальное положение, привести к социальной мобильности индивида.

В социальном пространстве выделяются два основных измерения: горизонтальное и вертикальное. Горизонтальное измерение фиксирует вхождение индивида в определенную группу, например, католиков, демократов, итальянцев, немцев или русских, рабочих, врачей или художников.

Движение внутри пространства социальной стратификации было названо социальной мобильностью. Сорокин дает определение социальной мобильности как любое перемещение индивидуального или социального объекта или ценности из одного положения в другое. К социальным объектам могут относиться и предметы, и идеи, но наиболее важны социальные группы, которые также движутся в этом пространстве. Мобильность бывает горизонтальная и вертикальная. При горизонтальной мобильности происходит движение внутри одного и того же социального слоя. При вертикальной переход индивида (или другого социального объекта) из одной социальной страты в другую. При этом у претерпевшего мобильность объекта качественно меняется положение в обществе и отношения с другими людьми и социальными объектами.

Сорокин выделял три основных социальных лифта: армия, семья и церковь. На практике существует значительно больше вариантов. В каждом историческом времени и в каждом обществе своя система социальных лифтов, которая позволяла оптимизировать условия, при которых у человека, независимо от социального статуса его родителей, имелась относительная возможность попытаться подняться вверх по социальной лестнице.

В фильмах изображены два полюса общества, неравенства и насилие, которые оно обуславливает. Реальность, представленная в фильме «Сквозь снег» – это символ мира, во главе которого стоит абсолютная власть; существование оправдано

необходимостью защищать закон и порядок ради выживания человечества. «Паразиты» – это повествование о том, как люди, стоящие на самой низкой ступеньке общества, поднимаются вверх на другие социальные уровни, но происходит еще большая деградация личности – и они падают еще ниже. В своих многочисленных интервью режиссер не отвечает на вопрос кого именно он называет «паразитом[ами]» (в корейском языке отсутствует категория рода и числа) – каждый герой по отношению к другому является паразитом.

Общее в двух рассматриваемых фильмах Пон Чунхо – повествование о лишних людях, которые по сути не принадлежат ни к какому социальному классу. Они оказываются за пределами классовой системы, что делает их опасными мятежниками. [Jeong Hyeongyeong, 2020]

В обоих фильмах через образ лишних людей представлена антиутопия, повествующая о гибели равноправия. Однако взгляд на мир и, следовательно, типаж лишних людей отличаются в этих фильмах. Рассмотрим подробнее два произведения в сравнительно-сопоставительном ключе.

«СКВОЗЬ СНЕГ»

В фильме «Сквозь снег» (корейское название «Поезд снежной страны») иерархия горизонтальная. В мире, который стал снежным царством, курсирует поезд, проходящий свой круг раз в год. Повествование картины ограничено пространством поезда. В поезде находятся последние выжившие, поезд вечно идет по рельсам.

В фильме «Сквозь снег» изображается поезд, движение из которого наружу на ледник невозможно. Вагоны тоже разделены, и переход из вагона в вагон также ограничен или запрещен. Это символизирует собою закрытую политическую систему, систему неравенства, в рамках которой невозможно передвижение.

«Ограничение пространства, невозможность передвижения – необходимы для сохранения порядка и баланса системы, ради этого оправдано любое насилие и убийства» [Fang Xiao, 2020].

Люди из самого последнего вагона – это лишние люди, которых даже не привлекают к труду. Они балансируют между статусом необходимых людей и отбросов. Людям из последнего вагона отказано в праве быть людьми, они отвечают насилием в ответ на насилие со стороны системы.

Каждый из вагонов, на которые разделен поезд, символизирует собой определенный социальный класс. Передняя часть поезда представляет собой правящий класс, верхние слои общества,

хвост поезда – низшие социальные слои. Продвижение вперед поезда – означает подъем по социальной лестнице. Продвигаться по поезду могут только полицейские и военные – те, кто отвечает за обеспечение порядка и дисциплины в поезде.

Люди из последнего вагона – неприкасаемые, они не принадлежат ни к одному из социальных классов, не имеют определенного рода занятий. Стоит оговориться, что дети из последнего вагона получают так называемую «работу», они становятся частями поезда. Люди из головной части оправдывают подобное необходимостью выживания человечества.

Для сохранения необходимого количества людей в поезде в ход пускаются насилие и убийства. Премьер-министр Мейсон говорит о том, что люди из хвоста поезда смогли попасть на него только благодаря милости Уилфорда, но надо помнить, что они были необходимы для функционирования этой идеальной системы. Для работы поезда необходимо нужное количество людей, поезд не был бы такой завершенной системой, если бы в нем были одни богачи, люди из хвостовых вагонов также необходимы.

Всего за 17 лет на поезде было три бунта, включая революцию главного героя Кёртиса. Все они были спланированы создателем поезда Уилфордом для регулирования количества людей на поезде. Для поддержания идеального баланса количества человек в жертву необходимо было принести людей из самого последнего вагона, т. е. пожертвовать ими ради благосостояния людей из передних вагонов.

«ПАРАЗИТЫ»

В «Паразитах» иерархия вертикальная. В фильме не изображается вся система, внимание обращено к отдельным людям. В этом фильме неравенство изображено не на уровне общества или государства, а на уровне отдельной семьи, отдельных людей. В фильме «Паразиты» также есть лишние люди, как и в фильме «Сквозь снег», их движение по социальной лестнице также ограничено.

В фильме «Сквозь снег» изображена крайняя степень несправедливости и социального разрыва через образ поезда, из которого нельзя выйти и по которому нельзя передвигаться, но низшие классы путем бунта начинают движение через социальные страты (вагоны) и доходят до вершины (головы поезда).

В «Паразитах» используется образ лестницы, через который изображается отдаленность разных социальных классов друг от друга и не возможность

подняться вверх по социальной лестнице. Попытка подняться по этой лестнице завершается падением назад настолько, насколько поднялся. «Падение человека до уровня насекомого связано с его ненужностью, лишностью, как и в фильме «Сквозь снег»» [Fang Xiao, 2020].

Семья Кимов не может устроится на работу и занимается тем, что складывает коробки для пиццы. Отец Ким был водителем, мать была талантливой спортсменкой, дети не смогли поступить в университет, средств на дополнительное образование нет. Вместе с родителями они собирают коробки для пиццы. Таким образом, все члены семьи Кимов – лишние люди.

Ненужность семьи Кимов – опирается на критические представления режиссера о южнокорейской (национальной) реальности, которая, судя по международному признанию, получила транснациональный статус [Bechervaise, 2020].

В главных героях фильма мы видим архетипических персонажей – «людей, утративших свою конкурентоспособность на рынке труда, потерявших социальные ориентиры, людей, которых легко можно заменить. Проблема заключается в том, что безработица для этих людей, как и для семьи Кима, это не просто временное отсутствие работы, у них нет даже надежды получить то, что они не смогли изначально получить или вернуть то, что они утратили. Они застыли в состоянии ненужности» [Yuk Jeonhak, 2020].

«Даже путем уловок и ухищрений получив работу, семья Кимов не становится рабочим классом, пролетариатом, скорее их следует отнести к прекариату» [Jeong Hyeongyeong, 2020]. Появление ненужных людей в обществе стало побочным продуктом модернизации. У этих ненужных людей есть бунтарский дух. Обнаружение существования этих опасных людей – это путь понимания противоречий макросистемы или нестабильности современности.

Общество само порождает ненужных людей, а ответственность за это возлагает на них самих же. Под предлогом того, что система управления обществом построена правильно, оправдывается подавление и контроль. Необходимо проанализировать, как лишние люди реагируют на то, что их подавляют. Протест лишних людей, нестабильность и бунт – вот, что порождают лишние люди. Однако смысл насилия со стороны лишних людей несет в себе разный смысл в этих фильмах. В «Сквозь Снег» изображено тоталитарное государство, подавляющее всех, кто встает против идеально выстроенной системы (хотя в конце фильма мы узнаем что и сам бунт был создан верхушкой общества). В «Паразитах» не изображена государственная

власть, которая поддерживает баланс системы или ей руководит, мы видим человеческий и социальный продукт, результат существования южнокорейского общества, которое стало проекцией на транснациональную проблематику.

РЕВОЛЮЦИЯ И ИДЕАЛЫ СВЕРЖЕНИЯ СИСТЕМЫ

В фильме «Сквозь снег» пассажиры хвоста поезда – это бесполезный биомусор, отношение к которым не меняется ни при каких обстоятельствах, даже в результате совершенной социальной мобильности и продвижения через страты.

Как говорит в фильме премьер-министр Мейсон – для Священного двигателя, олицетворяющего собой правящий класс, необходимо и оправдано убить 74 % пассажиров последнего вагона. Для власть имущих они всего лишь мусор, а их смерть станет – интересным зрелищем.

Мейсон говорит о том, что все это время людей из последнего вагона бесплатно кормили и поили. Аналог системы социальной защиты, которая позволила им выжить, при этом претерпевая унижения. Высшие слои едят в роскошных вагонах суши и стейки, низшие – протеиновые батончики из тараканов в грязном и тесном вагоне в хвосте поезда. Эти батончики им стали раздавать только после того, как голод достиг таких масштабов, что в последнем вагоне стали есть детей. Гиперболизированные образы создают антиутопические образы мира, далекого от реальности, критикующие современность в виде пародии и гротеска.

Сопротивление ненужных людей сопровождается насилием. Насилие присутствует во всех фильмах Пон Чунхо как неотъемлемый элемент существования современного или вымышленного общества. Первые два бунта в поезде не называются революцией, потому что они терпят поражение и были спланированы самим правящим классом. Революция Кёртиса была более успешной и позволила ему дойти до Уилфорда. В фильме тоталитарная система, а также молчаливое согласие и повиновение, которые ее поддерживают, являются теми силами, которые позволяют сохранить общественно-политическое устройство в условиях замкнутого пространства поезда.

Кёртис, достигнув машинного отделения, понимает, что даже если Уилфорд умрет, поезд продолжит существовать, так как смена машиниста не изменит сути работы механизма. Тот, кто придет на место Уилфорда, также должен будет нуждаться в лишних ненужных людях, и история насилия и убийств продолжится. Протагонист понимает, что

истинная смена системы – это не ответ насилием на насилие и сохранение существующей системы такими же насильственными способами. Необходимо движение не вперед по поезду. Необходимо разрушить поезд и выйти из него, необходима полная смена мышления. Уилфорд является пленником государственной системы, Кёртис – раб логики движения вперед. Уилфорд оправдывает насилие своими убеждениями, Кёртис оправдывает насилие революцией.

В «Паразитах» нет образа тоталитарного государства. Есть три семьи, есть отдельные люди. Не видно насилия или подавления со стороны системы. Нет закона, нет полицейских и военных, которые бы защищали эту систему. Вместо этого в фильме есть бесконечная конкурентная борьба и люди, проигравшие в этой борьбе, не получившие признания своих способностей, - Лишние люди. Все сложнее найти стабильную работу, а много людей, готовых работать за небольшие деньги несмотря на свою высокую квалификацию и способности. Насилие в «Паразитах» проявляется в том, что для выживания семья Кимов сама лишает других людей рабочих мест и делает из них лишних людей. Они утешают себя тем, что водитель Юн, которого они убрали с места, нашел другого хорошего хозяина и, таким образом, пытаются оправдать свое насилие. Борьба героев друг с другом в этом фильме – это борьба паразитов. Для того, чтобы выжить среди паразитов, необходимо убивать.

В день, когда семья Пака уезжает отдохнуть, Кимы устраивают вечеринку в их доме. В это время внезапно возвращается уволенная Мунгван и они встречаются с ее мужем Кынсе, который все это время тайком жил в бункере. Теперь между ними разворачивается настоящая жестокая борьба паразитов. Кто-то один должен уйти, сохранив тайну. Они стремятся вытеснить друг друга в более низкое положение по социальной лестнице. Они безжалостны к себе подобным, они не задумываются о корне и сути проблем, в их жизни нет компромисса. Их борьба – это гротеск. Мунгван погибает, а Кынсе оказывается заперт в бункере.

Второй тип насилия – это насилие Кима – отца против Пака. Услышав слова о запахе бедных, он нападает на него. «Это насилие лишних людей против унижающего и презирающего их правящего класса. Как и в первом случае, лишние люди не задумываются здесь о первопричинах социальных проблем и несовершенной политической системе» [Kim Manjun, 2020].

Насилие в фильме «Сквозь снег» оправдано бунтом против системы, построенной на лицемерии и противоречиях. В «Паразитах» люди живут

в жестоком мире конкуренции, ответственность за их ничтожность возлагается на них самих. Здесь насилие – это результат дегуманизации и расчеловечивания, которое приводят к преступлению.

Социальная несправедливость, стремление к несоразмерно быстрому передвижению по социальной лестнице, протест лишних людей – это магистральные темы двух фильмов. По мнению Пон Чунхо протест лишних людей вызван тем, что ответственность за их ненужность в обществе перекладывается на них самих. В фильмах поднимаются вопросы о смысле ответного насилия, которое порождается насилием. Пон Чунхо не дает очевидных ответов на извечные социальные проблемы, он их подсвечивает, а иногда с помощью различных кинематографических приемов доводит до абсурда, заставляя зрителей из разных страт видеть и считывать свои элементы смысла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье анализируется тематическое содержание двух фильмов южнокорейского режиссера Пон Чунхо, а также рассматриваются особенности киноязыка, благодаря которым подобные кинокартины остаются востребованными и популярными не только на локальном, но и на глобальном кинорынке.

По мнению Ван Шауй, в фильме «Паразиты» реализм сочетается с визуальной эстетикой и высокой степенью символизма. А в картине «Сквозь снег» показываеся антиутопический мир некого абстрактного архитипического будущего [Wang Shuai, 2020].

В своих фильмах Пон Чунхо уделяет немало внимания техническим аспектам съемки и художественному языку кино, он повествует зрителю о проблемах классового расслоения, социальной мобильности, социальных лестниц, страт и лифтов. Главной темой также становится вопрос расчеловечивания личности и дегуманизации общества. Фильмы «Сквозь снег» и «Паразиты» – новаторские и эклектичные, они расширяют горизонты киножанра и раскрывают потенциал кинематографической эстетики.

В этих фильмах режиссер повествует о том, как члены общества озабочены личной идентификацией, он показывает групповые, классовые противоречия, которые существуют в современном южнокорейском и «транснациональном обществе» [Bechervaise, 2020] или антиутопическом мире. В одном фильме современность, в другом – некое абстрактное будущее. Лучшие фильмы Пон Чунхо рождаются, когда режиссер,

социолог по образованию, вдохновляется болезненными темами не только корейского общества, но и социума в целом, оголяя и эксплицируя

социальные проблемы, придавая им формы реализма с элементами черного юмора, гротеска, пародии, иронии и сарказма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Сорокин П. А. Социальная мобильность. М.: Academia, 2005.
- 2. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. Санкт-Петеребург: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2000.
- 3. 육정학. 영화 「기생충」을 통해 본 가족과 사회. 한국엔터테인먼트산업학회논문지 제14권 제5호, 2020 = Yuk Jeonhak. Family and society in the film "Parasites" // Journal of the Korean Entertainment Industry Association. Seoul, 2020. Vol. 14. No. 5.
- 4. 김문주. 영화「기생충」에 나타난 냄새의 타자성. 인문사회21 제11권2호, 2020 = Kim Manjun. The dissimilarity of smells in the movie "Parasites" // Humanities, 21. Seoul: Institute of Asian Culture, 2020. Vol. 11. No. 2.
- 5. 정현경. 평등의 몰락에 대한 영화적 대응과 의미. 영화 「설국열차」와 「기생충」을 중심으로. 비평문학. 한국비평문학회, 2020 = Jeong Hyeongyeong. The cinematic response to collapse of equality and its meaning focused on films "Snowpiercer" and "Parasite" // Literary Criticism. Korea Literary Criticism Association, 2020.
- 6. Bechervaise J. Parasite Forges New Paradigm on Transnational and National Cinema Intersection. Modern Cinema Studies. Seoul, 2020. Vol. 40.
- 7. Fang Xiao. An Analysis of the Spatial Narrative of the Film "Parasite". Journal of the Korea Entertainment Industry Association. 2020. Vol. 14. No. 1.
- 8. Wang Shuai. Analysis of the realistic aesthetic features of the movie "Parasite" // Journal of the Korea Entertainment Industry Association. 2019. Vol. 13. No. 8.

REFERENCES

- 1. Sorokin, P. A. (2005) Social'naya mobil'nost' = Sorokin P.A. Social mobility. Moscow: Academia. (In Russ.)
- 2. Sorokin, P. A. (2000). Social'naya i kul'turnaya dinamika: Issledovanie izmenenij v bol'shih sistemah iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennyh otnoshenij = Sorokin P.A. Social and cultural dynamics: A Study of Changes in Large Systems of Art, truth, ethics, law and Public Relations. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute. (In Russ.)
- 3. 육정학 (2020) 영화 「기생충」을 통해 본 가족과 사회. 한국엔터테인먼트산업학회논문지 제14권 제5호 = Yuk Jeonhak. (2020). Family and society in the film "Parasites". Journal of the Korean Entertainment Industry Association, 14(5). Seoul.
- 4. 김문주 (2020) 영화 「기생충」에 나타난 냄새의 타자성. 인문사회21 제11권2호 = Kim Manjun. (2020). The dissimilarity of smells in the movie "Parasites". Humanities, 21. Seoul: Institute of Asian Culture.
- 5. 정현경 (2020) 평등의 몰락에 대한 영화적 대응과 의미. 영화 「설국열차」와 「기생충」을 중심으로. 비평 문학. 한국비평문학회 = Jeong Hyeongyeong (2020). The cinematic response to collapse of equality and its meaning — focused on films "Snowpiercer" and "Parasite". Literary Criticism. Korea Literary Criticism Association.
- 6. Bechervaise, J. (2020). Parasite forges new paradigm on transnational and national cinema intersection. Modern Cinema Studies. Vol. 40. Seoul.
- 7. Fang Xiao (2020). An analysis of the spatial narrative of the film "Parasite", Journal of the Korea Entertainment Industry Association, 14(1).
- 8. Wang Shuai (2019). Analysis of the realistic aesthetic features of the movie "Parasite". Journal of the Korea Entertainment Industry Association, 13(8).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Похолкова Екатерина Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры восточных языков, декан переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Мозоль Татьяна Сергеевна

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных языков Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pokholkova Ekaterina Anatolievna

PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Oriental Languages, Dean of the Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Mozol Tatiana Sergeevna

PhD (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Oriental Languages, Head of the Oriental languages Department, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 14.05.2022 одобрена после рецензирования 24.08.2022 принята к публикации 01.09.2022

The article was submitted 14.05.2022 approved after reviewing 24.08.2022 accepted for publication 01.09.2022

Научная статья УДК 008 DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_154

Эгалитарная культура: осмысление феномена в западной антропологии XX века

Т. О. Рафиев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия slanchevb@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен эгалитарной культуры, дан историографический обзор кон-

цепций и объяснительных моделей, предложенных этнологами и антропологами, в которых в качестве определяющих факторов возникновения и существования эгалитарных культур обсуждаются специфические формы экономики, уровень социальной сложности и особый эгалитарный этос; озвучена авторская идея дифференциации эгалитарного и иерархического типов

культуры на основе отношения к ценностям равенства, принятым в конкретном социуме.

Ключевые слова: эгалитарная культура, типология культуры, эгалитарность, иерархичность, эгалитарные ценности,

культурные практики, этос культуры

Для цитиирования: Рафиев Т. О. Эгалитарная культура: осмысление феномена в западной антропологии XX века //

Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки.

2022. Вып. 10 (865). С. 154-161. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_154

Original article

Egalitarian Culture: Comprehension of the Phenomenon in the Western Anthropology of the 20th Century

Timur O. Rafiev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia slanchevb@mail.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of egalitarian culture, provides a historiographical overview

of concepts and explanatory models proposed by ethnologists and anthropologists, in which specific forms of economics, the level of social complexity and a special egalitarian ethos are discussed as determining factors of the emergence and existence of egalitarian cultures; the author's idea of distinguishing egalitarian and hierarchical types of culture based on the attitude to the values of

equality, accepted in a particular society.

Keywords: egalitarian culture, typology of culture, egalitarianism, hierarchy, egalitarian values, cultural practic-

es, ethos of culture

For citation: Rafiev, T. O. (2022). Egalitarian culture: comprehension of the phenomenon in the Western anthropol-

ogy of the 20th century. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(865), 154-161.

10.52070/2542-2197_2022_10_865_154

ВВЕДЕНИЕ

Если равенство как этическая категория является объектом философии, науки и права, по крайней мере, со времен Античности, то феномен эгалитарных культур стал предметом исследования сравнительно недавно, приблизительно начиная с 50-х годов прошлого века. Связано это с тем, что в поле зрения культурных антропологов и этнологов в это время впервые попали весьма необычно устроенные общества. А именно, действующие таким образом, что любые попытки проявления доминирования со стороны лидера или отдельных групп ограничиваются или жестко пресекаются остальными участниками, а доступ к социальным статусам, материальному потреблению и возможностям индивидуального развития оказывается примерно равным для всех членов культурного сообщества. Изначально речь шла об африканских номадических охотниках-собирателях – мбути, хадза, !кунг, г/ви и др. (C. Turnbull, J. Woodburn, R. Lee). Однако по мере того, как в ходе работы перед учеными открывались все новые и новые подробности функционирования эгалитарных культур, претерпевала изменения и сама исследовательская оптика. Культурные черты, выраженные в разной степени, но, так или иначе, связанные с эгалитаризмом, начали обнаруживаться и у других народов - в деревенских сообществах мотыжных земледельцев на Папуа-Новой Гвинее, среди индигенных племен Амазонии, практикующих охоту и огородничество, у инуитов, живущих промыслом морского зверя, среди кочевых охотников-собирателей Индии, бирхор и палияр, у батек в Малайзии и т. д. Поскольку стало очевидно, что выбор эгалитарных стратегий не связан с определенным типом хозяйства и материальной культуры, не привязан к какой-то одной локальной традиции, а широко распространен среди простых бесписьменных обществ по всему миру (есть основания предполагать, что раньше эгалитарных культур было значительно больше, чем сейчас), все чаще стала артикулироваться задача выяснения того, каким образом культуры развиваются и функционируют как эгалитарные. Более того, сама по себе тенденция к выравниванию социальных статусов и ролей не ограничена архаикой: так, подчеркнуто эгалитарный характер имеют некоторые модерные субкультуры, например, американские намеренные сообщества или израильские кибуцы [Abramitzky, 2011].

Речь идет о самой сути эгалитарной культуры, о ее специфике, причинах сохранения и преимуществах относительно иерархических культур,

безусловно, доминирующих в современном мире. И одним из возможных способов решения этой проблемы могла бы стать разработка типологии культур, основанная на дифференциации эгалитарности / иерархичности как значимых критериев развития человеческих сообществ и выявление культурной специфики, обусловленной данными параметрами.

Любая типология претендует на генерализацию сферы применимости, что, в конечном счете, приводит к сведению множества уникальных культурных феноменов к унифицированной последовательности типов. Такая редукция носит двойственный характер: с одной стороны, она обедняет описание культуры, акцентируя внимание на единичном аспекте, но, вместе с тем, создает возможность для сравнения и анализа культур максимально далеких, не связанных друг с другом генетически. Перспектива выделения эгалитарного и иерархического типов культуры при неизбежности подобной редукции, содержит потенциальные преимущества, поскольку позволяет выделить в качестве объекта исследования важный вектор историко-культурной динамики, который прежде редко оказывался в фокусе внимания культурологов.

Базовым принципом классификации культур, описанным в работе А.Я. Флиера «Структурирование культуры по основным сферам жизнедеятельности людей (морфология культуры)», является выбор признака, единого для всех исследуемых субъектов, но представленного «в разных количествах, объемах, частотности, степени выраженности» [Флиер, 2022]. В качестве одной из наиболее значимых характеристик А. Я. Флиер выделяет преобладающий тип социальной солидарности. Он складывается из доминирующей формы социальной организации и ее идеологической основы, являющихся «взаимозависимыми и даже взаимопорождающими по отношению друг к другу» [там же], и заключается в способах и методах «упорядочивания мира, как в практической деятельности людей по социальному мироустройству... так и в области идеальных представлений о мире»

Принимая и разделяя этот постулат, мы полагаем, что одной из целей типологии, основанной на критерии «эгалитарность / иерархичность», должно быть выяснение того, каким образом равенство как доминирующий этос проявляет себя в эгалитарных моделях культуры.

Для того чтобы определить символическую границу, отделяющую эгалитарные культуры от иерархических, необходимо выяснить, в каких случаях наличие тех или иных эгалитарных практик и связанных с ними ценностей можно

признать достаточным основанием для отнесения культуры к эгалитарному типу. Однако прежде чем обратиться к масштабной задаче исследования связи эгалитарного этоса с культурными практиками и последующей типологизации, рассмотрим объяснительные модели, предложенные культурными антропологами, изучавшими феномены эгалитарности и иерархичности в культуре.

ЭГАЛИТАРНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Большинство работ, посвященных проблеме эгалитаризма, апеллирует к политическому устройству, уровню экономического развития и сложности социума. Внимание в них, в основном, акцентируется на социальной организации, политических системах, а не на культурных ценностях и практиках. Эгалитарный этос, за исключением выводов, к которым пришли К. Боэм, Дж. Вудберн обычно рассматривается как сопутствующая компонента.

Так, британские антропологи М. Фортес и Э. Э. Эванс-Притчард в работе, посвященной политическим системам африканских обществ, выделяют три типа, два из которых идентифицируют по критерию иерархичности / эгалитарности. Так, первая из выделенных социальных систем состоит из обществ, которые безусловно иерархичны и квалифицируются исследователями как негативный пример, позволивший сформировать концепцию эгалитарного общества [African political systems, 1940]. Второй тип систем состоит из «обществ, в которых отсутствует централизованная власть», ... «нет резких различий по рангу, статусу и богатству» [там же, с. 5], а «различия ранга и статуса имеют второстепенное значение» [там же, с. 9]. Лишенные определяющих характеристик иерархических обществ, эти общества по умолчанию являются «эгалитарными». Хотя различия в богатстве и привилегиях существуют и даже являются критериями «качеств или статуса, необходимых для политического лидерства», эти общества описываются как «экономически однородные, равноправные и сегментарные» [там же].

Очевидно, что такая типология носит слишком общий характер и не дает понимания сущностных черт эгалитарности, а главное, она не объясняет причин экономической однородности и сегментарности эгалитарных обществ.

Отчасти ответ на этот вопрос дал британский антрополог Джеймс Вудберн, согласно исследованиям которого в основе эгалитарных обществ лежит экономическая детерминанта, обозначенная

как принцип немедленного / отсроченного возврата. В соответствии с данным экономическим критерием общества охотников-собирателей квалифицируются автором концепции как общества «немедленного возврата приложенных усилий», которым противопоставляются все остальные общества «отсроченного возврата» [Woodburn, 1982, с. 433]. В первом случае временной разрыв между потреблением добытой пищи или готовых предметов, одежды, оружия, орудий труда и усилиями по их получению или изготовлению сравнительно невелик. Затратив ограниченный временной период на охоту, собирательство или ремесленную деятельность, люди практически сразу потребляют результаты. Такой тип экономики, по мнению Дж. Вудберна, препятствует накоплению материальных ресурсов, не позволяет развиться сложной социальной иерархии и мотивирует развитие эгалитарных ценностей, что, в свою очередь, приводит к равенству собственности, потребления и социального статуса. Дж. Вудберн настаивал на решающей роли отказа от длительного хранения и накопления пищи для функционирования эгалитарных обществ. Данная концепция инициировала научную дискуссию и критику некоторых противоречий. Так, Дж. Флэнаган [Flanagan, 1989] обратил внимание на тот факт, что для некоторых народов, например, инуитов характерно длительное хранение пищи, при этом они эгалитарны в вопросах принятия решений до такой степени, что глава семьи не вправе оказывать влияние и распоряжаться даже личным временем своей жены или детей. Другим показательным примером исключения представляются доконтактные культуры аборигенов Австралии. Несмотря на их безусловную принадлежность к обществам немедленного возврата в отношении материальных ресурсов, социальные отношения соответствуют скорее ранжированному, чем эгалитарному обществу. Взрослые, прошедшие инициацию мужчины распоряжались здесь жизнью и судьбой как женщин, так и неинициированных юношей, обладали монополией на сакральные знания, используя их как властный ресурс [там же]. Отвечая на данную критику, Дж. Вудберн остроумно предложил считать власть мужчин-аборигенов над судьбой зависимых женщин активом, свидетельствующим об отсроченном возврате, поскольку мужчины вкладывают усилия в то, чтобы вырастить девочек, и отдав их замуж, получают материальные дивиденды от будущего зятя. Тем самым Дж. Вудберн вывел австралийских аборигентов из числа обществ «немедленного возврата», хотя приведенная аргументация не представляется нам убедительной.

Несмотря на спорные положения концепции немедленного / отсроченного возврата, Дж. Вудберн внес значительный вклад в изучение эгалитарных культур. Он первым дал подробное описание культурных практик, основанных на эгалитарных ценностных установках охотниковсобирателей, таких как хадза, показав взаимосвязь между этосом и повседневными практиками [Woodburn, 1982]. Это текучесть состава групп (fluidity), запрет на публичные проявления гордости, требование обязательного распределения добычи (крупной дичи) (meal sharing), экономическая автономия индивидов, как мужчин, так и женщин, отказ от давления на детей и т. д. Ярким примером эгалитарной ценности, описанным Вудберном, является полный запрет на социальную эксклюзию. В частности, в отличие от соседних народов, хадза не изолируют прокаженных. То, что больные лепрой живут вместе с остальными в общем лагере, не связано ни с гуманизмом, ни с отсутствием страха перед болезнью. Единственная причина заключается в том, что в обществе хадза практики исключения чрезвычайно редки и распространяются только на убийц и чрезмерно авторитарных индивидов. Допускаются практики унижения больных, но они не могут быть изгнаны из сообщества [там же].

Дж. Вудберн был одним из первых антропологов, обративших внимание на существование механизмов социального выравнивания. В их числе он описал как общие для номадических обществ охотников-собирателей правила (в частности, требование дележа крупной добычи), так и специфические, присущие именно хадза, например, участие в азартных играх мужчин-охотников в сухой сезон.

Еще одной важной идеей Дж. Вудберна является выделение двух форм эгалитаризма – неконкурентного и конкурентного. Первый присущ обществам охотников-собирателей, он задан а priori и имеет безусловный характер. Второй это эгалитаризм в обществах отсроченного возврата, например, среди членов мужских союзов в Меланезии. Он требует постоянных материальных и физических затрат от каждого участника, направленных на подтверждение своего равного социального статуса с другими участниками группы (прохождение этапов инициации, участие в уплате выкупа за невесту, участие в совместных ритуалах, пирах и т. д.). Индивиды, не выдержавшие такой конкуренции, подвергаются стигматизации и исключаются из группы [там же]. Дж. Вудберн подчеркивает, что между этими формами эгалитаризма существует значительная культурная дистанция.

Весомый вклад в исследование эгалитарных обществ принадлежит американскому антропологу Мортону Фриду, который выделил эгалитарный тип обществ наряду с ранжированным, стратифицированным и государственным, соответствующих разным этапам политического развития.

Эгалитарное общество в концепции М. Фрида описывается как общество, в котором существует столько же престижных должностей в любой данной возрастно-половой категории, сколько и людей, способных их занять [Fried, 1967]. В целом Фрид отрицательно оценивал эгалитарные общества, полагая, что у них, в силу ряда причин, просто нет средств для ранжирования и стратификации. Во-первых, лидерство в эгалитарных обществах основывается на авторитете и лишено коннотаций власти. Во-вторых, оно носит временный характер, переходя от одного компетентного лица к другому. В-третьих, значимость лидерства зависит не столько от личностей, сколько от ситуаций. В-четвертых, ограниченность власти лидера возможна только в малых группах, таких как семья, и по мере увеличения масштаба социальных групп уровень ограничений власти лидера постепенно снижается. В-пятых, авторитет имеет гораздо более широкий диапазон, чем власть, но также резко снижается с расширением рассматриваемой группы. Различие между авторитетом и властью М. Фрид связывает со способностью управлять поведением других людей в отсутствии возможности применения насилия или санкций (в первом случае) или при наличии таких возможностей (во втором). [там же].

Эгалитарному обществу автор данной концепции противопоставляет общество ранжированное, «в котором должности с ценным статусом каким-то образом ограничены, так что не все те, у кого достаточно таланта, чтобы занимать такие статусы, на самом деле достигают их» [там же, с. 109].

Таким образом, основными характеристиками эгалитарного общества, обеспечивающими равенство, по мнению М. Фрида, является доступность престижных ролей, основанная на универсальных категориях, таких как пол, возраст и личные способности индивида. Данные результаты стали значимым этапом в разработке концепции эгалитарных культур.

Следующий из рассматриваемых авторов – американский антрополог Джеймс Флэнаган не предложил собственной объяснительной модели исследуемого феномена. Его вклад мы связываем, скорее, с проблематизацией самого понятия «эгалитарное общество». Ученый полагал, что эгалитарность можно рассматривать только контекстуально, в связи с тем, что «системы, основанные на идеологии равных возможностей, на самом

деле могут содержать огромное неравенство как в материальных ресурсах, так и в доступе к власти, например, неравенство может объясняться различиями в способностях» [Flanagan, 1989, с. 260]. Полемизируя с М. Фридом, Дж. Флэнаган справедливо отмечал, что найти пример общества, в котором равенство было бы реализовано в полной мере, достаточно сложно. Схожую позицию артикулировал и знаменитый антрополог Маршалл Салинс, признавая, что абсолютно эгалитарных обществ, видимо, никогда не существовало: «Теоретически эгалитарное общество было бы таким, в котором каждый индивид имеет равный статус, общество, в котором никто никого не превосходит по рангу. Но даже самые примитивные общества нельзя было бы назвать эгалитарными в этом смысле» [Sahlins, 1958, с. 121].

По-новому посмотреть на проблему статусных различий предложила канадская исследовательница Элеанор Ликок, которая обратила внимание на предвзятость в представлениях этнологов о статусах полов в обществах охотников-собирателей и, шире, в неевропейских культурах в целом. Не отрицая универсальности пола как социальной категории, Э. Ликок отметила, что предположение о том, что любое различие между полами обязательно предполагает иерархию, хотя и рассматривается как проявление здравого смысла, скорее, является этноцентричной установкой западных исследователей. Э. Ликок утверждает, что западные модели предполагают восхождение «от бэнда к племени, от племени к вождеству, от вождества к государству. Таким образом, развитие процессов принятия решений рассматривается количественно как прогрессивный переход к западным формам власти и контроля» [Leacock, 1978, с. 250]. Э. Ликок проводит границу между эгалитарными и иерархическими обществами. По ее мнению, эту границу, помимо прочего, определяет отсутствие институциализированных статусов мужчин и женщин в обществах охотников-собирателей, и их наличие в обществах иерархических. Опираясь на собственный полевой опыт изучения индейцев монтанье-наскапи, она пришла к выводу, что отношения в таких обществах более точно, чем равенство, отражает понятие индивидуальной автономии каждого участника. «Индивидуальная автономия была необходимостью... Это было связано с образом жизни, который требовал большой индивидуальной инициативы и решительности наряду со способностью быть чрезвычайно чувствительным к товарищам по группе. Я предполагаю, что личная автономия сопровождалась прямой зависимостью каждого индивида от группы в целом. Принятие решений в этом контексте требует

иных концепций, чем наши, - лидер и ведомый, доминирующий и подчиненный...» [там же]. Э. Ликок утверждала, «что дихотомия между государственным и частным недостаточна для понимания обществ, которые не структурированы (или не были структурированы) по классовым признакам. Само существование различных ролей для женщин и мужчин рассматривается как достаточное объяснение, учитывая ответственность женщин за деторождение и кормление грудью. Э. Ликок приводит в пример данные XVII века, опубликованные французским иезуитом Фр. Ле Женом, о том, что женщины-наскапи не подчиняются мужчинам, а у мужчин нет склонности заставлять их повиноваться. Уже в XX веке малые и большие семьи объединялись во временные группы для промысла пушнины, отсутствие постоянных лидеров вызывало сожаление и у торговцев - европейцев и у канадского правительства [Leacock, 1978].

Что касается автономии женщин, то ничто в структуре эгалитарных обществ не требовало особого уважения к мужчинам. Э. Ликок отмечает отсутствие экономических и социальных обстоятельств, которые обязывали бы женщин быть более чувствительными к потребностям и чувствам мужчин, чем наоборот. Этот факт так же справедлив для охотничьих обществ, где женщины не добывали основной доли пищи. Ритуализация специфически мужской деятельности - охоты и спорадических военных набегов уравновешивалась ритуализацией женской, связанной с деторождением и управлением домашним хозяйством. Дополнительным механизмом контроля за ситуацией была возможность женщин свободно расторгать брак и распоряжаться семейным имуществом. Э. Ликок упоминает также женщин-шаманок и особые женские советы, существовавшие у монтанье-наскапи в XVII веке параллельно с мужскими [там же]. Идеи Э. Ликок наполнили конкретным содержанием тезис о гендерном равенстве в эгалитарных культурах, дали толчок другим исследованиям. В качестве примера можно привести работу, посвященную обряду женской инициации «майтоко» у девушек-хадза Камиллы Пауэр [Power, 2015]. В то же время отказ Э. Ликок от термина «равенство» в пользу «личностная автономия», на наш взгляд, неоправданно сужает представление об эгалитарных ценностях.

Необходимо согласиться с обоснованным сомнением, высказанным Дж. Флэнаганом, что ни одна культура, сколь ни последовательно она декларирует и воплощает в жизнь идеалы равенства, не способна добиться абсолютного эгалитаризма. К необходимости смягчения критериев эгалитарности призывал и американский антрополог

Кристофер Боэм, который смог убедительно доказать, что «основной и наиболее непосредственной причиной эгалитарного поведения является морально-этическое решение главных политических акторов локальной группы о том, что ни одному из ее членов не должно быть позволено доминировать над другими» [Boehm, 1993, с. 230]. То есть именно общеразделяемые эгалитарные идеалы в конечном счете определяют принадлежность к эгалитарной культуре. В своей работе «Эгалитарное поведение и обратная иерархия доминирования» К. Боэм рассматривает механизмы санкционирования и ограничения доминирующей роли лидера в некоторых традиционных культурах, делая акцент на решающем значении эгалитарной идеологии. Ученый утверждает, что благодаря принятым в обществе мерам, происходит выравнивание статусов, и нормальная логика доминирования, предполагающая подчинение власти лидера, т. е. классическая иерархия, замещается обратной иерархией, при которой власть переходит к рядовым участникам. При конфликтах между лидером и группой задействуются различные механизмы: уход несогласных в другую группу, высмеивание авторитарной личности окружающими, его изгнание, избиение, а иногда даже убийство. В большинстве случаев любая попытка лидера публично заявить о своем значении автоматически приводит к потере авторитета. Таким образом эгалитарные общества препятствуют возвышению отдельных индивидов [Boehm, 1993]. К. Боэм анализирует 48 культур, чья форма социального общежития не предполагает формирования больших групп, и в то же время демонстрирующих обратную иерархию. Именно малый масштаб групп в сочетании с эгалитарным этосом создают эффект, который он назвал «амбивалентным». Эгалитарное поведение не дает возможностей для укрепления больших сообществ - они слишком легко делятся; в свою очередь, малые группы не позволяют формировать какие-либо фракции, лидер все время остается на виду, а рядовым участникам не составляет труда держать его под контролем. Они склонны к принятию консенсусных решений, а попытки доминировать над кем-либо воспринимаются как общая проблема [там же].

Идеи К. Боэма подверг критике канадский антрополог Г. Б. Барклай, справедливо указав на то, эгалитарная идеология может стоять в едином ряду с другими факторами и не иметь решающего значения. Он обратил внимание на то, что одним из важных выравнивающих механизмов для простых обществ является столкновение с внешним давлением западной цивилизации, что приводит к нарушению наследственного характера власти,

«пересборке» и консолидации на эгалитарных началах. В качестве примера он приводит традиционные племена Южной Америки. Наряду с этим Г.Б. Барклай оспаривает применение термина «эгалитарный» для такого широкого спектра культур, отмечая, что во многих из них ограничение власти лидера не отменяет подчиненного положения женщин и детей и использует для обозначения таких обществ термин «анархические» [там же], который, по нашему мнению, вряд ли можно признать удачным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работах, посвященных культурам, определяемым как эгалитарные, или такими, чей эгалитаризм носит дискуссионный характер, наиболее важными вопросами можно признать следующие:

- каковы критерии эгалитарности культур;
- какие культурные практики отвечают за воспроизводство образцов эгалитарного поведения;
- как осуществляется переход от эгалитарных к иерархическим моделям культуры.

Надо признать, что до сих пор ответов, удовлетворяющих всех исследователей, не предложено. Ни одно из объяснений, опирающееся на экономические, социальные, культурные или ментальные факторы, нельзя признать исчерпывающим. Сколь бы ни была велика приверженность ценностям равенства, любое общество, устроенное сложнее, чем локальная группа охотников-собирателей, будет обладать чертами неравенства. И если различные формы иерархических обществ поддаются типологизации, основанной на анализе социальной структуры [African political systems, 1940; Fried, 1967], то провести грань между эгалитарными и иерархическими с этих позиций проблематично. Эвристичной представляется позиция К. Боэма, предлагающего смягчить требования, предъявляемые к эгалитаризму, и признать эгалитарными культуры, препятствующие личностному доминированию, авторитарности, классической иерархичности. Естественным критерием эгалитарности в этом случае следует признать ценности, реализуемые в культурных практиках. Подробный анализ эгалитарных ценностей и норм, проведенный Джеймсом Вудберном на примере народа хадза, позволил автору этих строк выделить устойчивый эгалитарный культурный комплекс [Рафиев, 2021]. Речь идет о приверженности эгалитарным ценностям как о векторе развития, о неприятии институализированной зависимости одних индивидов от других. На этой воображаемой прямой эгалитаризма безусловными лидерами представляются культуры охотников-собирателей. Хотя сам по себе присваивающий тип хозяйства не является определяющим для отнесения культуры к эгалитарной. Существовали культуры, практиковавшие присваивающее хозяйство, и в то же время, имевшие выраженную социальную стратификацию, институализированную власть вождя, например, индейские общества Британской Колумбии XIX века – квакиутли, тлинкиты, хайда и другие.

Аксиологический подход к эгалитаризму в культуре позволяет, наравне с архаическими, всерьез обсуждать равенство и среди модернизированных обществ. Вместе с подъемом

кейнсианства в середине 30-х годов прошлого века постепенно приобрела популярность концепция «государства всеобщего благосостояния» (welfare state). Среди последовавших по этому пути особое место занимают скандинавские страны, в которых идея социального государства «наложилась» на историко-культурный бэкграунд. Несмотря на то, что с точки зрения социальной стратификации, скандинавские общества безусловно относятся к сложным модерным, имеют иерархически устроенные институты власти, ценностные установки их культуры носят выраженный эгалитарный характер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Abramitzky R. Lessons from the kibbutz on the equality-incentives trade-off // Journal of Economic Perspectives. 2011. Vol. 25. No 1. P. 185–208.
- 2. Флиер А.Я. Структурирование культуры по основным сферам жизнедеятельности людей (морфология культуры) // Kyльтypa культypы. 2022. URL: http://www.cult-cult.ru/structuring-culture-according-to-the-main-spheres-of-hu-man-activity/?ysclid=l5fn1udsbl93628128
- 3. African political systems / M. Fortes, E. E. Evans-Pritchard (eds.). London: Oxford University Press, 1940.
- 4. Woodburn J. Egalitarian Societies // Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Man. New Series, Vol. 17, No. 3 (Sep., 1982). P. 431–451.
- 5. Flanagan J. G. Hierarchy in simple «egalitarian» societies // Annual Review of Anthropology. 1989. Vol. 18. P. 245–266.
- 6. Fried M. H. The evolution of political society. New York: Random House, 1967.
- 7. Sahlins M. Social stratification in Polynesia. Seattle: University Washington Press, 1958.
- 8. Leacock E. Women's status in egalitarian society: implications for social evolution // Current Anthropology. 1978. Vol. 19. P. 247–276.
- 9. Power C. Hadza gender rituals epeme and maitoko considered as counterparts // Hunter Gatherer Research. 2015. Vol. 1 (3). P. 333–358.
- 10. Boehm Ch. et al. Egalitarian behavior and reverse dominance hierarchy [and comments and reply] // Current Anthropology. Jun., 1993. Vol. 34. No. 3. P. 227–254.
- 11. Рафиев Т. О. Эгалитарные ценности в культурах хадза и шведов. Сравнительный анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 246–264.

REFERENCES

- 1. Abramitzky, R. (2011). Lessons from the kibbutz on the equality-incentives trade-off. Journal of Economic Perspectives, 25(1), 185–208.
- 2. Flier, A. Ya. (2022). Strukturirovaniye kul'tury po osnovnym sferam zhiznedeyatel'nosti lyudey (morfologiya kul'tury) = Structuring culture according to the main spheres of human activity (morphology of culture). In Culture of culture. http://www.cult-cult.ru/structuring-culture-according-to-the-main-spheres-of-human-activit y/?ysclid=l5fn1udsbl93628128
- 3. Fortes, M., Evans-Pritchard, E. E. (eds.). (1940). African political systems. London: Oxford University Press.
- 4. Woodburn, J. (1982). Egalitarian Societies. Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Man, New Series, 17(3, Sep.), 431–451.
- 5. Flanagan, J. G. (1989). Hierarchy in simple «egalitarian» societies. Annual Review of Anthropology, 18, 245–266.
- 6. Fried, M. H. (1967). The evolution of political society. New York: Random House.
- 7. Sahlins, M. (1958). Social stratification in Polynesia. Seattle: University Washington Press.

- 8. Leacock, E. (1978). Women's status in egalitarian society: implications for social evolution. Current Anthropology, 19, 247–276.
- 9. Power, C. (2015). Hadza gender rituals epeme and maitoko considered as counterparts. Hunter Gatherer Research, 1(3), 333–358.
- 10. Boehm, Ch. et al. (1993). Egalitarian behavior and reverse dominance hierarchy [and comments and reply]. Current Anthropology, 34(3, Jun.), 227–254.
- 11. Rafiev, T.O. (2021). Egalitarian values in the Hadza and Swedish cultures. Comparative analysis. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(853), 246–264. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рафиев Тимур Орифджанович

аспирант кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rafiev Timur Orifdzhanovich

Postgraduate student of the Department of World Culture, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 14.05.2022 одобрена после рецензирования 24.08.2022 принята к публикации 01.09.2022

The article was submitted 14.05.2022 approved after reviewing 24.08.2022 accepted for publication 01.09.2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

ВЕСТНИК

Московского государственного лингвистического университета Гуманитарные науки Выпуск 10 (865)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic

University Humanities Issue 10 (865)

Ответственные редакторы выпуска Мозоль Татьяна Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент Рахимбекова Лола Шакеновна, кандидат филологических наук, доцент.

Executive editors

Mozol Tatyana Sergeevna,

PhD in Philology, Associate Professor
Rakhimbekova Lola Shakenovna,

PhD in Pedagogy, Associate Professor

Редактор М. М. Сингал Верстка: А. В. Алымов, Ю. Л. Герасимова Разработка макета: А. Алымов Editor M. M. Singal Layout: A. V. Alymov, Yu. L. Guerassimova Layout design: A. V. Alymov

Подписано в печать 01.12.2022 Усл. печ. л. 20,3. Формат 60х90/8 Заказ № 85/22 Signed for print: 01.12.2022

Conventional printed sheets: 20,3. Layout format 60x90/8

Order 85/22

Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Тел.: (499) 245 33 23 Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034

Tel.: (499) 245 33 23 E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ © FSBEI HE MSLU, 2022

Website domain name: vestnik-mslu.ru Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, 3J N $^{\circ}$ Φ C77-66051 The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы. Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations. Reprinting of materials is possible with the editors' obligatory written consent. Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Философия», «Философия», «Философия и культурология».